

Том 13. № 3
2016

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)
Г.М. Бреслав (Балтийская международная академия, Латвия)
Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)
В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)
Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
М. Линч (Рочестерский университет, США)
Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)
А.Н. Подьяков (НИУ ВШЭ)
Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)
А.В. Хархурин (Американский университет Шарджи, ОАЭ)
В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)
С.Р. Яковлевский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абулханова-Славская (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Н.А. Алмаев (ИП РАН)
В.А. Барабанищikov (ИП РАН и МГППУ)
Т.Ю. Базаров (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)
А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Л. Журавлев (ИП РАН)
А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
Е.А. Климов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)
А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)
В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.М. Розин (ИФ РАН)
И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)
Е.А. Сергиенко (ИП РАН)
Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)
Т.Н. Ушакова (ИП РАН)
А.М. Черноризов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
П. Шмидт (НИУ ВШЭ и Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала — это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Ю.В. Брицева*
Редакторы *О.В. Шапошникова*, *О.В. Петровская*,
Д. Вонсбро. Корректурa *Н.С. Самбу*
Переводы на английский *К.А. Чистопольская*,
Е.Н. Гаевская
Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 46Б
E-mail: psychology.hse@gmail.com
Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска. Российские психологи: В.П. Зинченко.
Живая память.

- В.А. Петровский.** Вступительное слово437
В.П. Зинченко. К проблеме Я (Языковые игры: не с нулевой ли суммой?) *(на английском языке)*439
В.П. Зинченко. Живая память в исследованиях П.И. Зинченко (ретроспект и проспект) *(на английском языке)*448
В.П. Зинченко. Живые метафоры смысла *(на английском языке)*477
В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили. Изучение высших психических функций и категория бессознательного *(на английском языке)*488

Статьи

- С.И. Резниченко, С.К. Нартова-Бочавер, В.Б. Кузнецова.** Метод оценки привязанности к дому498
М.Г. Чеснокова. Категория субъективного и проблема соотношения внешнего и внутреннего у С. Кьеркегора519
С.А. Щebetенко. Взаимосвязь личности и кратковременной памяти: Роль черт и рефлексивных адаптаций характера538
В.Д. Шадриков, С.С. Кургинян, О.В. Мартынова. Психологическое изучение мысли: Размышления о концепте «мысль» *(на английском языке)*558

Короткие сообщения

- Е.Н. Бочкарева.** Взаимосвязь профессионального выгорания и эмоционального интеллекта сотрудников контактного центра576
В.В. Овсянникова. Влияние эмоционального состояния и диспозициональной радости на скорость распознавания эмоций по выражению лица588

Обзоры и рецензии

- М.Р. Хачатурова.** Стратегии вмешательства третьей стороны в разрешение межличностных конфликтов: обзор российских и зарубежных исследований *(на английском языке)*600

Юбилей В.А. Лефевра

- Г.Л. Смолян.** В.А. Лефевру — 80609
В.А. Петровский. Гауди в психологии612

Vol. 13. No 3
2016

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

National Research University
Higher School of Economics

ISSN 1813-8918

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada

Gershons Breslavs, Baltic International Academy, Latvia

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation, and Yale Child Study Center, USA

Vasily Klucharev, HSE, Russian Federation

Anatoly Kharkhurin, American University of Sharjah, UAE

Dmitry Leontiev, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Evgeny Osin, HSE, Russian Federation

Alexander Poddiaikov, HSE, Russian Federation

Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abulkhanova-Slavskaja, HSE and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Vladimir Barabanshikov, Institute of Psychology of RAS and Moscow University of Psychology and Education, Russian Federation

Takhir Bazarov, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation

Alla Bolotova, HSE, Russian Federation

Alexander Chemorixov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University, Russian Federation

Evgeny Klimov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alfried Längle, HSE, Russian Federation

Alexander Orlov, HSE, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Igor Semenov, HSE, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, HSE, Russian Federation, and Giessen University, Germany

Elena Starovoytenko, HSE, Russian Federation

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova, O.V. Petrovskaya,*

N.S. Sambu, D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya,*

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

Volgogradsky pr., 46B, 109316, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE, 2016 r.

CONTENTS

Special Theme of the Issue.

Russian Psychologists: V.P. Zinchenko. Living Memory

V.A. Petovsky. Editorial	437
V.P. Zinchenko. To the Problem of the I (Language Games: Whether the Sum Equals Zero?)	439
V.P. Zinchenko. Living Memory in P.I. Zinchenko's Research (a Retrospect and a Prospect)	448
V.P. Zinchenko. Live Metaphors of Meaning	477
V.P. Zinchenko, M.K. Mamardashvili. The Study of Higher Mental Functions and the Category of the Unconscious	488

Articles

S.I. Reznichenko, S.K. Nartova-Bochaver, V.B. Kuznetsova.

The Instrument for Assessment of Home Attachment (*in Russian*) 498

M.G. Chesnokova. The Category of the Subjective and the Issue

of the Relation of the External and the Internal in S. Kierkegaard (*in Russian*) 519

S.A. Shchebetenko. The Relationship between Personality and Short-Term

Memory: The Role of Traits and Reflexive Characteristic Adaptations (*in Russian*) 538

V.D. Shadrikov, S.S. Kurginyan, O.V. Martynova. Psychological Studies

of Thought: Thoughts about a Concept of Thought 558

Work in Progress

E.N. Bochkareva. The Interrelation of Burnout and Emotional Intelligence

in Call-Centre Workers (*in Russian*) 576

V.V. Ovsyannikova. The Effect of Emotional State and Dispositional Joy

on the Speed of Emotion Recognition from Facial Expression (*in Russian*) .. 588

Reviews

M.R. Khachaturova. Third-Party Intervention Strategies in Solving

Interpersonal Conflicts: A Review of Russian and Foreign Studies 600

On the 80th Anniversary of V.A. Lefebvre

G.L. Smolyan. V.A. Lefebvre is 80 (*in Russian*) 609

V.A. Petrovsky. Gaudi in Psychology (*in Russian*) 612

Special Theme of the Issue.
Russian psychologists:
V.P. Zinchenko. Living memory

To the 85th anniversary of Vladimir Petrovich Zinchenko

EDITORIAL

V.P. Zinchenko

Quite recently (and the older generation knows time passes with break-neck speed) in a large auditorium of the Faculty we were celebrating the 80th

birthday of our professor, the Academician Vladimir Petrovich Zinchenko, the University's pride, the joy of the Russian school of psychology. Live and create! — that was the leitmotif of congratulations and wishes. Vladimir Petrovich is not on earth with us any longer. But his life continues. You will read his articles in this journal and perhaps once again feel his presence and his voice “directly heard.”

I remember that our colleagues from St. Petersburg while having deep feelings towards Zinchenko offered him the title of “Patriarch of Russian psychology.” Vladimir Petrovich was quite annoyed: “What sort of patriarch am I to them!” I still think, why? Either the comparison of science to “patriarchy” did not seem suitable to him (as an opponent of any hierarchy, he often spoke and wrote: “The psyche is not an administrative institution,” and he treated hierarchs with no special piety), or the word “patriarchy” had repelling socio-cultural associations, or he experienced a personal thrill (“the

excess of individuality”) which was difficult to combine in his “compassionate to existence” consciousness with the status of a patriarch.

I have written and spoken about Zinchenko more than once and I could say that Silentium!, Tyutchev’s warning, is fully justified here. “A thought once uttered is a lie”... Well, maybe not a lie, but a certain likeness to truth. And when talking about Zinchenko, a word master, no narrative “in the image and likeness” is acceptable.

Therefore, I would venture to suggest that any author putting pen to paper about any of V.P. Zinchenko’s works is taking a big risk. Figuratively speaking, “putting pen to paper,” as Zinchenko personally created his manuscripts exclusively by hand (“Am I a fly to crawl across the monitor?!”),

while those writing about him no doubt use keyboards. Perhaps this is the first fundamental difference between Zinchenko and his chroniclers. But the second and most important is: where on earth is a genre capable of expressing the unique character of Zinchenko’s texts? He himself is his genre!

Alexander Vladimirovich Zinchenko and I have selected a number of works by Vladimir Petrovich (that are memorable to us) to be published in this issue. Some readers may already be familiar with them, and perhaps some will see the texts for the first time. But we are confident that many — both who have read his works and who haven’t — will experience a sense of freshness while reading.

A. V. Petrovsky

TO THE PROBLEM OF THE I (Language Games: Whether the Sum Equals Zero?)¹

V.P. ZINCHENKO

*And while nurturing an uncreated world,
I forgot the unnecessary I.*
O. Mandelstam

*I am alone, while all is submerged in hypocrisy,
Living righteously is not an easy walk in the park.*
B. Pasternak

Man, Personality, Persona, Subject, Individual, and the *I* make twice as much as those three pines among which psychology wanders. This ‘hexahedron’ opens up even a greater scope for language games than the ‘triangle’ of *Subject, Individual* and *Personality*. But I would like to simplify the situation. First, I will dwell on *Personality* (which I am going to lose very quickly on my way), and then I will focus on the *I*.

“*Shares of the individual in history are falling*”, said O. Mandelstam in 1922 when writing the article “The End of a Novel.” Ten years later, the poet, in response to the onset of “*the spider web of deafness*” (while standing at the edge of a “*failure*” that is “*stronger than our strength*”), wrote:

*If all the living is only a correction
Over a short and lifeless day,*

*The final step on Lamarck’s moving stairs
Will I take.*

In the same years, B. Pasternak, watching real life, said about this in a more straightforward way but not less strongly:

*Personalities cannot even be considered.
The matter should immediately be dropped.*

After a few decades, Vladimir Vy-sotsky wrote the famous lines:

*There are few real violent ones,
Therefore there are no leaders.*

Long before these poets, Pavel Florensky wrote about the impossibility to define *Personality*. He only noted that *Personality* was a limit of *Self-Construction*, or *Self-Creation*. Echoing

¹Translated from: Zinchenko, V. P. (2012). To the problem of the I (Language Games: Whether the Sum Equals Zero?). In V. N. Porus (Ed.), *The problem of "I": philosophical traditions and modernity* (pp. 157–194), Moscow: Alfa-M. Translated and published with a permission of the publishing house «Tsentr gumanitarnykh initsiativ». Poetry is translated by E. Gaevskaya и D. Vonsboro.

Florensky, Aleksei Losev stated that Personality was a myth, a miracle, and a mystery. Psychologists did not heed the warnings of wise poets and philosophers, and decided to take on Personality by direct attack. Firstly, they took advantage of Marx's definition of Man as "the sum of all social relationships" but they substituted Personality for Man. However, other than Lev Rubinstein they failed to notice that according to Marx social relations themselves are constructed from individual relationships. The dissolution of Personality in social relations was not enough. It was dropped below Individual by putting the latter above Personality, and finally they equalized the former with the Subject (*the Subjectness of an Individual, Personality Subject*, etc.), i.e. with the *Sub-ject*, with the Subject's characteristics. It is fair to say that M. Bakhtin, L. Bozovic, and A. Leontiev stressed the crucial role of Action in the formation of Personality.

The demagoguery concerning the establishment of Personality in a group has not been in vain: Personality is a product (or a by-product) of a group of people. Today, Personality is drowning not only in hypocrisy but also in consumption or through fantasies about it. Few people remember that Personality is the basis of a group.

The *I* is undergoing a similar (though not as sad) fate. Once exaggerated statements like "I am the state", "the Super-Ego", "The Throne I" (Marina Tsvetaeva), "I am the creator of my own worlds" (Mandelstam), are identified with either the Subject or the Object, or are propagated vegetatively, or, like Personality, get dissolved in various relationships: "I am the world, "I am you", "I am the other", "I

am us", "I am them", "The Cumulative I", "The Collective I", "I am the second I", etc. Thanks to M. Buber, G. Shpet, M. Bakhtin, D. Elkonin, and F. Gorbov the relations that the *I* is involved in, unlike just "public relations", are yet concretized and personified, and most importantly a hyphen (or a dash) signifies a living productive (and sometimes fatal) space *between*, in which the *I* is born and must bear the burden of functions (which are not in the least secondary). Creative (author's) generating capacities and functions are typical for the *I*. At times the *I* even thinks, and is not just "a parasite on the body of the subjectless thought" (Shchedrovitskii). Such capabilities and features are hidden behind metaphors of the *I* that is indeed many-sided: "The Swarmy I" (Proust), "The Multiple I-ity" (Bibler), "Mono-multitude of the *Is*", etc. Metaphors, according to Pasternak, are shorthand for the great personality, a cursive script of its spirit; but a metaphor does not replace or supersede the task of decrypting Personality, identifying and analyzing the structure of its phenomenon. Psychologists and psychotherapists have partly proved to be powerless in deciphering or building the structure of *I*. They shift the problem of the *I* onto the shoulders of those within their care (their patients and subjects of trials), inviting them to come up with their own "Concepts of the *I*" on the way. Psychoanalysts are much more aware of the immense complexity of the structure of the *Ego* than psychologists are. The main difficulty in the analysis of the *Ego* is that it (like, indeed, many other elements of psyche) exists not only in its observed outward form but also in an inward virtual form, which is no less efficient.

We shall refer to the experience and thoughts of psychoanalysts. At first they considered the *I* as a psychic *instance*, then later as a main *instance* or a substructure of Personality. However, a broader structure, if any, was left out of their attention and analysis, as they obviously considered Personality a taken for granted phenomenon of everyday life¹. Taking a bit of a leap, dare I say that psychoanalysts have likewise neglected the concept of individuality? The concept of the *I* turned out to be primal and self-sufficient for the psychopathology of everyday life. Freud likened the *I* to a *real organ* (a functional one, I should add). This organ, despite all failures, is in principle capable (being a representative of reality) of gradually mastering instincts. Moreover, Freud compared the *I* to an organism, “the simplest living creature”, and believed that the modification of the *I* is like a bodily lesion in tissues. Following Freud’s considerations, Jean Laplanche and J.-B. Pontalis saw the *I* as a kind of an embodied metaphor for the body as a whole (2010, p. 656). Initially, in the year 1922, Freud characterized the “body” of the *I* quite naturalistically saying that the *I* was first and foremost something corporeal: it is not only a superficial formation but also a projection of a certain surface. Then he made a note to this statement explaining that ultimately the *I* arises from bodily sensations, mainly from those that are born on the surface of a body. Hence, the *I* can also be seen as a mental surface of the mental apparatus (Ibid.,

p. 664). Here the *I* clearly appears as an external form of either the body or the mental apparatus. We shall talk of its completion later. And now we shall note that comparing psyche to organs, the organism and its tissues, is nothing new. A. Ukhtomskiy defined functional organs as any temporary combination of forces that is capable of realizing a certain achievement. He emphasized the importance of “the health-enhancing regenerating tissue of consciousness.” He also spoke of the spiritual body. The latter is constructed from functional organs that possess biodynamic, sensual, emotional and social tissues. N. Bernstein believed movement to be a *living* being that was reactive, sensitive, evolving and involuting. These same properties are typical for the *I*. Ukhtomskiy considered not only movement, but also the image, and the psychological recollection, and attention, and functional status, and even personality as functional organs, that is, as a combination of forces. Is it possible that the forces are drawn from a reserve, the primary energy reservoir (that is carried by the *Id*, in accordance with Freud)? In the logic of Freud, this assumption is reasonable, though not certain. The *Id* is a subjectless chaos that has its origins (and energy) in biological needs. It gradually breaks up, and the *I* and even the *Super-Ego* are formed based on it. There are other opinions on the sources of energy: eidetic energy, the energy of knowledge and error, the energy of the soul and spirit, etc. Freud did not confine to the energetic characteristics of *Id*. After all,

¹ Sigmund Freud used to consider even great personalities at a level as low as that of his neurotic patients.

energies differ. And Freud used his own topology (tiered) system of consciousness (consciousness, preconscious, unconscious) to build the topology of the *I* system: *Super-Ego, I, Id*, giving to each of the levels their own, however, amorphous, functions and energy. It turns out that the *I* system, like other mental systems (such as perception, attention, memory, thinking) has a large number of excessive degrees of freedom. And to make the *I* capable at the right moment it is necessary to overcome this excess, especially the chaos of the *Id*, and to save only those that ensure the implementation of the act required. For example, to fulfill a reasonable action it is necessary to overcome the drives and passions of *Id*, and to overcome the resistance, inhibition and censorship of the *Super-Ego*. Then the released the *I* ceases (temporarily) to be the holder, or the owner, of a virtual set of actions, as it itself becomes an action or an act: I am all attention, I am all observation; I am all tension, I am all will. Or I am all feeling, I am all passion:

<...> For I myself am
Love. For I myself am the surface!

J. Brodsky

Indeed, the *I* can fit into a sick tooth like into a tight boot. Then, according to A. Bely, *psychology densifies into physiology*. Shortly before his death, Freud suffering from a terminal illness wrote to Marie Bonaparte: "My world has again turned into a small island of pain afloat in the ocean of indifference."

The picture drawn is certainly an oversimplification. In fact, the overcoming of incredibly redundant relationships of the *I towards* (real, imaginary, fictitious) reality and transform-

ing them into real relations (relations *in reality*) often represent a drama and sometimes even a tragedy. Psychoanalysts give examples of the neurotic *Ego* remaining defenseless, on the one hand, under the pressure from the ruthless *Id*, and, on the other hand, under the pressure of not less merciless *Super-Ego* (Strachey, 2000, pp. 88–89). The author writes that both pressures form a vicious circle and prevent a full-fledged contact of the *Ego* with reality. Concerning Freud's triad one can't help recalling the Swan, the Crayfish and the Pike in the fable by I. Krylov.

Freud and his followers mention (in addition to the three-tier *I* system) a large number of the *I*'s varieties that are not all distributed in the system levels: "*I* the Ideal", "The Ideal *I*", "*I* the Libido", "*I* the Observer", "*I* the Observed", "*I* the Pleasure", "*I* the Reality", "*I* the Instinct", "*I* the Love", "*I* the Interest", "*I* the Mediator", "*I* the Object", "*I* the Narcissus", etc. This is the result of the *I*'s dismembering and a group of ideas about it and about the heterogeneous instinctive drives and feelings inherent to it, and this is not surprising as Freud pointed out the heteronomy of the *I*, its dependence on other mental instances and on the outside world. Here we are faced with a paradox partly mentioned above. We naively believe that the *I* is the master of our spirit and body organization. However, the omnipotence of our *I* is in the distant past — in infancy, and it refers rather not to the *I* but to the *proto-I*. I mean the omnipotence of a baby described by D. Winnicott who generates the sensations of Eden (or Hades). And this omnipotence is the baby's illusion, which is however, very useful for his or her further develop-

ment. In fact the adult *I*, according to Freud, is “the servant of three masters” that is at risk from three sides (the outside world, the libidinal impulses of the *Id* and the severe *Super-Ego*). Sometimes it certainly manages to overcome the threats coming from different sides and becomes the master of the situation.

The interaction between two topological structures — the consciousness of the *I* and the *I* — remains unclear. On the one hand, Freud described consciousness not as an independent system but as “the core *I*.” Preconscious functions are passed on to the *I*. However, on the other hand, Freud insisted on the fact that the *I* was mainly an unconscious instance, hence there is a special effort required to become aware of it. I think that this contradiction is constructive. An extended concept of reflection as an essential property of consciousness is necessary to overcome it. The recent studies have shown that in the subject action (as well as in other acts where the *I* “dissolves”) there is an unconscious background reflection (Gordeeva & Zinchenko, 2001). V. Lefebvre wrote about the reflection in mental acts that is rapid and also unconscious (1990). A. Pyatigorskiy introduced the concept of “the reflection without the *I*” (2002). Although Pyatigorskiy called the concept of “reflexion” (we shall read it as “reflex-and-*I*”) the *Z* reflex, therefore having stripped it of the *I*, this is not the reflex in the Pavlovian sense of the word. We can assume that the *I* will not dissolve in the acts mentioned above (“I am all..”) but it becomes their internal form while being a carrier of consciousness, and keeps it as its own nucleus.

However, it is the core, which is not easier to understand than the nuclear one, because it can explode in the form of a deed. Psychologists and psychoanalysts have been studying its structure for many years. Whatever the structure of consciousness, it is important to emphasize that it can be regarded as an internal form of the *I*. If this assumption is correct then it is not the unconscious *I* but the *I* that has consciousness that powerfully influences behavior and activity (at the same time the *I* may not be aware of the fortune (or misfortune) of such possession). The fact that consciousness may not be within the scope of awareness does not deprive it of its efficiency. This statement should not be surprising. We do not always realize that the inner form of the word is comprised of the image and the action; the inner form of the action is the image and the word; finally, the inner form of the image is made of the action and the word. It is about the expansion of our understanding of the internal forms. It is hard to say whether they exist in parallel rows, or if they fit into each other and have a “matryoshka doll” structure. In the logic of Freud the *I* is a part of perception, attention is a part of action, and consciousness (the nucleus!) is a part of the *I*. This is proved by Freud’s widely used terminology (such terms as “internalization”, “introjection”, “intellectualization,” as if taken by him from a thesaurus of cultural-historical psychology). Freud spoke about the historical implications of mental acts. Psychoanalysis can not only be interpreted on the basis of cultural and historical grounds, but many of its ideas have been ahead of cultural-historical psychology and enrich it.

Let us return to the unconscious possession of consciousness. It is this consciousness that is “released” (or “breaks out”) with an act. M. Mamardashvili was certainly right in saying that the problem of the unconscious is above all a problem of consciousness. Today it is no longer necessary to prove that only creatures that have consciousness also possess the unconscious.

We should consider another very important question about the origin of the *I*, which was not set aside by psychoanalysts. Freud was initially approaching the *I* in a way “from below”. The *Id* is older than the *I*. The *I* has developed from it like a cortical layer under the influence of the outside world. Later a specific area is separated within the *I* – the area of the Super-Ego. Then Freud recognized that the *I* was not the result of the progressive differentiation of psyche. For the *I* to occur a new mental action is needed. The *I* is neither a product of the *Id*, nor simply the result of its splitting followed by autonomization. The above-cited Laplanche and Pontalis write that the “*I* is not so much an apparatus formed on the basis of the system of Perception—Consciousness but an internal form generated by a number of especially significant perceptions – not only of the outside world in general but of the world of intersubjective relations” (2010, p. 664). The *I* is not automatically established. Psychoanalysts describe the specific mental operations of borrowing features, images and forms from another person: (self-)identification, introjection, narcissism, the “good” object – the “bad” object, etc. The specifics of identification have been those most studied in detail. It

causes profound changes in the *I* turning it into an intra-subject residue of inter-subject relations (Ibid., p. 659). Incidentally, it is such a “residue” that can fill all the “space” (we use the Freudian topology here) of the *I*. The genuine *I* is rather an excess of inter-subjective relationships: the *I*'s own contribution to the formation of the own *I* (please forgive the tautology that is useful for understanding). N. Berdyaev (who said that in his *I* there is more of others than of himself) apparently underestimated himself. It is important to emphasize that psychoanalysts overcome the Freudian naturalism and contribute to the understanding of the above-mentioned living space *between* where the most important events of human life take place.

Thus, psychoanalysts are groping for their ways “from above” that have already been thought through and drawn by philosophers and psychologists. I shall remind us of what M. Buber wrote: a subtle space of the personal *I*, which requires to be filled with another *I*, is formed in the plane of the *I* – *Thou*. This idea is also expressed in an old paper by G. Shpet: the *I* itself (like the unity of many other “unities of consciousness”) is a group and an assembly (2006, p. 306). In the logic of B. Elkonin the *I* – *Thou* initially acts as a combined *I*, being an agent, or an actor, of the “cumulative action” and of the “merged communication” (Shpet's terms). In this logic the *I* becomes autonomous not from the *Id* but from the *I* – *Thou*. If we accept this logic, then inevitably the question arises, whether the *Id* is necessary in the structure of the *I*. There is a Freud's well known saying: “Where the *Id* was, there the *I* shall appear.” After all, we

are in an internal conversation, sometimes in an argument not with the *Id*, but with our second *I*, and we do not always know which of the *Is* — the first or second one — will be the winner. The *Super-Ego* cannot help in this conversation or dispute either. If the *Id* is present, the conversation would be idle, and the *I* would submit to the authority of the *Super-Ego*. It is only possible that the authoritative Other will act as a *Super-Ego*, although of course the former is not omnipotent. In my opinion, the scheme or structure of the *I* — the second *I* (that was discussed in detail by F. Gorbov) is self-sufficient. It is truly cultural and historical, rather than naturalistic. I should remind of the “anti-naturalistic protest” of Boris Pasternak: “Well, what are you? <...> What is it about you that you have always known as yourself? What are you conscious of in yourself? Your kidneys? Your liver? Your blood vessels? No. However far back you go in your memory, it is always in some external, active manifestation of yourself that you come across your identity—in the work of your hands, in your family, in other people. <...> You in others—this is your soul. <...> You have always been in others and you will remain in others. And what does it matter to you if later on that is called your memory? This will be you—the you that enters the future and becomes a part of it.”² If the word “You” is replaced with the word “I”, this will be cultural-historical psychology of the *I*.

Above, rather, in the subtext than in the text there was an intention

expressed to compare psychological approaches to personality and psychoanalytic approaches to the *I*. I shall make two common (yet without argument) comments on this. 1. In psychology we deal with the personality (but is it the personality at all?) without the *I*. In psychoanalysis we deal with the *I* but without the personality. 2. Both psychologists and psychoanalysts tend to reduce the *I* to the individual, to the subject, to the representative, or to the body. Freud is excusable as he was involved in the psychopathology of everyday life and did not claim to establish the language of psychology and only wrote “The Project for a Scientific Psychology” (1895). He could afford to consider the Oedipus complex as a basis for structuring the personality. (Our ideologues prefer to see such a framework in patriotism.) Psychologists seem concerned rather with the zone (or the prospect of) the nearest and more distant human development (or do they just pretend to care?), and they should break out beyond the ordinary and not forget about the way “from the top” or “to the top.”

Here is a wise statement by Osip Mandelstam:

*What allies us, only the superfluous,
before us — not the failure, but an
error in the measure...³*

This statement is consistent with ideas of the soul as a mysterious abundance of knowledge, feelings, and will; with ideas of the *I* as an excess of human relations and of the personality

² B. Pasternak (1958). *Doctor Zhivago*. New York, New York: Pantheon Books, Inc. Translated by Max Hayward and Manya Harari.

³ Translated by Raina Kostova.

as an excess of the same relations and own individuality.

In all three examples it is a question of overcoming degrees of freedom that are *natural*, excessive and not created by us, and of constructing (creating) our own *cultural* excess of degrees of freedom: *the space of the internal excess* (Mandelstam). Again this is topology, or chronotope, of the conscious and unconscious life in the way Freud, A. Ukhtomskiy, N. Bernstein, M. Bakhtin, L. Vygotsky, K. Lewin, and M. Mamar-dashvili would treat it.

In conclusion I should say that I have failed to lose the personality in this discussion. Apparently, it was prevented because of my longing for the personality whose shares have fallen not only in history but also in the human sciences. Freud lowered the personality to the level of the ordinary, often reducing it up to a not too certain *I* with all of its divisions, dismemberment and levels. In turn, psychologists, together with sociologists and philosophers, have lowered it to the subject: to the function or to the collection of functions. But there is not only science but also practice that either is in the footsteps of science or paves the way for it. Freud is normally praised for the fact that neuroses, complexes, etc. theoretically designed by him have penetrated into life and damaged not only

the individual but also the social tissue, and hallmarked the culture of the XX Century. In the same century an event happened that had a not lesser but greater significance. Social mythology, or rather, delusions that had been produced either by N. Chernyshevsky, or Trotsky, or M. Gorky about the formation of a “new man”, came true. And such a man has become a reality. A. Platonov described him as a man without soul and property who stands in the waiting room of history ready for anything but for his own past. Here the practice has closed (is closing?!) the way of science but it has opened the way for dissertators to write and defend a myriad of dissertations about phantom problems of personality formation.

What do we get as a result of language games? The result is in favour of psychoanalysis. The practice of peeking into oneself that psychoanalysis (following poetry) teaches us is much better than the practice of forming, testing, and manipulating the personality. We can call the former case excessive, and the latter — unprofitable. But I will yet finish with an optimistic note. Contrary to psychology and psychoanalysis, there are total persons who have not a dismembered but a whole *I*. And if the earth is still turning, it is only because they do exist.

References

- Gorbov, F. (2000). *Ya – vtoroye Ya* [The I – the Second I]. Moscow/Voronezh: NPO “MODEK”.
- Gordeeva, N.D., & Zinchenko, V.P. (2001). Rol' refleksii v postroienii predmetnogo deistviya [The role of reflection in the construction of subject's action]. *Chelovek*. 6, 26–41.
- Laplanche, J., & Pontalis, J.-B. (2010). *Slovar' po psikhoanalysu* [The dictionary of psychoanalysis]. Saint Petersburg: The Center for Humanitarian Initiatives. (Transl. of: Laplanche, J., & Pontalis,

- J.-B. (1967). *Vocabulaire de la psychanalyse* [The language of psychoanalysis]. Paris: Presses Universitaires de France. (in French))
- Lefebvre, V. (1990). Nepostizhimaya effektivnost' matematiki v issledovanii refleksii [Inconceivable effectiveness of mathematics in study of reflection]. *Voprosy Filosofii*, 7.
- Pyatigorskiy, A. (2002). *Myshlenie i nabludenie* [Thinking and observation]. Riga: Liepnieks & Ritups.
- Shpet, G. (2006). *Philosophia Natalis. Izbrannye psikhologo-pedagogicheskie trudy* [Philosophia Natalis. Selected psychological and pedagogical works]. Moscow: ROSSPEN.
- Strachey, J. (2000). Kharakter psikhoterapevticheskoy raboty v psikhoanalize [The nature of psychotherapeutic action in psychoanalysis]. In A. V. Rossokhin (Ed.), *Antologiya sovremennogo psikhoanaliza* [Anthology of modern psychoanalysis] (Vol. 1, pp. 81–107). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Zinchenko, V. (2011). Bluzhdanie v tryokh sosnakh, ili Toska po lichnosti [Wandering in broad daylight, or Longing for personality]. *Chelovek*, 4, 5–20.

Работа печатается по изданию: Зинченко, В. П. (2012). Проблема Я и другие тайны (Языковые игры: не с нулевой ли суммой?). В кн. В. Н. Порус (ред.), *Проблема «Я»: философские традиции и современность* (с. 157–194). М.: Альфа-М.

Перевод и публикация материалов производились с разрешения ЦГИ Принт.

LIVING MEMORY IN P.I. ZINCHENKO'S RESEARCH (A RETROSPECT AND A PROSPECT)¹

V.P. ZINCHENKO

Everything can be made natural.
Blaise Pascal

Fate and chance

The sentence, apparently over-optimistic, “Manuscripts do not burn” belongs to Mikhail Bulgakov, which is relevant not only to literature but also to science. Different types of memory are inherent to both science and man: short-term, operative memory, long-term and permanent, or autobiographical (history). Some aspects of long-term memory *suddenly* become relevant and re-enter the scientific discourse. The works of my father Pyotr Zinchenko that he conducted in the 1930-60s owe to such a “*suddenly*” that was the efforts of B.G. Meshcheryakov who not only thought of them but also took the trouble to compare them with works of our English-speaking colleagues. I am very pleased that they did not remain indifferent either to the article by B.G. Meshcheryakov, or to the work by P.I. Zinchenko. And it certainly is not the establishment of priority in stating an idea or in discovering an effect or

phenomenon that counts here. The question of priority in science is rather sensitive and secondary. Sometimes it is not the person who first suggests an idea who is more important, but the one who first rejects it. It is, above all, the dialogue and resonance of ideas, conceptual schemes and theories, as well as the mutual amplification of scientific concepts that are of significance. And the dialogue, which happened so late, is, in my opinion, certainly productive. It opens up new prospects for memory research.

My father died in 1969, before the first publications by Craik and Lockhart, Mace and MacCafferty, when he was about 66 years old (which was not too little for someone who had fought in the Second World War). In my 78 years he remains alive in my memory.

I am sincerely grateful to all the authors who participated in the discussions, for the appreciation of P.I. Zinchenko's memory research. I suspect that both the interpretation of memory

¹ Translated from: Zinchenko, V. P. (2009). Living Memory in P.I. Zinchenko Research (Retrospective and Prospective). *Cultural-Historical Psychology*, 3, 2–15. Translated and published with a permission of the publishing house «Tsentr gumanitarnykh initsiativ».

(especially involuntary rather than incidental) and the concepts developed by participants in the discussion are equally aimed at clarifying Spinoza's wise thesis that although the memory itself was born out of an idea, it is an intellect searching for itself. Memory not only does find but also keeps and puts it together. According to M. Heidegger, memory is a concentration of thought. This characteristic of memory corresponds to the statement by L. Vygotsky on intellectualization of higher mental functions (this is again relevant to the question of priority). P.I. Zinchenko found intelligence in involuntary memory, which is not only increased but is also constructed by such mental activities as classification. So he tried to reorient the educational activity of pupils and students from learning the material to its understanding and interpretation. This point happened to be missed by his (and my) friends D.B. Elkonin and V.V. Davydov when they were creating their version of the theory of learning activity.

Before joining in the discussion, I would like to add some finishing touches to the biography of my father. Here I will not be able to resist "reconstructions when reproducing" that were so well described and justified by F. Bartlett in his book on memory published in 1932. Reconstructing while reproducing is typical when recalling one's own fate and life. It is also permissible when reproducing my own father's life, which wasn't unfamiliar to me, as he is constantly present in my involuntary memory. He still plays the role of the affective-cognitive and behavioural image of conscience in my life.

I would like to dedicate the first (and most important!) story to Fate

and Chance. I think that studying memory was his fate, or, as they say in Russia, "he was destined to do that." However, fate too often happens to be impotent without chance and without the "I want and I can," i.e. without feelings and the will. Nevertheless, "Chance is the logic of Fortune" (according Vladimir Nabokov).

So, P.I. Zinchenko was born in 1903 in a large peasant family in the village of Nikolayevskaya on the Lower Volga River. There were 13 children in the family (only six of them lived into old age), and he alone graduated from a university. Initially he graduated from the Pedagogical Seminary, and on having a short teaching practice he became a school inspector. We can assume that in his work first as a teacher and then as an inspector he became interested in school students' memory that (at least from the point of view of teachers) is never sufficient when mastering the necessary (is it always necessary?) study material. There is an old maxim by La Rochefoucauld that is still relevant: "Everyone complains about their memory, and no one complains of their mind." Perhaps P.I. Zinchenko was struck (like I was later) by the contrast between the weakness of arbitrary memory of students and the surprisingly robust penetrating mind and great living memory of his illiterate mother — my grandmother Tatiana Petrovna, who had lived till 90 years of age and who died in the same year as he did. Perhaps he did not just take interest in studying memory but he was caught up in its mystery. And, judging by his later life, the solving of the mystery became his fate.

One way or another but my father decided to continue his education and

become a psychologist. In the second half of the 1920s he tried to enter the Faculty of Psychology (Pedology at that time) of the Second Moscow University where P.P. Blonsky, L.S. Vygotsky, G.G. Shpet, A.R. Luria and probably A.N. Leontiev as well as many other eminent psychologists taught. However, this teacher from the Lower Volga was not accepted. If he had succeeded in his attempt, he would have studied with his future friends and colleagues who later became well-known disciples of L.S. Vygotsky (V.I. Asnin, L.I. Bozovic, A.V. Zaporozhets, R.E. Levina, N.G. Morozova and L.S. Slavina). P.I. Zinchenko returned home and was soon conscripted into the army. By chance he was sent to serve in one of the most cultural cities of Russia – Kharkov, the then capital of Ukraine. Having served in the army he did not return home but he entered the Kharkov Pedagogical University (then known as the Institute of Socialist Education), from which he graduated in 1930. In the same year A.V. Zaporozhets and others graduated from the university in Moscow. And there fate came into its own. In the early 1930s Vygotsky's colleagues and students “caught up” with him in Kharkov, and Vygotsky himself came to Kharkov a few times to promote the development of the Kharkov School of Psychologists (see more about it: Cole, 1980; Valsiner, 1988; Yasnitsky & Ferrari, 2008b). And it is not by chance that P.I. Zinchenko chose his peer A.N. Leontiev to be his scientific supervisor, the latter having already published the book *The Development of Memory* in 1931. P.I. Zinchenko maintained a sustainable interest in memory, and his first thesis was on the memory

of schoolchildren, though not on remembering but on forgetting the knowledge gained at school. The general motive and the result of this work was that forgetting the form in which school knowledge is presented is no tragedy. Both the essence and the meaning of the knowledge gained stay intact. It is noteworthy that already in this work he was considering the process of forgetting not as passive immersion of memory contents into some conceivable “physical base,” but as an action of their semantic (semiotic) re-encoding, or transformation. Thus, forgetting helps institutionalized knowledge become part of the living knowledge, for example, similar to a good teacher's. It is unlikely that P.I. Zinchenko knew about the book by F. Bartlett at the time. History repeats itself. A reference to it only appeared in his book in the year 1961 (Zinchenko P., 1961). Unfortunately, forgetting rarely becomes a subject of psychological research. There is even less focus on the idea that without forgetting and reconstruction when reproducing there would not be a full memory, but only a literal memory, such as A.R. Luria described in *A Little Book of a Vast Memory* (Luria, 1968). The main character Sh. has an absolute memory but is unable to create and cannot “turn a swarm into a system.” G.G. Shpet wrote that forgetting is a whip of creativity, it makes fantasy prance (Shpet, 1989, p. 360). However, fantasy must also have its limits: *A matter of memory becoming into a matter of imagination is a descent* (Hegel). Apparently, the results obtained in the study of forgetting prompted P.I. Zinchenko to suggest that repetition and memorization is not the only or most effective way of

acquiring knowledge. And he turned to studying living involuntary memory.

Thus, fate and chance made P.I. Zinchenko a full member of the Kharkov Psychological School and bound him to his friends and colleagues for life (except for the dashing years of World War II where he happened to be a sapper), some of whom later moved to Moscow. The departure to Moscow of A.N. Leontiev, A.R. Luria, A.V. Zaporozhets, and P.Ya. Galperin forced him to become an informal leader of the Kharkov School from 1945. He performed this role in good faith, responsibly, but without joy. He got much greater joy from his pedagogical work with students and graduate students and his experimental studies of memory.

P.I. Zinchenko had a huge, almost improbable, though quite unintentional influence on the fate of his loved ones. His wife, my mother, Vera Davidovna, studied with him; she became a teacher and then began teaching psychology at the Kharkov Conservatory. My sister – Tatiana Zinchenko (1939–2001) – and I became psychologists. (My father tried to persuade me to relinquish the idea of becoming a psychologist, he spoke ironically about psychology saying that it was no profession but a rather narrow specialty and that psychology compared to theology and medicine was the most accurate science, etc...). My wife Natalia Gordeyeva graduated from biology but became a psychologist. Our son Alexander also became a psychologist and married a psychologist, Alla Volovich. Now they both work as psychotherapists and live in Berkeley.

Perhaps the most surprising thing is that both their son and daughter followed him and devoted a lot of time to

studying memory. And the grandson, once in the United States, defended a doctoral dissertation on nostalgia, which is the brightest form of permanent memory (albeit involuntary but indestructible), perhaps, a genetic memory. This is the sort of involuntary memory that is stronger than any arbitrary memory. But some doubt the existence of a cultural genetic memory. The history of our family is the evidence that such doubts are unfounded.

If the impossible happened and the whole family got together, we being led by P.I. Zinchenko could open, I hope, a good College of Psychology.

Cultural and historical context

I shall address early research and publications by P.I. Zinchenko where forgetting and remembering are interpreted as special mnemonic (in the broadest sense) mental actions or as the result of cognitive, mental and practical actions. Both of his studies were published in a low-circulation edition that was hardly known to psychologists (except for his colleagues in Kharkov) – in *The Scientific Notes* of the Kharkov Pedagogical Institute of Foreign Languages. Regardless of how to interpret the criticism of Vygotsky in P.I. Zinchenko's article about remembering (I agree with the interpretation proposed by B.G. Meshcheryakov (2004)), his own research, as set out in it, is quite consistent with the spirit of the cultural-historical theory of Vygotsky. Memory was considered in the research not as a natural mental function but as a cultural function mediated by action. Zinchenko began to consider action as a mediator, which (along with a sign, a word and a sym-

bol) plays a crucial role in forming memory as a higher mental function. The research novel aspect (in comparison with the cultural-historical approach to psyche and consciousness) was that the very mnemonic action became the subject and object of a psychological research. His way of studying memory was so original as he did not learn the mnemonic action, so to speak, “head-on,” but approached it gradually: from the study of indicative, cognitive, mental actions, that is, from actions ensuring the effectiveness of involuntary memory. He then traced how these targeted actions (that were independent before) in turn transform into methods, techniques, and operations of targeted mnemonic action. Thus, in the studies by P.I. Zinchenko action was a unit of structural, functional and genetic memory analysis.

It should be recalled that while P.I. Zinchenko was working alongside other great researchers: A.V. Zaporozhets studied sensory and intellectual action; V.I. Asnin’s work was focused on action per se, i.e. on practical action (skills); P.Ya. Galperin studied instrumental action. All of these studies of the 1930s developed Vygotsky’s ideas and at the same time served as a foundation for the psychological theory of activity later established by A.N. Leontiev. It would be naive to think that a certain theory of activity had preceded these studies. Rather, we can speak of sensing the theory that is easily found in the works of L.S. Vygotsky himself and in the book by A.R. Luria *The Nature of Human Conflicts* (Luria, 2002). For example, P.I. Zinchenko wrote that Vygotsky planned to approach memory as an activity with special functions: “...memory means the

use and involvement of previous experience in current behaviour; from this point of view memory is an activity in the strict sense of the word, both at the time of reinforcing the reaction and at the time of reproducing it” (Vygotsky, 1926, p. 153). It is not important who used the concept of activity in the context of the psychology of memory but it matters what development was given to the idea of interpreting psyche as a mental activity. Ironically, the development was facilitated by the fact that in the early 1930s A.N. Leontiev refused to use Vygotsky’s program aimed at the study of consciousness (which was dangerous at that time), and began to plan his own program of psychological research. It gradually acquired the outlines of a program for activity research that was not in the least due to his increased sensitivity to the methodological imperative (according to P. Feyerabend) of the dominant Marxist ideology. Only in 1967 Leontiev fully appreciated the significance of Vygotsky’s contribution to the study of consciousness. A few years later he proposed a productive way to study consciousness by highlighting meaning, sense and sensual tissue as its constituents.

Looking back, we can state not without regret that Leontiev presented his version of the psychological theory of activity in a rather abstract form, with an emphasis on its philosophical and sociological justifications. Rich empiricism and experimental studies obtained by his colleagues did not serve as a foundation of his theory. In those he saw only his abstractions illustrated and filtered out the rest as irrelevant to the theory. This contributed to the gradual transformation of the concept

of activity into methodological (in the philosophical sense of the word) principle of explaining all human mental life, including consciousness and personality. Today, these claims have decreased significantly, but the momentum has been maintained. In fact, there was a certain logic in what happened to the psychological theory of action. Any concept (be it a concept of activity, of consciousness, of mindset, of Gestalt and so on) used as a means of explaining another reality (including that of psyche), as Marx wrote, is subjected to evaporation by transforming it into abstract definitions. Such definitions are necessary, for on their basis it is possible to reproduce the specific. However, there is a blessing in disguise. Studying the development of various mental activities and later their structure became such a specific. And the principle of activity performed then a useful protective function by protecting ideologically careless scientists who worked within its framework (or under the shelter!?). These scientists, including, of course, A.N. Leontiev, studied instrumental, sensory, perceptual, mnemonic and intellectual actions that have an independent scientific value, regardless of any theory of activity. The research of these actions completed in the 1930s and in the following years represents a kind of prolegomena to a future and long-overdue general psychological theory of action. In the study of action it is impossible to oppose as drastically (as in the theory of activity) the external and internal, executive and mental, cognitive acts, which prevents the study of both and transforms empirically observable effects of internalization and externalization in the scientific and philosophi-

cal paradigm, but in fact come to a dead end with no escape. In order to come up with the idea of internalization, there is no need to be a scholar of psychology, whether his name is P. Janet and L.S. Vygotsky. In 1922, V. Meyerhold wrote: "The main drawback of the modern actor is an absolute ignorance of modern biomechanics. Only a few outstanding actors intuitively guessed the correct method of play, that is the principle of approaching a role not from internal to external, but rather from the outside to the inside, which certainly contributed to the development of their enormous technical skill; such were Duse, Sarah Bernhardt, Grasso, Chaliapin, Coquelin, and others..." (Meyerhold, 1968, Vol. 2, pp. 488–489).

It is short-sighted and ill-advised to spread this position for all work in the arts, and even more so to the whole psychology. V. Kandinsky argued that "the external that was not born by the internal, is stillborn" (Kandinsky, 2004, p. 28).

Indeed, the individual's psychology is integrated in its totality in action; perceptual, mnemonic, mental, practical actions, affects and emotions are conditional concepts only acceptable in terms of analytical abstraction, for the listed attributes are inseparable from each other in live action and even in living motion. S.L. Rubinstein saw the beginnings of all the elements of psychology in action that gave grounds to his assertion that action is the original unit of analysis of the entire psyche. However, action, as well as activity, is not so much internalized as it is differentiated. I think it is no coincidence that in P.I. Zinchenko's thesaurus there was no place for the concept of internalization. It should also be noted that

the tasks of deducing mental acts from action and reducing them to it are not symmetrical. Therefore the analytical abstraction of mental acts and their study are quite legitimate, likewise is their interpretation in terms of cognitive action. With regard to the concept of activity, today it has largely lost its role of a universal explanatory principle, but, in comparison with action, it has not yet become a full-fledged subject of scientific research. What was supposed to happen did happen. The studied components of the structure of activity proposed by A.N. Leontiev grew much richer than the context they belonged to, and this caused the need to create a psychological theory of action. The ideas of individual (or special, in the terminology of A.N. Leontiev) activities (of communication, of playing, of learning and of labour) appeared to be richer too. By the mid-1970s it was recognized by A.N. Leontiev as well: "Human activity does not exist other than in the form of action or a chain of actions <...> dependent on *particular purposes* that can stand out from the common purpose <...> the role of the common purpose is performed by a deliberate motive that turns, thanks to its awareness, into the *motive — purpose*" (Leontiev, 1983, Vol. 2, pp. 154–155). Thus, the author's previously set qualitative difference between activity and action is erased: activity is subordinate to the motive, action is subordinate to the purpose. Only the quantitative remains. E.G. Yudin (1978) was right claiming that the essence of the activity approach to psychology was the study of action.

Hence the importance of appealing to the origins of a possible general psy-

chological theory of action. This probably explains the interest in the initial stage of establishing the Kharkov Psychological School (Yasnitsky, 2008; Yasnitsky & Ferrari, 2008a). There is another, seemingly outward, but not less important, good reason to refer to the first works of the scientists as the former contain a special flavour of direct and sincere surprise at what was revealed in the mysterious act of intuition. The works yet have no academic patina. There is joy of intuition prevailing over the burden of proof required. The above is certainly of general nature and applies not only to the representatives of the scientific school under discussion. I am far from doubting the existence of the theory of activity. There are enough doubters enough without me, and perhaps its schematic form is to blame. S.L. Rubinstein in his later years relinquished his focus on the subject–object paradigm and addressed the problem of Man–World (1973). A.N. Leontiev in his last works (1983) also concentrated on the Image of the World. It seems to me that such a reorientation should give new impetus to the development of the theory of activity. A.N. Leontiev regarded the concept of activity as synonymous to subject activity, the latter being well within the subject–object paradigm. By the way, the cultural-historical psychology does not fit into the paradigm. A paradigm shift and an appeal to the World urgently require addressing the analysis of spiritual activity. Of ultimate value there for psychology are the lessons of M. Heidegger, M. Bakhtin, V.V. Bibikhin, M.K. Mamardashvili, and G.G. Shpet. New aspects may be seen in the study of living memory by P.I. Zinchenko, of living motion by

N.A. Bernstein, of arbitrary (free) action by A.V. Zaporozhets, as well as approaches to the study of consciousness by L.S. Vygotsky, S.L. Rubinstein and A.N. Leontiev, and the development of these approaches in the work of F.Ye. Vasilyuk and V.P. Zinchenko.

After expressing the general considerations let me join in the discussion. I have no intention of writing a comment to the comments for which I can only once again express my gratitude to all the authors. I will dwell on two issues that I think are most important. The first is the tiered structure of the memory being wider than both psyche and consciousness. The second is the ratio of the direct and indirect in human behaviour and activity.

Depth of processing and activity levels

Too much in psychology remains unexplained beyond the idea of development (of disontogenesis and decay). In any study there are steps, stages and levels distinguished. Problems of the structural characteristics of a particular level occur as well as those referring to the structure of the existing mental act as a whole. One of the first ideas of the structure of consciousness belongs to Freud. He applied a topographic approach to psyche phenomena and singled out the conscious, preconscious, and unconscious and identified them as dynamic systems with their own functions, procedural characteristics, energy and ideational content. Despite the diverse, sometimes well-founded criticism, Freud's ideas of the tiered structure of consciousness became a cliché or a schema not only of psychological consciousness, but of the consciousness of

European culture of the XX century. This is still relevant in the XXI century.

In 1922 G. Shpet proposed the concept of separating levels of perception and understanding of the words (and that was of direct relevance to the issue of consciousness tiers): on hearing a word *N* pronounced we are able to distinguish the sound perceived (1) as the voice of a person from other natural sounds, to perceive it as a general sign of man; (2) as the voice of *N* from the voices of other people as an individual sign of *N*; (3) as a sign of special psycho-physical (natural) state of *N*, unlike other possible states of his or of any another person. All these functions are natural. Next, we take the word as not only a phenomenon of nature, but also as a fact and "thing" of the cultural and social world. We take the word as (4) as a sign of the culture present and of *N* belonging to a less or more conscious circle of human culture and human society bound by the unity of language. If it turns out that the language is familiar to us, then we (5) recognize it as a particular language, we learn its phonetic, lexical and semasiological features, and (6) at the same time we understand the word heard, that is we grasp its meaning while at the same time distinguishing the reported content by its quality of being a simple message, an order, a question and so on, i.e. we insert the word in some *semantic and logic nominative context* known to us and understood by us. If we are sufficiently educated, we (7) perceive and, while perceiving, distinguish forms of the word arbitrarily established at this stage of culture that are in the narrow sense *morphological* (morphemes), *syntactic* (syntagmas) and *etymological* (or rather, word form-

ative). Of special note is the point of (8) distinguishing the *emotional* tone used by *N* to accompany the transfer of the meaningful content of a message that we understand. The last issue is both a cultural and social fact and a *natural* one, on which the human (and animal) communication is based. Shpet specifically warns that this sequence does not reproduce the temporal empirical series in development and deepening of perception. In conclusion, he says: "The given above dismemberment of the word perception only approximately describes the most general outlines of its structure. Each member of it is a complex web of acts of consciousness" (Shpet, 1989, pp. 384–387). Levels of perception and understanding of the word classified by G.G. Shpet could be related to the division of mental functions on the natural and cultural, which was later suggested by L.S. Vygotsky, but for Shpet's warning that the sequence planned by him did not reproduce the temporary empirical series in the development and deepening of perception.

Identifying levels of a psychological act is only the beginning of the study of its structure. I shall not follow Shpet further who considers new givens, new functions, new deepenings and "steps" of perception and understanding when discussing the structure of the word, its external and internal forms. N.I. Zhinkin, a student and an employee of Shpet, wrote about holistic perception of the word structure: "The most diverse syllabic confluences within the syllabic flow are no hindrance. On the contrary, they tie the syllabic flow into a well-recognizable entity that has its own value. They are recognized as a whole like any objects. We do not need

to take a good look and 'identify' a friend's eyes, nose, ears and other components of his face to recognize him" (Zhinkin, 1982, p. 17). The word has its own face that merges with its sense and meaning. Another thing is the way to such a perception of the word. (The opposite is also true: as Emmanuel Levinas put it, "The human face is a word.")

There is a tiered organization present in the structure of activity proposed by A.N. Leontiev. Thus, the idea of processing the material (which the person encounters) at different levels is quite natural for psychology. The question is if there is that depth, into which one should (and would want to) immerse.

By way of illustration I will cite an extract from the art historical work of the Russian philosopher M.O. Gershenson: "The fascination of art is that smooth shiny iridescent ice crust, which comes from cooling the fiery lava of an artistic soul in contact with the outside air and with the truth... But at the same time the shiny icy crust hides depth from people making it inaccessible; this is a wise trick of nature. Beauty is a bait but beauty is also a barrier... It is opaque to the weak eye that is destined to enjoy only it alone — and is this a small reward? Only an intense and sharp gaze penetrates it and sees the depths, and the sharper it is, the deeper they are. Nature protects its small children like puppies with beneficent blindness. Art gives sustenance to each according to his strength: to one all the truth is given because he is mature enough; to another — only part of it; and to the third one only the truth's brightness is shown and the beauty of its form, so that the firing

truth on entering the immature soul would not burn it to death and would not destroy its young tissues" (Gershenzon, 2001, pp. 228–229). In this passage we are talking about a possible depth of penetration into the internal shape of a work of art, and accordingly, and about the depth of understanding its meaning, about the completeness of the work's image constructed by the person perceiving it. Needless to say that the deeper understanding and aesthetic experience caused by a work of art, the stronger it will be maintained in the soul.

We are faced with a similar situation when perceiving, understanding and interpreting signs, words, symbols, myths and other mediators of artefacts. All of them have their own internal and external forms, the presence of which was articulated in antiquity, but the detailed elaboration of the concepts of internal and external forms of the word belongs to V.F. Humboldt, G. Shteynal, A.A. Potebnya and G.G. Shpet (see Bibikhin, 2007; Brandist, 2006; Van der Veer, 1996; Zinchenko V., 2000, 2007a). In light of their studies that were neglected by psychology during many years we are dealing not with the usual opposition between the uncertain external and internal, but with external and internal forms of the whole, which is a "meta-form." The external form of artefacts is relatively simple but their internal form is redundant and allows a large number of degrees of freedom when interpreting the whole. A.L. Dobrokhotov called this redundancy a "surplus value": "Regardless of the intentions of either the creator or the user any artifact secretly contains not only a utilitarian solution to a problem but also an instant of interpreting the

world. This instant is the "surplus value" of an artifact that allows us to conceive culture as a whole and to move on to comparing its different phenomena, thus creating the general morphology of culture" (Dobrokhotov, 2008, p. 12). The redundancy of the sign is, of course, minimal (but it exists!), while it is enormous in the symbol. Being memorized the artifact, due to its interpretative properties, intellectualizes memory. The penetration into the inner form of an artifact means familiarizing with culture. Images, generalizations, concepts that we create have the property of openness and are only limited by our own activity aimed at the world, nature and culture, at other people and ourselves. If we take into account the cumulative experience of humankind, we can confirm that understanding has no limits. Another argument in favour of this position belongs to Virgil who said that man tires of everything except understanding. This is what we know from our own experience. Accordingly, we should have used the experience of science to see the futility of search for "definitive" explanations and "final" truths. They are successfully replaced by the "*inward surplus of space*" created by us.

B.G. Meshcheryakov rightly correlated the idea of depth or levels of processing by Craik and Lockhart (Craik & Lockhart, 1972) to the idea of activity and the mediation by activity (P.I. Zinchenko). But having said A one is to say B. The depth of activity levels should correspond to the depth of processing levels. And here studies by N.A. Bernstein devoted to the analysis of levels of construction of movement (Bernstein, 1947, 1966) and the

research by A.V. Zaporozhets on the development of arbitrary movement (Zaporozhets, 1960) provided an invaluable favour to psychology. Bernstein traced the development of living motion from the background level *A* (paleokinetic regulations) to the subcortical level *B* (synergy and fixed patterns) and further to the cortical level *C* of constructing the spatial field, and on to the next cortical level *D* of subject action. Finally, he pointed to the last level *E* that is located above the action level and goes beyond it. He called it the highest level of symbolic coordinations. Despite the fact that Bernstein linked levels of movement building with various levels of brain organization of behaviour, he followed A.A. Ukhtomsky and studied movement itself and action as “functional organs” of the individual that, like a living creature, evolve, involute and have reactivity and sensitivity. According to Ukhtomsky such functional organs as human conditions, images of the world, memories, etc. comprise any temporary combination of forces that are capable of realizing a certain achievement. They exist in a virtual reality and actualize in accordance with tasks of behaviour and activity. A functional organ reflects not something inherent to the individual and environment taken separately but what *occurs* in them as the result of their interaction and disappears when this interaction ceases. On being formed functional organs exist in a virtual reality as a set of means and techniques of activity (cognitive, affective, communicative, executive, etc.). The capacity to foresee is their most important feature. Contingently such organs can be referred to as the individual’s cultural or activity potential, a

kind of “music library” (N.A. Bernstein). L.S. Vygotsky preferred to use the terms “psychological tools” and “neoplasm” to describe mental acts. The idea of functional organs is not new. At the time J.G. Fichte said that man created organs assigned by soul and consciousness. Such acquisitions (creations) are more grounded than a building (Joseph Brodsky), and virtual reality far too often becomes more real than the real one.

While Bernstein discussed the “music library,” we can speak about the “arsenal” of functional organs formed by man. It is important that Ukhtomsky came up with the idea of the individual’s functional organs when he was pondering on the nature of the anatomy and physiology of the human spirit. This idea is close to the idea of personal constructs by J. Kelly (1963), which arose in the context of thinking about personality. It is advisable to distinguish relatively constant functional organs and operational ones. Among constant organs there are, for example, the integral image of the world, the word, cultural memory, intellectual methods and schemes, schemas of consciousness, motor skills, and so on. They have their own external and internal forms and are as redundant as artifacts (see above). The term “functional structure of cognitive and executive acts” is more suitable for such functional organs. Operational functional organs are those in action such as current dominants, the functional status of the individual, immediate cognitive and behavioural acts that are taking shape here and now. Kelly also emphasized that personal constructs are not just products but instruments of experience. In these, as in functional organs,

there is not only Istwert, but Sollwert too.

According to Bernstein, levels determine the rank order of complexity and importance of the organism's actions in general. The external picture (form) of spatial actions is so complex that the metrics is not enough to describe it, and the use of topological categories is required. The involvement of various levels of movement in behaviour determines the image fullness of the surrounding environment. Poincaré said that a still being could not build geometry.

Cognitive systems that regulate behaviour have no less complex structure than movement. For example, in studies of actual genesis (microgenesis) of perception a rank order of the percept complexity was obtained that was similar to action. U. Undeutsch, a student of F. Sander's (Undeutsch, 1942), identified the following stages of microgenesis: 1) the stage of a diffuse whole; 2) the stage of differentiation of figure and background, but yet without a clear perception of form; 3) the stage at which the observer begins to formulate working hypotheses regarding forms of identification (preconfiguration stage); 4) the stage of a clear perception of the form. Different authors specify from three to six stages. Another controversy concerns the place that such perceptual categories as movement and colour take among stages of identification. There is a different logic of studying levels (or stages) of forming the image of form. According to it the identification (the differentiation of a figure from the background) should be followed by locating informative features (such as the contour shape) that are relevant to the task. Next the feature identified is

introduced. The result is a generated image in which other features are involuntarily fixed that are irrelevant to tasks of introduction. When identifying a familiar object presented for a short time all these stages (similar to the stage of microgenesis) are obviously not present in the mind, and that gives an impression (an impression only?) of simultaneity, or one-actness, of identification.

There occurs an uneasy task of clarifying these stages or constructing possible hypotheses for mechanisms of simultaneous perception and recognition. For many years there has been a discussion of what kind of work flows on to acts of recognition and whether operations on individual features are performed in series or in parallel (Zinchenko T., 2000, 2002; Shekhter, 1967). An alternative approach is that as a result of learning sensory and perceptual standards (A.V. Zaporozhets, T.P. Zinchenko), operational units of perception (V.P. Zinchenko), memory operational units (P.I. Zinchenko, G.V. Repkina) are formed. These formations when at operation act as holistic, integrated facilities, or Gestalts. They are like quarks in which various elementary particles are merged. The term "sensory cohesion" by Berstein can be applied to them. Such parameters as stages of formation and its mediation through perceptual and mnemonic actions are in a way removed or overcome in simultaneous acts of identifying operational units of perception and memory. They are perceived not only as one act, but also directly, which makes a basis for sensuous intuition, or "sense of meaning."

In my opinion, an interesting challenge is presented by investigating a

possible ratio of the complexity of movement ranks, and those of the complexity of percept, and the way to the latter. There is another logic traced in the development of studies of information processing levels in short-term visual memory. They were mainly focused not on the content determined by the percipient, but rather on conservative and dynamic functional blocks ("boxes in the head") involved in the processing of information. Depending on the nature of tasks solved the process can involve sensory register, iconic memory, scanning, identification, formation of motor instructions (programs for use of the data obtained), operating, manipulation (mental rotation) of images, then programs of their actualization: a semantic processing unit (the retrieval and attribution of sense), repeating in the inner voice and, finally, a verbal or motor response. Each of the functional units is characterized by different ratios of conservative and dynamic properties. For example, conservative properties predominate in the sensory register, dynamic properties prevails in the semantic processing unit. In the latter case, the person penetrates into deeper layers of meanings and values (Zinchenko V., 1971). The maximum depth of processing is reached beyond short-term memory after acts of discourse when working with values and meanings.

Functional blocks (also known as levels) of processing information, similar to functional organs, exist in a virtual reality and are revealed as needed in the event of behavioural or other tasks. They may be organized hierarchically. Heterarchy is also possible and that can be a kind of cognitive pool, i.e. not consistent but a parallel combination of

forces aimed at solving the problem. Identifying a large part of the listed and not listed above functional units discovered during almost half a century of the existence of cognitive psychology required inventing sophisticated experimental methods of investigation that are referred to as microstructural analysis and microdynamic analysis. All of them are carried out in a time range that is not available to any introspection and cannot be described in the "language of the internal." Unfortunately, it is only hypothetically possible to project the work of studied information processing levels in the short-term memory onto the real process of solving problems. Any decision is preceded by a phase of studying a problematic situation or a phase of information retrieval. Eye movements registration shows that at this phase there is a different duration of visual fixations. At each step of familiarizing with the situation the depth of processing and, accordingly, penetration into the situation are different (Ibid.). Such a hypothesis is not in contradiction with the possibility of a practically instantaneous grasp of the meaning of a situation. An example would be an experiment by V.B. Malkin that involved a chess grandmaster. The subject was given a task of memorizing a complicated chess position that was presented to him for a second. After the presentation the grandmaster said he did not remember what and where the figures were, but firmly stated that the Whites' position was weaker. This was indeed the case. The chess player was not to assess the position, the assessment was involuntary. In that case the semantic processing unit as if had moved forward and occupied the first place. This is not possible for an ordi-

nary chess player who thinks in elements (individual figures), not situations (positions). What forms later in development, stands out in operation. A shift in places of levels and in stages of their formation and functioning resembles an Oriental proverb: when a caravan turns around the lame camel becomes the first. The semantic assessment level of the position that was formed last is the first to function.

The given above list of potential levels of information processing that are defined by tasks of attention, observation, memory and action is certainly not complete. If one is allowed to fantasize a little, it is possible to carry out an external analogy between the rank complexity of motor, perceptual and mental actions and ranks of reflexive penetration into the depth of the opponent's intentions. The latter corresponds to the content of reflexive games developed by V.A. Lefebvre.

Another focus was made in studies by A.V. Zaporozhets. When analyzing development of arbitrary movements (in Bernstein's terminology these are the levels *D* and *E*) he focused on macrogenesis, i.e. on the deployment of the process of forming the image of a situation and the image of the course of action, which were to be performed in this situation. Zaporozhets referred to the situation image and the action image as to an internal picture (internal form) of arbitrary movements and actions, without which it is impossible to implement them efficiently. Consequently, the depth of processing depends not only on the perceived, or memorized, object, but also on the level of activity. Here we talk about synergy (in a different sense than that of the level *B* by Bernstein) of image and

action. More specifically, the action that leads to the image formation is an inner form of the existing image. In turn, the emerging or already established image becomes an internal form of movements and actions performed.

Such dynamic relationships between image and action are far from stimulus–reaction schemes used to describe behaviour. The image does not just cause an action but is transformed into action and becomes a way of control. However, it loses properties of redundancy and constancy necessary for making a decision either to act or to withdraw. The image of action possesses relevant to the task and quite real properties of the situation and of the object of the action. Decomposition of image and composition of action occur. The latter can be regarded, too, as decomposition of action, but action does not disappear altogether leaving behind not only the result, but also an image of the situation changed by the action.

We encounter amazing transformations of the image. The image of the present situation is transformed into the image of the required situation. In the terminology of N.A. Bernstein, this is a transformation of *Istwert* into *Sollwert*, and in terms of L.S. Vygotsky – into the relevant future field. The image of the required situation, in turn, is transformed into the image of action. Finally, when action begins, the image of action becomes an image in action and is embodied (rather than settles) in it. Everything that happens results in not only action in all its complexity becoming a subject action, but also in movement (through which the action is fulfilled), as if absorbing the subject, acquiring a subject outline. The great

Charles Sherrington once talked about subject receptors. He was referring to vision and hearing. Both kinesthetics and proprioception become of a subject nature. Sensitivity of movement to itself, to its own flow is complemented by sensitivity to the situation and to the subject of the action. Moreover, the movement becomes sensitive to the meaning of a motor task, i.e. to the planned future results and the designed program of achieving it. And all this, as in the case of levels of processing in the visual short-term memory, occurs in the time range beyond introspection. But it happens not automatically (I wouldn't like to use the term "unconscious" here). The study by N.D. Gordeeva demonstrated that sensitivity of movement to itself and its sensitivity to the situation change in phase. Their alternation depends on the speed of movement: when performing, for example, a comfortable movement lasting about one second the sensitivity change observed happens with the interval from 100 to 200 ms. In other words, there is a comparison of indications of both types of sensitivity and a correlation of the assessment obtained with the meaning of the current motor task. The observed effect was called the effect of background reflection. The latter even in simple movements occurs several times per second. It is important to note that with the shift of both types of sensitivity it does not fall to zero. Hence, it is possible to increase it in case of external or internal need (Gordeeva, 2007; Gordeeva & Zinchenko V., 2001).

The presence of such a mechanism in due time was predicted N.A. Bernstein. After the person learning a skill identifies its motor structure and estab-

lishes what the required movement will *look like* (from the outside), "he starts to understand what both the movement and sensory corrections managing it will *feel like* (from the inside)" (Bernstein, 1997, p. 238). This is nothing but looking inside oneself, of which we, even when performing complex actions, are not aware.

Consequently already at such deep levels of activity we observe its intentionality, reflexive nature, substantive complexity, etc. that allows us to speak not only of the unconscious but of the existential layer or the level of consciousness operation. This is true for macrogenesis of perception (or formation of a new image); for microgenesis of perception (or identification of a familiar image); for varying in complexity information transformations in short-term memory needed to solve problems or transfer it to long-term memory; for building movement and action (involuntary and arbitrary, forced and spontaneous, free). On the existential level of consciousness usual distinctions of the subjective and objective, the external and internal lose their sense. Of course, levels of processing information that have been studied or are being studied are subjective, but only in the sense that they belong to the individual. But this subjective quality is no less objective than the so-called objective quality. We are talking about special ontology of a single continuum of consciousness (the work of reflective and spiritual levels of consciousness requires special presentation (see Zinchenko V., 2006)).

I started this conversation about information processing levels and activity levels with the example relating to the psychology of art. It is known

that perception of art plays an important role in the personal development of the individual. When immersing into internal forms of works of art we in fact immerse into ourselves and begin to build our own internal form, which is also not uniform and has its stages and levels. This, of course, applies not only to perception of art but has a broader meaning. But that is another story.

It is hardly necessary to explain that what was said about the image and action is directly related to memory and results of its studies by P.I. Zinchenko, Craik and Lockhart, as well as to the intended prospects of studying levels of its activity and the depth of processing. Their study not only are in no contradiction to each other, but they provide new grounds for interpreting human memory as a whole and its individual types (memorizing, saving, remembering, reproducing and forgetting) as a dynamic functional organ that undoubtedly possesses conservative properties too. Vladimir Nabokov suggested a vivid description of this functional organ: memory “evolves into an extraordinarily complex organ, which functions continuously, and its secretion compensates for all that has been lost; or else it becomes a fatal tumor on the soul that makes it painful to breathe, sleep, and associate with carefree foreigners.” (In the latter case it refers to nostalgia of an emigrant.)

Some prospects: from levels to functional organs and their models

I will allow myself to make a general conclusion concerning levels of the depth of processing and levels of activity, regardless of whether the levels studied are related to perception, mem-

ory, understanding, problem-solving or organizing action. Of course, the cognitive and executive acts investigated cannot contain the full measurements of aspects of the inner world or inner space of man. In my opinion, today the task for researchers is not only to increase the number of measurements but rather to establish meaningful connections between the already known approaches, each of which offers its own explanation of, in fact, one and the same subject studied from different angles. Although they are all different, but none of them pushes us towards reducing neurophysiological mechanisms that withdraws the explanation beyond psychology. V.N. Porus offers another way (instead of moving along the “reductionist slalom track”) – that of constructing a *topological system* in which “levels,” or “types,” of explanations act as mutual “transcriptions,” or means of reading their meanings in other languages (Porus, 2008, pp. 95–96). This approach to understanding the whole has been overdue for quite a while, and to implement it there are already sufficient preconditions. As noted above, original ideas of cognitive and executive acts having a hierarchical organization turn out to be unsatisfactory and give way to ideas about their heterarchical organization. But when it comes to coordinating complex cognitive acts aimed at providing executive acts that have, in turn, a tiered structure, the situation becomes even more complicated. Heterarchy is not enough. Coordination is needed not only vertically between levels that are inside of a particular act. There should also be coordination along horizontals and diagonals, i.e. between levels belonging to different functional pat-

terms of cognitive or executive acts. A. Koestler meant something similar when introducing the terms “matrix” and “bisociation” (M.K. Petrov preferred the term “multisociation” to the latter (Petrov, 2006, p. 33)). It can refer to a multiply-connected network of horizontal and vertical levels similar to a multiply-connected network of neurons linked by a principle of “each one with each one” (for more details see Bernstein, 1947; Zinchenko V. & Nazarov, 1997). Such a “spatial” multiply-connected network serves as a basis for the construction of functional models or structures of activity, which include components related to different levels. Experience of construing inter-level models has been gradually accumulated. It was started in motion control models proposed by N.A. Bernstein and his followers (Gordeeva, 1995). I will not go into the issue of how neurons “recognize” each other in multiply-connected networks. It is more important to answer the question of how levels or components related to different functional structures of cognitive and executive acts “recognize” each other. Considering such acts (constant functional organs) as metaforms helps to answer this question. Let me illustrate this with an example of action, word and image. The internal form of action includes the image and the word; the internal form of the image includes the action and the word; finally, the internal form of word includes the image and action. Metaforms, be they word, image or action, contain corresponding functional, verbal, perceptual, subject and operational values. They are not static but dynamic, and their dynamics generates meanings. V.Humboldt saw a forming idea of spirit as an internal

form behind language forms. This idea is also present behind metaforms of image and action. All metaforms are certainly not impartial. There are feelings behind them. Thus, we have a weave, a fringe or garlands of internal forms where their constituent components are entangled by networks of direct and reverse connections (Zinchenko V., 2007a, 2008a). In such an analysis functional structures of action, image and word are more than “familiar.” They are formations heterogeneous not only in their origin but also in their functioning, and it forms the basis of their relationships and interactions when addressing new challenges that arise in uncertain and changing conditions of behaviour and activity. Structures previously stored undergo decomposition while new structures required by tasks of activity go through the stage of composition (the latter include structures by means of which the future is to be constructed).

Likening (a mutual “transcription”) of constant functional organs, functional structures of cognitive and executive acts to metaforms of action, word and image has fairly profound grounds. M.K. Mamardashvili considered form as an internal element of understanding, as “life organ” that compensates (or corrects) failure or uncertainty of life itself: “As events in the world acquire final identification in their “life organs,” this is why they are not available for observation from outside: in case the external observer does not have the same organ” (Mamardashvili, 1997, p. 318). Speaking of forms Mamardashvili meant not statutory forms but *forms of power*, i.e. forms of certain tension that cannot be either physically or visually presented.

Rhythm or dynamic pulsation are the form of which he speaks: "Form is the resonant container or box that it creates. Marcel Proust mentions somewhere the expression "resonance box" ("caisse de résonances") which is very imaginative and relevant to what I called the way... The ability to conform to such a form is indeed the voice of the point in us where freedom and necessity intersect" (Mamardashvili, 2000, p. 358). G.G. Shpet also described the internal form as a path. A.A. Ukhtomsky's assessment of the functional organ as "active rest" is close to it. Further, Mamardashvili (as if following Ukhtomsky's logic) talks about feeling, or sensitive, form that is different from our physical senses (*Ibid.*, p. 319). And this form is not just a desire or fleeting impression, it is able to hold, maintain and translate itself: "The form, or structure, is the basis of the human condition having the property of infinity and understanding the infinite" (Mamardashvili, 1995, p. 266).

The infinite being both time and space. We mentioned earlier that functional organs exist in a virtual reality, that they are in a specific space and time – in the active chronotope. This is a different time that moves forward or backward or stops altogether, and a different space with polisensor rather than Cartesian or any other abstract coordinates. Once arisen, a functional organ continues to live in space and time of the chronotope, maintaining the connection with the outside world through subsystems of perception and movement configured by the organ. As a structure, or form, it is similar to dissipative structures capable of internal differentiation and self-organization (see Prigogine & Stengers, 1997).

I had to appeal to works by Mamardashvili and Prigozhin, so that the reader would not have the impression of something elementary happening: functional organs, structures and metaforms were formed and then their elements scattered and self-organized (through environment) into new structures, and thus effective (intelligent, creative) behaviour and activity were ensured. These processes are far from being automatic; rather, they are dramatic where there is no happy ending guaranteed. To dispel the illusion of simplicity, I shall remind that G.G. Shpet had to write a monographic description to characterize the internal form of word (1927/2005). The same description was undertaken by N.D. Gordeeva to characterize the functional structure of action (Gordeeva, 1995). The dynamics of the internal shape of image was also studied by V.P. Zinchenko, N.Yu. Vergilis (1969) and B.I. Bepalov (1984).

Without going into the dynamics of internal forms, I shall confine myself to a metaphorical characteristic of how man is opposed to uncertainty and variability of the world (of the external and internal world, if such a distinction still makes sense). I shall start with the meaning. M. Weber likened man to animal, which exists in the web of meanings that he wove himself (apparently from his own being). It is rather difficult to find a required knot in the web without making it vibrate. Movement is involved in overcoming critical situations. N.A. Bernstein likened living motion to a web in the wind; A.V. Zaporozhets compared living motion released from fixed patterns to the Aeolian harp. Living motion is involved in generating the image. Living image, in turn, can be vibrant, intense, painful

and unsteady, i.e. as mobile as meaning and movement are. It is susceptible to operating, manipulation and transformation. It can be likened to the same web in the wind. The word is polysemantic and polysemic. It has to be found too: *I lost the word that wanted you to hear./And will the fleshless thought return to the hall of shadows* (Mandelstam). On the same subject: *What agony! To search for a lost word*. A similar way is used to describe behaviour of thought: "A thought's logic is like a wind blowing us on, a series of gusts and jolts. You think you've got to port, but then find yourself thrown back out onto the open sea, as Leibniz put it" (Deleuze, 1995, p. 94). Finally, readers anxious to find physiological mechanisms of behavioural and mental acts should be reminded that the closest metaphor was used by neuroscientists who claimed that the dendritic network of a living organism moves like tree branches do with a light breeze. These examples suggest that psychology must not only become more tolerant of uncertainty (Zinchenko V., 2007b), but also concentrate on ways of overcoming it.

Now let us remember that behind all the above mentioned acts there are complex functional structures that are in a non-equilibrium state and are just as necessary for the organization of behaviour and activity, as they are redundant. Operational functional organs are to be built of these elements (levels). Apparently, to describe this work it is really necessary to attract topological categories or (as N.A. Bernstein warned long ago) to build a new mathematics, which still does not exist and perhaps will hardly be constructed in the foreseeable future. We have to use poetic formulas and (relying on our

own forces) build understandable or intelligible conceptual schemes.

Concluding the conversation about levels of the processing depth and levels of activity I have to confess that I cannot help feeling the mystery or miracle happening in human perception, memory, thinking. In the language of science this miracle is comprised in the move from successivity to simultaneity of perceiving the world. The same miracle is an amazing willingness of our memory that almost instantly selects what is needed at the moment from its scope that has any distinct boundaries. In the language of poetry it was expressed by William Blake: *To see <...> Eternity in an hour...* and by Boris Pasternak: *This moment lasted an instant,/But it would eclipse eternity*. Perhaps addressing the issue of how direct and indirect aspects in human cognition and activity are related to each other, could facilitate the approach to the mystery of simultaneity. In the end, the direct and indirect aspects are also levels of human mental life organization, of consciousness and activity. The author examines the thought in another paper (Zinchenko V., 2009) which is a continuation of this discussion.

All this, of course, can be called a fantasy. But psychology should one day become an objective science of the subjective world of man, and not only learn (and teach) how the individual finds his or her way in the external world. The first was a dream of the bright representative of the Kharkov Psychological School and later of the Moscow Psychological School, P.Ya. Galperin; the second was his real work. In my opinion, the study of involuntary memory in a broad sense (including memorizing, remembering and forgetting), which

began with works by P.I. Zinchenko and is the subject of our discussion, is closer to making the dream of his friend P.Ya. Galperin come true.

References

- Asmus, V. F. (1984). *Istoriko-filosofskie etyudy* [Historical philosophical studies]. Moscow: Mysl'.
- Bartlett, F. (1932). *Remembering. A study in experimental and social psychology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bernstein, N. A. (1947). *O postroenii dvizhenii* [On the construction of movement]. Moscow: Medgiz.
- Bernstein, N. A. (1966). *Ocherki po fiziologii dvizheniya i fiziologii aktivnosti* [Essays on physiology of activity]. Moscow: Meditsina.
- Bernstein, N. A. (1997). *Biomekhanika i fiziologiya dvizhenii* [Biomechanics and the physiology of movement]. Moscow/Voronezh.
- Bespalov, B. I. (1984). *Deistvie. Psikhologicheskie mekhanizmy vizual'nogo myshleniya* [Action. The psychological mechanisms of visual thinking]. Moscow: Moscow University Press.
- Bibikhin, V. V. (2007). *Mir* [The world] (2nd ed.). Saint Petersburg: Nauka.
- Bibikhin, V. V. (2008). *Vnutrennyaya forma slova* [The inner form of word]. Saint Petersburg: Nauka.
- Brandist, C. (2006). The rise of Soviet sociolinguistics from the ashes of Vulkerpsychologie. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 42(3), 261–277.
- Brodsky, J. (2001). *Poklonit'sya teni* [To please a shadow]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
- Cermak, L., & Craik, F. (Eds.) (1979). *Levels of processing and human memory*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Cole, M. (1980). Introduction: The Kharkov school of developmental psychology. *Soviet Psychology*, 18(2).
- Cole, M. (1996). *Cultural psychology: A once and future discipline*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Craik, F., & Lockhart, R. (1972). Levels of processing: A framework for memory research. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 11(6), 671–684.
- Deleuze, G. (1995). *Negotiations*. New York: Columbia University Press.
- Dobrokhotov, A. L. (2008). Kruglyi stol: Kul'turologiya kak nauka: za i protiv [The round table: Culturology as a science: pro et contra]. *Voprosy Filosofii*, 11.
- Gershenson, M. O. (2001). *Gol'fstrem. Klyuch very. Mudrost' Pushkina* [Gulf Stream. The key to faith. Pushkin's wisdom]. Moscow: Agraf.
- Gordeeva, N. D. (1995). *Ekspperimental'naya psikhologiya ispolnitel'nogo deistviya* [Experimental psychology of executive action]. Moscow: Trivola.
- Gordeeva, N. D. (2007). Productive chaos as a condition for a perfect action. *Voprosy Psikhologii*, 3, 116–127. (in Russian)
- Gordeeva, N. D., & Zinchenko, V. P. (2001). Rol' refleksii v postroenii predmetnogo deistviya [The role of reflection in the construction of subject's action]. *Chelovek*, 6, 26–41.
- Kandinsky, V. (2004). *Tochka i liniya na ploskosti* [Point and line to plane]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
- Kelly, G. A. (1963). *The psychology of personal constructs*. London: Routledge.
- Leontiev, A. N. (1967). Bor'ba za problemu soznaniya v stanovlenii sovetskoi psikhologii [The fight for the problem of consciousness in the making of the Soviet psychology]. *Voprosy Psikhologii*, 2.

- Leontiev, A. N. (1931). *Razvitiye pamyati* [The development of memory]. Moscow: Uchpedgiz.
- Leontiev, A. N. (1983). *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological writings] (in 2 Vols). Moscow: Pedagogika.
- Luria, A. R. (1968). *Malen'kaya knizhka o bol'shoi pamyati* [A little book about a vast memory]. Moscow: Moscow University Press.
- Luria, A. R. (2002). *Priroda chelovecheskikh konfliktov* [The nature of human conflicts]. Moscow: Kogito-Tsentr.
- Mamardashvili, M. K. (1995). *Leksii o Pruste* [The lectures on Proust]. Moscow: Ad Marginem.
- Mamardashvili, M. K. (1997). *Psikhologicheskaya topologiya puti* [The psychological topology of the way]. Saint Petersburg: Zhurnal "Neva".
- Mamardashvili, M. K. (2000). *Eстетика мышления* [Aesthetics of thinking]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2000.
- Meshcheryakov, B. G. (2004). *Pamyat' cheloveka: efekty i fenomeny* [The human memory: effects and phenomena]. Moscow: Voprosy Psikhologii.
- Meyerhold, V. (1968). *Stat'i. Rechi. Pisma. Besedy* [Papers. Speeches. Letters. Discussions] (in 2 Vols.). Moscow: Iskusstvo.
- Petrov, M. K. (2006). *Filosofskie problemy "Nauki o nauke". Predmet sotsiologii nauki* [The philosophical problems of the "science of science". The subject of the sociology of science. Moscow: ROSSPEN.
- Porus, V. N. (2008). Kak ob"yasnit'? Znak razvilki na puti psikhologii [How to explain? The junction sign on the way of psychology]. *Methodology and History of Psychology*, 3(1), 88–97.
- Prigogine, I., & Stengers, I. (1997). *The end of certainty: Time, chaos, and the new laws of nature*. New York/London/Toronto/Sydney/Singapore: The Free Press.
- Rubinstein, S. L. (1973). Chelovek i mir [Man and world]. In S. L. Rubinstein, *Problemy obshchei psikhologii* [Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika.
- Shekhter, M. S. (1967). *Psikhologicheskie problemy uznavaniya* [Psychological problems of recognition]. Moscow: Prosveshchenie.
- Shpet, G. (1989). *Sochineniya* [Writings]. Moscow: Pravda.
- Undeutsch, U. (1942). Die Aktualgenese in ihrer Allgemein Philosophischen und ihrer characterologischen Bedeutung. *Scientia*, 72, 37.
- Valsiner, J. (1988). *Developmental psychology in the Soviet Union*. Brighton, Sussex: Harvester Press.
- Van der Veer, R. (1996). The concept of culture in Vygotsky's thinking. *Culture and Psychology*, 2(3), 247–263.
- Vasilyuk, F. G. (2007). Ponimayushchaya psikhoterapiya: opyt postroeniya psikhotehnicheskoi sistemy [The understanding psychotherapy: the experience of construal of a system of psychotechnics]. *Vestnik Prakticheskoi Psikhologii v obrazovaniya*, 3, 27–41.
- Vdovina, I. S. (1999). Ot pervichnogo vospriyatiya k miru kul'tury [From the primal perception to the world of culture]. In M. Merleau-Ponty, *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. Saint Petersburg: Yuventa/Nauka.
- Vygotsky, L. S. (1926). *Pedagogicheskaya psikhologiya* [The educational psychology]. Moscow.
- Yasnitsky, A. (2008). History of Kharkov school of psychology documentary: period of 1931–1936. *Kul'turno-istoricheskaya Psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 3, 92–102. (in Russian)
- Yasnitsky, A., & Ferrari, M. (2008a). Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school. *History of Psychology*, 11(2), 101–121.

- Yasnitsky, A., & Ferrari, M. (2008b). From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 44(2), 119–145.
- Yudin, E. G. (1978). *Sistemnyi podkhod i printsip deyatel'nosti. Metodologicheskie problemy sovremennoi nauki* [The system approach and the principle of activity: Methodological problems of contemporary science]. Moscow: Nauka.
- Zaporozhets, A. V. (1960). *Razvitie proizvol'nykh dvizhenii* [Development of voluntary movements]. Moscow: Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR.
- Zhinkin, N. I. (1982). *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as a mediator of information]. Moscow: Nauka.
- Zinchenko, A. V. (2001). *Nostalgia and discontinuity of life: A multiple case study of older ex-Soviet refugees seeking psychotherapeutic help for immigration-related problems*. Unpublished Ph.D. dissertation, Saybrook Graduate School.
- Zinchenko, P. I. (1939a). Problema neproizvol'nogo zapominaniya [The issue of unintentional memorization]. *Nauchnye Zapiski Khar'kovskogo Pedagogicheskogo Instituta Inostrannykh Yazykov*, 1.
- Zinchenko, P. I. (1939b). O zabyvanii i vosproizvedenii shkol'nykh znanii [On forgetting and remembering school knowledge]. *Nauchnye Zapiski Khar'kovskogo Pedagogicheskogo Instituta Inostrannykh Yazykov*, 1.
- Zinchenko, P. I. (1961). *Neproizvol'noe zapominanie* [Unintentional memorizing]. Moscow: Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR.
- Zinchenko, T. P. (2000). *Kognitivnaya i prikladnaya psikhologiya* [The cognitive and applied psychology]. Moscow/Voronezh: MPSI/NPO "MODEK".
- Zinchenko, T. P. (2002). *Pamyat' v eksperimental'noi i kognitivnoi psikhologii* [Memory in experimental and cognitive psychology]. Saint Petersburg: Piter.
- Zinchenko, V. P. (1971). Produktivnoe vospriyatie [The productive perception]. *Voprosy Psikhologii*, 6.
- Zinchenko, V. P. (2000). *Mysl' i slovo Gustava Shpeta* [The thought and the word of Gustav Shpet]. Moscow: Izdatel'stvo URAO.
- Zinchenko, V. P. (2006). Soznanie kak predmet i delo psikhologii [Cognition as a subject and matter of psychology]. *Methodology and History of Psychology*, 1(1), 207–231.
- Zinchenko, V. P. (2007a). Generation of meaning: Metaphor's assembling. *Kul'turno-istoricheskaya Psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 3, 17–32. (in Russian)
- Zinchenko, V. P. (2007b). Tolerance towards vagueness: Is it news or a psychological tradition? *Voprosy Psikhologii*, 6, 3–22. (in Russian)
- Zinchenko, V. P. (2008a). Geterogenez tvorcheskogo akta: slovo, obraz i deistvie v "kotle Cogito" [The heterogenesis of creative act: word, image and action in the "pot of Cogito"]. In V. A. Lektorskii (Ed.), *Kognitivnyi podkhod: filosofiya, kognitivnaya nauka, kognitivnye distsipliny* [Cognitive approach: philosophy, cognitive science, cognitive disciplines]. Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya".
- Zinchenko, V. P. (2008b). Early stages of cultural development of the child. *Dubna Psychological Journal*, 1(1). Retrieved from <http://psyanima.su/journal/2008/1/2008n1a2/2008n1a2.pdf> (in Russian)
- Zinchenko, V. P. (2008c). "Perhaps the whisper was born before the lips..." What precedes the explosion of child language. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2, 2–18. (in Russian)
- Zinchenko, V. P. (2009). Do we need to overcome the immediacy postulate? *Voprosy Psikhologii*, 2, 3–20. (in Russian)

- Zinchenko, V. P., & Meshcheryakov, B. G. (2000). Sovokupnaya deyatel'nost' kak geneticheski iskhodnaya edinitsa psikhicheskogo razvitiya [Comprehensive activity as a genetically initial unit of psychic development]. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie*, 2, 86–95.
- Zinchenko, V. P., & Nazarov, A. I. (1997). Posleslovie [Afterword]. In N. A. Bernshtein, *Biomekhanika i fiziologiya dvizhenii* [Biomechanics and the physiology of movement]. Moscow/Voronezh.
- Zinchenko, V. P., & Vergiles, N. Yu. (1969). *Formirovanie zritel'nogo obraza* [Formation of visual image]. Moscow: Moscow University Press.
- Zinchenko, V. P. Thought and word: The approaches of L. S. Vygotsky and G. G. Shpet. In H. Daniels, M. Cole, & J. V. Wertsch (Eds.), *The Cambridge Companion to Vygotsky*. Cambridge.

Работа печатается по изданию: Зинченко, В. П. (2009). Живая память в исследованиях П.И. Зинченко (ретроспект и проспект). *Культурно-историческая психология*, 3, 2–15.

Перевод и публикация материалов производились с разрешения ЦГИ Принт.

LIVE METAPHORS OF MEANING¹

V.P. ZINCHENKO

Reflections on meaning are as indestructible as nature itself: they give a chance to build a “freedom for...”. L.S. Vygotsky wrote that, as Locke, Leibnitz and all linguistics had shown, *all words* of psychology are metaphors taken from spaces in the world. One can certainly argue as to whether all psychological words are metaphors, but there is no doubt that psychologists do not strictly define the word “meaning.” Vygotsky also did not define it. A kind of excuse for the absence or inadequacy of the definition of “meaning” can be found in the works of A.N. Leontiev. D.A. Leontiev used his words as an epigraph to the first monograph in the Russian psychology called *The Psychology of Meaning*: “The problem of meaning is the last analytical concept crowning the general doctrine of psyche, as well as the concept of the personality crowns the whole system of psychology.” The contents of the book show that the concept of meaning would have to be the first, and without it neither the general doctrine of psyche nor the system of psychology (if the term “system” is applicable to science

in general) could be built. The point is not even as to whether the concept of the meaning is to be original or crowning, but whether meaning needs (does it indeed?) to be made into a concept, and there, God willing, it will be either an analytic or synthetic concept. This does not mean that in psychology and the humanities in general there is no concept of the meaning. On the contrary. Such notions are too numerous.

D.A. Leontiev, having analyzed many definitions (interpretations) of meaning, suggests that behind the concept (the word-concept, to be more precise) of “meaning” there is not a specific psychological structure, allowing an unambiguous definition, but a complex and multifaceted semantic reality (Leontiev, 1999, p. 105). As far as giving a definition to meaning is concerned we think that this is not an assumption, but a statement of the status quo. Defining a concept is quite a difficult (and unrewarding) task, and the definition of the concept of meaning causes unprecedented trouble. After all, in the triangle of G.Frege the very concept is the signification of

¹ Translated from: Zinchenko, V. P. (2012). Live metaphors of meaning. In T. G. Shchedrina (Ed.), *Methodology of psychology: problems and prospects* (pp. 29–50). Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. Translated and published with a permission of the publishing house «Tsentr gumanitarnykh initsiativ». Poetry is translated by E. Gaevskaya и D. Vonsboro.

meaning: accordingly, the meaning (the word) indicating meaning (denotation), is a meaning (concept).

To avoid the confusion of being lost between the proverbial three pines, we shall not go into the debate over concepts but will accept that meaning is not so much a notion as a concept of culture. Yu.S. Stepanov understands it as “a phenomenon akin to the notion, but differing from it with its content, form and the scope of existence: its scope is the mental world, not logic but culture in any of its aspects; its form is not a scientific term but a word and a word combination from general language; its content belongs to all of society...” (Stepanov, 2004, p. 9). We believe that L.S. Vygotsky was also far from the notion of “meaning” and even more so from the analytic concept of it. Affective-semantic formations were a cultural reality to him. His version of cultural-historical psychology is rather a way to understand the meaning of the mind and consciousness. We shall illustrate this position.

L.S. Vygotsky started his scientific activities with the psychology of art (the manuscript of the book of the same name dates from the year 1925). He saw its subject matter and the objective in the study of the *aesthetic response*, a form of which is catharsis. Such an interpretation of the subject of the psychology of art can be considered as a tribute to the time and can be explained by his early interest in the theory of conditioned reflexes of I.P. Pavlov and in reactology of K.N. Kornilov. In *The Historical Meaning of the Psychological Crisis* he confirms that the main subject of his research in the psychology of art is the aesthetic response. The importance of the problem is empha-

sized here: “to find the borders and meaning of the aesthetic response in art” (Vygotsky, 1982a, pp. 405–406). At the end of the book *The Psychology of Art* L.S. Vygotsky came to the meaning, including “the second meaning” in *The Tragedy of Hamlet*: “Not to solve the riddle but to accept the mystery, to sense it, to feel it” (Vygotsky, 1996, p. 485). The author concludes that both the work of art and its perception are characterized by incompleteness and understatement: “artistic perception is a “startled,” interrupted, incomplete perception; it inevitably leads to a different thing – to replenishing of the words of tragedy with silence” (Ibid., p. 491). In other words, to the work of experiencing and understanding.

Closest students of L.S. Vygotsky – A.V. Zaporozhets and D.B. Elkonin – appreciated Vygotsky’s provisions on the objectivity of existence of affective-semantic formations represented in works of art and other creations by humanity. It is clear in the light of these provisions why Vygotsky argued that experience was the unit of analysis of consciousness (it would be more accurately called the source of consciousness). In terms of modern characteristics of science that emphasize interdisciplinarity in constructing models used to synthesize investigations in different areas of knowledge, Vygotsky was a classic of modern science. However, his scientific work was devoid of the essence of the latter, i.e. its omnivorous, eclectic and amateurish nature. It is scary even to think of its zone of proximal development: the science that departs further and further from meaning.

The path to meaning is similarly traced in the book *Thought and*

Speech. At the beginning of the book the author puts forward sense as a common unit of analysis for both processes (thought and speech). Sense is the main subject of the interesting studies throughout most of the book. In the course of the development of logic and results of the studies and in the course of writing the book (towards the end) this option ceased to conform to the author's intention so the focus (most likely without the author being aware of it) shifted from sense to meaning (Zinchenko V., 2006, p. 10). Perhaps he felt something similar to what R.M. Rilke expressed as follows: "... we feel little secure and at home in our interpreted world."

In the article *The Problem of Mental Retardation* that was being written, apparently, in parallel with the book mentioned, L.S. Vygotsky (while discussing the relationship between thought and action) considers them as two types of activities, each of which is a dynamic semantic system (Vygotsky, 1982c, pp. 250–251). As speech is a kind of activity too, there is no doubt that this characteristic also applies to it. These provisions are related to L.S. Vygotsky's idea (that was deployed sparingly) on the semantic structure of consciousness.

Thus, the concept of meaning is present in many constructions by L.S. Vygotsky; one might even say that it is central to his theory. And the notion of meaning, if implied, is too vague causing discrepancies in interpreting his works and a sense of understatement. We shall say once again that L.S. Vygotsky was not alone in this. Such a situation is typical not only to psychology, but also, we dare say, to the entirety of human knowledge.

Many verbal and, in a way, even logical definitions give the appearance of clarity to the mystery of meaning. This is what makes us turn to metaphors, or, sorry for the tautology, to meaningful images of meaning. Addressing metaphor removes the illusion of clarity; it shows the incompleteness, at times the banality of definitions; it brings us back to the mystery of meaning and encourages the urge to touch it, to make it more noticeable. Metaphors and meaningful images help revitalize existing concepts or notions of meaning. The approach to a living notion (which is a kind of intelligible matter), is through a living metaphor. Eventually metaphor facilitates understanding, and the latter is indispensable in gaining knowledge that can be applicable for anything at all.

To understand something, it is necessary to go beyond it. In Greek the word "metaphor" literally means "a trolley." A trolley is used to transport goods from point A to point B. V.L. Rabinovich pointed out that in the case of metaphor the points (objects) A and B are located in different semantic spaces. Meaning is the cargo, which the metaphor "carries." Something A is endowed and enriched by the meaning of some other B. Hence, metaphor is a means of sharing, expanding and deepening of meaning. But the transfer of meaning does not violate the integrity of extreme elements that are linked by metaphor.

The significance of metaphor in science is indisputable, nevertheless we shall specifically cite some of the statements that represent general cultural interest and are intended not only for readers particularly concerned with the conceptual rigor of science.

B.L. Pasternak: “Metaphors are shorthand for the great personality, a cursive script of its spirit. Our business is to understand metaphors and, if possible, to decipher them.” Osip Mandelstam: “The earth hums with metaphor.” Dante could say: “I compare, therefore I live.” He was the Descartes of metaphor. For only through metaphor does the matter reveal itself to our consciousness (where can we get a different one?), for there is no existence beyond comparison, for existence itself is a comparison” (Mandelstam, 1987, p. 161). Metaphor is certainly greater than comparison. There is an element of inspiration in it too. It has a deep and rich inner form. G.G. Shpet talked about this form and its grounds: “... Metaphor, simile, personification, comparison of the familiar with the unfamiliar and vice versa, and so on, — all this has its grounds and an ontological basis as well, but the subject of this ontology is the word” (Shpet, 1989, p. 447). S.S. Averintsev: “Whenever a philosophical term has already become a philosophical term, it is even more straightforward, deliberately fixed, and stable: otherwise it would not have been the term. So, both the common word and the term are subjects that hardly move, they “know their place” and do not allow movement from that place. But a shift is needed to give birth to a term. If to imagine that a common word as such may become a term, we have a kind of Zeno’s arrow paradox: the arrow is here now in such a place, and a moment later it is in another place, but when and how did it manage to move? Between the common word and the philosophical term must certainly be an area in which words are released from a rigid connection with

their “place” in life, are shifted from it, come out from their coasts, of equality with themselves. In other words, it is an area of metaphor. After all, the philosophical term, if we look at it from the opposite pole, from the sphere of everyday speech, is nothing other than a set, fixed, frozen metaphor: a common word regularly used in an improper sense” (Averintsev, 1979, pp. 51–52).

P. Ricoeur, who developed the theory of living metaphor, put metaphor on the border between psychology and semantics, and claimed that this border was where the logic and the sensory were connected, or the verbal and the non-verbal were linked. He considered metaphor to be a stream of images generated by meaning, as the deployment of meaning into images, including into verbal iconic signs. However, iconicity implies control over image on the part of meaning and the use of the “picturesque” potency of language. Ricoeur, referring to Wittgenstein, relates metaphor to the “to see how” phenomenon. To explain metaphor means to list those senses in which image *is seen* as meaning. “To see how” is an intuitive attitude that holds together meaning and image. “To see how” is action, because to understand means to do something (Ricoeur, 1990, pp. 435–455). More precisely, the metaphorical image contains in its internal form actions and word, along with their meanings that are in their inner form, i.e. as if in the inner form of the second order. P. Ricoeur concludes his analysis with the following: “Thus, ‘to see how’ performs exactly the role of a scheme, which unites an *empty* concept and a *blind* impression; being a half thought and a half feeling, this action-feeling links the clarity of thought and the fullness of

image. Thus, the non-verbal and the verbal, too, are closely related to each other (in the framework of the figurative function of language)" (Ibid., p. 452). We should only note that "image, as well as concept, is not a reproduction and, therefore, "imagination" is neither "perception" nor "representation." It is *between* the representation and the concept. It should be comparable with the "admission" (according to Meinong's terminology)" (Shpet, 2007, pp. 265–266). "Assumption", or hypothesis, is "to see how." Shpet's explanation is very important: finding a living metaphor is a means of research, rather than a replacement.

As (according to Ricoeur) the metaphorical meaning is grown in the thickness of images, it is interesting to see what images are behind the very concept of meaning. Could this widely used concept be empty? What are the body, the flesh and the *face of meaning* (metaphors suggested by M.M. Bakhtin) in psychology? To what extent is its face expressive and intelligible? Is the body of meaning equivalent to the sounding and speaking flesh of the Russian language as Mandelstam wrote about? What is the style of the verbal robes of thought or what is the poetic costume of thought (Shpet's metaphor)? What is the style forming the methodological integrity of psychological concepts? To what extent does the idea meet intuition and taste, is it aesthetically pleasing?

First, we shall mention how broadly the concept of meaning was used beyond L.S.Vygotsky's theory. A.A. Ukhtomsky included meaning into the definition of life: life demands meaning and beauty within existence. Behaviour and activity have a meaning

too. It is interesting that being a physiologist and biomechanic N.A. Bernstein took the concept of "meaning" as a key one when creating his theory of constructing movement. Meaning soars above objectives: motor, perceptual, mnemonic, intellectual, etc. Apparently, this is why his theory was more widely disseminated among psychologists than among physiologists. Especially since he (unlike the latter) never avoided the concept of "image".

Alongside with biological or vital meaning, there is also personal meaning (A.N. Leontiev). There is the transpersonal, or suprapersonal, meaning (Jung). Meaning acts in overt and covert forms. A.N. Leontiev once described meaning as the major unit of the analysis of the psyche and was going to prove it, but later gave up the idea after he had identified meaning as one of the elements forming consciousness (along with sense and sensual tissue).

F.E. Vasilyuk, when analyzing the overcoming of critical situations (loss of meaning, a life crisis), concluded that it is possible to gain a new meaning in life in the activities of experience (see Vasilyuk, 1984) (the work of grief as Freud put it). This is quite plausible, especially considering that experience (according to Vygotsky) is the unit of analysis of consciousness and a consciousness forming element (apparently forgotten by A.N. Leontiev). The work of understanding is also close to the experience. Understanding in external and internal dialogues is provided by two oppositely directed processes: the process of giving sense to meaning and the process of interpreting the senses (Zinchenko V., 2002). The Möbius strip is suitable to illus-

trate the relationship between senses and meanings. In the process of either understanding or thinking the specified processes-actions flow into each other. On the outer side of the strip there may be a sense that is transformed into a meaning as a result of interpretation and this then becomes the internal side of the same strip. A similar result occurs when the meaning is given a value: a newly interpreted meaning is transferred to the outside of the Möbius strip.

In an effort to define a concept (or to describe a phenomenon), its “meaning” is correlated with values, symbols, spirit (it is sometimes identified with them), as well as with needs, motivations, goals, values, attitudes, points of view, orientations, and focus of the individual. Objectified meaning, along with the sign, word, symbol, and face, is regarded as a carrier of the ideal form, a means (mediator) of development and personal growth (Zinchenko V., 1997).

Philosophers consider meaning as “the outer essence of a phenomenon that justifies its existence through associating it with a wider stratum of reality. By determining the location of the phenomenon in a certain integrity, meaning transforms its implementation into a need corresponding to the ontological order of things” (Shreider, 2000, p. 576). Of course, in such a general way this universal category can be applied to socio-cultural determinants of cognition in the analysis of scientific and cognitive activity, in other words, it can also act as an approach to interpreting the scientific and cognitive activity and, in fact, it really is the activity itself. The meaning of knowledge, from this point of view, is given by

external socio-cultural goals and external socio-cultural “order of things.” And it is exhausted by those. However, then there can be no discussion of grounds of the integrity of knowledge, of the true meaning of knowledge as such. Even if they are not denied, there is nothing to say about them. The appeal to the inherent semantic characteristics of knowledge becomes focused on its immanent forms of expression. And this appeal directs this focus onto taking into account the socio-cultural contexts of knowledge only through the prism of language as a means of communication in the culture of the scientific community and, above all, through its sign nature. Knowledge here is seen as a social and cultural phenomenon as knowledge of the world expressed in language, that is of something that is neither society nor culture. Language sets in its stylistic features the semantic specifics of knowledge as such, as a particular social and cultural phenomenon, above all, as a sign of the world. A “sign not only points to something, but it also expresses something about that something. This statement is the meaning of the sign, which introduces the indicated object or circumstances into the general order of things and events. Thus, the indication of something by this sign is transformed from the occasional into the necessary as arising from the meaning of this sign. This meaning is beyond the sign situation. It connects the act of indication with the system of linguistic meanings and makes this act semantically eligible” (Ibid.).

From this brief and incomplete list it follows that meaning pervades and permeates all areas of psychology, and

we psychologists can if not say (after Acmeists the poets): We are *smysloviki*¹, but acknowledge that we are longing for meaning. We would like in the least to be ironic about it. On the contrary, having a bird's-eye view of the history of psychology, it is good to know that it is gradually moving from such major words as "association", "Gestalt", "set", "operation", "behaviour", "activity" to the word "meaning".

A.N. Leontiev once gave an operational definition, or rather a characteristic of meaning as the relationship of the motif to the target. One of the first attempts to measure this relationship was made by P.I. Zinchenko (1961). In the 1940s while studying memory he varied the force of motif and the richness of content, or the meaningfulness of mnemonic tasks. The results were quite significant: a strong motivation and a meaningless task provide the same low memory performance as a poor motivation combined with a meaningful task. There are tests that measure purpose-in-life orientations (D.A. Leontiev). But this is hardly anything compared with the demonstrated breadth of using the cultural concept of "meaning". We shall address options of metaphoric concretization of this concept and some psychological phenomena associated with them.

* * *

The metaphor of the abyss of meaning. This not too optimistic metaphor belongs to E. Husserl. "Between the meanings of consciousness and reality yawns a veritable abyss" (1952). Al-

though the metaphor is almost 100 years old, we can not say that this gap has been overcome or filled. It may not still be as hopeless, especially if we believe Osip Mandelstam:

*It is the prophet's sight that with soles
Has trodden a path in the void.*

Scientists too have managed to tread such paths. Psychologists are only gradually managing to fill the semantic abysses between stimuli and responses, knowledge and action, affect and intellect, education and development, consciousness and activities. Success in this area is determined by how far they move away from the mechanistically and statistically interpreted determinism and how closely they approach the understanding of the phenomenon (the concept) of freedom. Freedom that obeys internal or its own meanings and impulses. Compared to the *abyss of meaning* the image of *the world of human meanings* sounds more optimistic, which, like any other world, is inexhaustible. A "light" version of the metaphor of the abyss is a well-known *semantic barrier* that arises in solving a problem, in communication between people, etc.

The metaphor of the semiosphere belongs to Yu.M. Lotman. He differentiated the semiosphere from the noosphere of V.I. Vernadsky, which has material-spatial existence. The semiosphere, (although it has a sign or a sign communicative act as its primary element), is – according to Lotman – abstract. He understood the semiosphere

¹ From the Russian word "mysl" ("meaning").

as not only a set of signs or texts (seen as building bricks), but as “the semiotic space, outside of which semiosis cannot exist” (Lotman, 2005). The semiosphere is structurally homogeneous, it has its limits that are the areas of enhanced formation of meaning. Structural nuclei on the periphery of the semiosphere can move to its center, and the ones that were in the center can relocate to the periphery. “The internal diversity of the semiosphere implies its integrity. Parts enter the whole not as mechanistic details, but as organs in organisms” (Ibid.). Further we will again come across reflections on the organic existence of meaning. It is also important that connections between the parts of the semiosphere are complex and characterized by a high degree of de-automatization, hence, are unpredictable. Finally, Lotman’s conclusion: dialogue is the basis of all meaning-making processes.

The history of education and science has been accompanied by the search for methods of compressing meaning, of designing schemas, of “abbreviating knowledge” (Hegel). The semiosphere is one of the possible images of such compression, reminiscent of *globus intellectualis* by Leibniz. L.S. Vygotsky too had his own version of “semantic globe”. The geographical metaphor helped him understand the mutual semantic methodological dependence of concepts. The *longitude* of concept was used to denote the space occupied by the latter between the poles of a very specific thought and of a highly abstract thought on the subject. The *latitude* was the place occupied by the concept among other concepts of the same longitude, but relating to other points of reality. Longitude and

latitude of the concept together give an idea of the concept from the standpoint of an act of thought contained in it and an object presented in them (Vygotsky, 1982b, p. 274). The location (node) of the concept defined by its longitude and latitude, characterizes both the measure of generality of the concept and its meaning.

We shall note that the considered spatial metaphors of meaning (the abyss, the barrier, the world, the semiosphere) provide its objective existence. Despite the temptation, we would be in no hurry to identify spatial and “network” metaphors (that are considered further) with the Internet. These images of meaning are true for all times and perfectly emphasize the mystery of meaning and should serve as a starting point for those who dare touch it. From spatial metaphors we shall move to forms of the existence of meaning.

The metaphor of the web of meanings belongs to Max Weber: “man is an animal suspended in webs of significance he himself has spun” (spun out of his own existence, we should add, and this complies with the statement of G. Shpet on meaning being rooted in the existence). Meaning is so rooted in the existence that (from the point of view of M.M. Bakhtin) it even generates it and moves forward life and existence. This is not a contradiction between the views of G.G. Shpet and M.M. Bakhtin. It is only appropriate to discuss existence and meaning (consciousness) not as two separate things (entities) but as a single continuum (M.K. Mamardashvili). The same applies to a favourite issue of psychologists: the relationship of consciousness and activity. In fact, consciousness is full of activity, and

activity has meaning, is concentrated on and is conscious. Another question is to what extent and how they interpenetrate into each other. Is the unity of consciousness and activity, long dreamt of by psychologists, possible? It is important that their isolated existence is impossible. Both S.L. Rubinstein and A.N. Leontiev understood that.

But we shall get back to the metaphor of Weber. If to read it literally, the question arises: how does the meaning represented as a spider's web move anything? After all, the web itself, likewise the meaning, fluctuates, trembles and vibrates. What do these vibrations resonate with? We shall recall that N.A. Bernstein to describe the living movement and, of course, regardless of Max Weber, used the same metaphor of the web (in the wind). This metaphor is also reminiscent of a "hovering action" by Novalis. The research by N.A. Bernstein showed that each movement is unique as a fingerprint; the exercise is a repetition without repetition; the movement is not repeated but each time is constructed. The dispersion between movements of the same type cannot be eliminated, and when they are superimposed on each other, they really look like a spider web. So, one and the same purpose is achieved in different ways (paths) and all of them can be equally effective. But the prerequisite for effectiveness is (according to N.A. Bernstein) the presence of the meaning of the motor task. The physiologist and biomechanic postulated the need for meaning, without specifying "what it looks like."

Images (kinesthetic and visual) that regulate the implementation of movements and actions can also be repre-

sented as a web in the wind. The visual image in a way hovers, soars, breathes, changes and vibrates. Its formation, no less than the construction of movements, is subordinate to the meaning of the perceptual task. With the experience in solving motor tasks accumulating the space becomes functional, the motor, or action, field is formed. When the experience in solving perceptual tasks accumulates, the optical space becomes phenomenal, or semantic. In the words of W. Koehler, the person ceases to be a slave of the visual field and goes beyond it. This is possible due to the free intention (K. Lewin), that is thought, plan, and, perhaps, intent.

Not only motor skills and perception can move. Emotions are sole and unique in every individual case (Vy-gotsky, 1982a, p. 94). Equally mobile are processes of recognition and memory with its inevitable reconstructions during reproducing. Experience shows that thought can move too. The postulate of beaten paths (routes) in the nervous system being rigid is well in the past. About 70 years ago Bernstein suggested that neural processes that provide perception and action occur as non-localizable qualitative dynamisms. Neuroscientists use an analogy similar to the web claiming that the dendritic network of a living organism moves as tree branches in a light breeze. As a result we have most precise movements and actions only because of the mobility and excess of degrees of freedom inherent to semantic, motor, perceptual (cognitive, in the broadest sense of the word), affective and nervous systems. Movements and actions being both powerful and the lightest, full of grace, beauty and meaning. Another thing is that so far we still replace our lack of

understanding of the mechanisms of this miracle with symbols (for example, “soaring, soulful flight”), or with words (“the order out of chaos”, “synergy”, “resonance”, “heterogenesis”, etc). But gradually, with each new vibrating web the secret of constructing action is becoming more tangible. And the key role of the “web of the meaning in integrating all the mechanisms of construction and regulation of acts of behaviour and activity is becoming more apparent too. It would be no exaggeration to say that from the beginning the meaning is present in the biodynamic and sensual tissue of living motion and image. After all, meaning is the unknown quantity. It would be more accurate to say that living motion is a meaning in a search for self. That comprises the main difference between the mechanical motion and the living motion. And it creates and defines all other differences (Gordeeva, 1995). But the found meaning in its pure form is elusive. It immediately transforms into an operational, perceptual, and then a verbal meaning, into the meaning of acts of behaviour and activity happening now. It does not disappear in them but is hidden under their cover causing a problem for those who want to understand such acts.

Studying the processes of extracting or making sense is a serious problem for cognitive psychology too. Spinoza once said that memory is an intellecting searching for self. When the microarray analysis of short-term visual memory was performed using an artificial experimental procedure, a functional unit of semantic information processing was found located after the sensory register, iconic memory, the scanning unit... Further studies have shown that with the improvement of the system of infor-

mation processing in relation to a particular substantive content, the unit of semantic processing is mysteriously moved into the first place and begins to guide the work of the entire system. The latter transforms from a mnemonic into an intellectual one.

The metaphor of the circulatory system of meaning belongs to G.G. Shpet, in whose works the notion of “meaning” was dominant. He never tired of emphasizing the dynamic aspect of semantic system. G.G. Shpet, like L.S. Vygotsky, associated the word with the mind and thought. The word is likened to the organism (cf. with N.A. Bernstein’s metaphor: motion as a living creature), and meaning acquires an organic existence in the word structure. The metaphor of meaning as the filling of the circulatory system may well compete with Max Weber’s metaphor discussed above. Both metaphors are very productive and complement each another. If one is allowed to fantasize a little, one can wonder about how the web of objective meanings created by humanity transforms and fills the semantic circulatory system of the spiritual organism of an individual. How does the “external” meaning become an internal meaning or an individual’s own meaning? How do both semantic systems communicate, interact and enrich each other? How does the perceptive field become a field of meaning and so on. The circulatory system of meaning can become clogged or sclerotized. The metaphor opens up other possibilities for understanding too.

G.G. Shpet mentions another very important metaphor of meaning as being a *dialectical accumulator of*

thoughts. This metaphor is similar to the *transcendental drive* of Osip Mandelstam that provides a transmission (distribution) of the energy of meaning. Since every thought that is not idle is a thought about meaning, the opposite is also true: the idea is the same accumulator of meanings. It is a small distance between meanings swirling and the nuclei of the semiosphere, of which Lotman later wrote.

The metaphor of the semantic wave belongs to O. Mandelstam. Describing the inner form of the word, G.G. Shpet focuses on the dynamics of logical semantic forms. We shall illustrate this dynamics by describing how the meaning of poetic speech appears. The description was given by Osip Mandelstam who *voluntarily or involuntarily* was Shpet's associate (!). Both of them had in common not only thoughts, but their fate too. The poet died in a GULAG camp a year after G.G. Shpet was murdered. Describing Dante's instrumental poetry and distinguishing it from the external explanatory imagery, Mandelstam writes: "Semantic waves-signals disappear after performing their work: the stronger they are, the more compliant they are and less inclined to linger... The quality of poetry is dependent on the speed and determination with which it introduces its ideas-orders of performance into the non-instrumental lexical purely quantitative nature of word formation. The meaning of poetic speech is created through running across the entire width of a river cluttered with Chinese junks moving in different directions. The meaning (likewise a route) can not be recovered by asking the boatmen: they will not tell you how and why we

were jumping from one junk to another" (Mandelstam, 1987, p. 109). Elsewhere the poet says: *Light waves cut through like teeth*. Perhaps semantic and light waves are shown by the poet as metaphors of each other. Both of them have generating properties. If so, then meaning performs an instrumental function. It is a mediating means remaining, of course, a meaning, a co-thought and (like a symbol) a mystery. Although multiple commentators of great works of art devote voluminous manuscripts to the search for semantic waves-signals that underly creative work, and then are embodied and scattered in its findings, any agreement reached between them is extremely rare. Their authors are hardly aware of this:

*My words are sad. I do know that.
But you will never understand their
meaning.
I am tearing them out of my heart
So that the torments are torn out with
them.*

M. Lermontov

In statements by poets there is an idea of the primacy of meaning in arts alongside remarkable descriptions of the elusiveness of meaning, and the likening of it to *invisible waves-signals* (a kind of reduction of the wave function). As soon as we discuss the physical analogs of meaning, then, along with the waves, we should talk of quanta. This assumption is yet premature. N.D. Gordeeva, indeed, found waves and quanta in the living motion but her data indicates that the carrier of the meaning is a wave, not a quantum. Andrei Bely talked not about quanta, but of droplets of meaning.

The metaphor of the rainbow of meaning. A. Bely protested against the existence of abstract truth and insisted on its dynamic qualities: “the growth process of meaning has no pauses and is fluid; in it separate meanings are droplets; a rainbow arises from them; it is the meaning. There is either no truth, or truth is a gesture of meanings. The doctrine of the dynamic truth presupposes it as a fluid form, as *a form in motion*; the idea of *a form in motion* is a representation of the organism; the organism is a fluid diversity in the indivisible; its elements taken out of it are empty frozen forms” (Bely, 1991, p. 24). Vladimir Nabokov too wrote in his novel *The Gift* on truth as a flowing form: “The molders of opinion were incapable of understanding Hegel’s vital truth: a truth that was not stagnant, like shallow water, but flowed like blood, through the very process of cognition” (Nabokov, 1963). Once again, we are faced with the search for the mysteries of the semantic nature of creativity. It is significant that Bely speaks of the form in motion and of gestures of meanings. Earlier we mentioned the living motion as the meaning searching for itself. The same applies to substantive action, in particular to *creating action* (V. Kandinsky). In 1924 A. Tufanov when describing the aesthetics of A Real Art Association pointed out how original the representatives’ work on meaning was. Their common goal was to broaden and deepen the meaning of the object, word and action. D. Harms was focused on “not a static figure, but on a collision of a number of objects, on their relationship. At the time of action the object takes a new specific shape that is full of real meaning. The action in a new way owns a “classic” pattern

but at the same time it represents a broad attitude to the sense of the world” (Tufanov, 1982, p. 558). The same applies to the collision of verbal meanings in poetry, which (in the words of Tufanov) expresses the meaning of the object with the accuracy of mechanics (Ibid., p. 584). In the same year 1924, when his book appeared, the first studies of N.A. Bernstein were published: he was always amazed at the precision of living motion: it is carried out by a kinematic system that has a great number of redundant degrees of freedom.

The same happens with images. S. Eisenstein used the collision of images when making films to produce not only a new, but also an exact meaning. N. Zabolotsky used words for this clash (the same gesture of meanings). Harms almost personified meanings: “Wake me strong to fight *with meanings*.” It is your equal who you could fight with. I. Severyanin also personified the meaning and, without false modesty, felt his superiority over it:

*I am the nightingale, and besides the songs,
There is no other use of me.
I am so meaninglessly wonderful
That meaning bows to me!*

The metaphor of the cloud of meaning belongs to G.P. Schedrovitsky. A cloud of meaning is to be expected since we have had a wave, a droplet, and a rainbow of it. L.S. Vygotsky talks of the cloud of thought, and G.P. Schedrovitsky talks about the cloud of meaning. Vygotsky when describing the inner speech talked about the evaporation of speech into thought. Such *evaporation*, in his logic, apparently, forms a

cloud, which then *pours as a rain of words*. Schedrovitsky was inclined to identify meaning with a field of understanding in the collective mental activity in which meaning is born. *Ideal objects of thought* stand out in the total “semantic cloud” of understanding and mental work and later they are recorded in the material of sign schemes” (Schedrovitsky, 1995, p. 281). In fact, such a “semantic cloud that comprises different meanings (situational to personal and superpersonal) hovers not only over the mental, but also over all other tasks solved by man. John Updike was “enraptured by Brodsky’s gallant attempt to distil a precious meaning from life’s experience.” The image of distilling is more accurate than the image of evaporation and it also suggests the cloud, or *an aura of meaning*.

We shall point out that some metaphors of meaning given above correspond well to each other. We can “see them how”: a cloud of meaning rises over the abyss of meaning produced by either evaporation, or distilling, that pours in droplets of the meaning. A sudden insight gives rise to the rainbow of meaning that connects edges of the abyss. The world is perceived by the individual through the personal web of meanings spun by him or her. Everything happens as shown in the picture *Fuji through the Cobwebs* by Hokusai. The artist showed the perception of the sacred mountain using cobwebs whether as a symbol of semantic sphere of the observer, or as a symbol of spiritual aura that enfolds Fujiyama. And perhaps both possible meanings converge in the web.

All this together can be called a collective image of the life of meaning and

its various incarnations. This dynamic collective image of meaning is consistent with its fluid, dynamic nature.

The metaphor of the meaning as a plant belongs to A. Bely. Although he formulated it in the context of the meaning of knowledge, it is directly related to the mystery of creation: “The doctrine of the dynamic truth changes our understanding of thought: the meanings of truth are plants; the doctrine of the static truth is similar to the attitude to grain: the grain of truth given as a concept is prematurely consumed by us; if we had planted it, it would have sprouted as a many-grained ear; the grains of the ear would have germinated in a stalk; the stalk would have produced a field; the selfless attitude to the truth multiplies the circle of its life; it is defined not by the grain but through a plurality of grains. The truth A is not in the grain but in the rhythm of ripening grains...” (Bely, 1991, p. 24).

C.G. Jung shared the metaphor of a plant as he likened the work *in statu nascendi* to a living being; to a tree drinking from the soil the fluids needed; to a baby in the womb; to the autonomous complex of soul, etc. At the core of the idea of a work of art there is a primal word, a primal image, or an archetype to which Jung attributes elemental forces. Sometimes he identifies these structures with the *suprapersonal meaning*, which may transcend the artist and his ability to think and feel. Jung understands the symbol as a possibility of a wider, higher meaning beyond our immediate perceptual ability and as a hint of it (Jung, 1992, pp. 108–120). N.L. Muskhelishvili and Yu.A. Shreyder developed a

similar hypothesis of the plant image, “the image as an organizer” (in the biological sense) (1998). But unlike A. Bely and Jung, the authors, following Vygotsky, endow these images with a sense but not a meaning.

The metaphor of a path and of a search for a vertical horizon. As to the metaphor of meaning as of a way, its orientation and direction, it is widespread, as they say, “in the words of the people.” But to this metaphor should be added the indispensable requirement of M. Bakhtin. The search for the meaning of life can be effective only when my unique place in existence is recognized: “The meaning of existence, for which my only place in the existence is not recognized as essential, will never be able to understand me and that is not the meaning of existence-consciousness” (Bakhtin, 2003b, p. 13).

An amazingly accurate image of searching for a vertical horizon belongs to Brodsky. The poet once uttered that life was a sum of small movements. If the word “life” is replaced with an almost equivalent to it word “meaning”, we can say that meaning is a sum of small movements. The movements seeking meaning and the movements fulfilling the found meaning. Movements of the soul are no exception. Living motion is remarkable in that it is characterized not only by moving in space and time but also by enduring, the feeling of own (including generating) activity. Living motion is a creative movement that designs its own space, time and meaning (an active chronotope in the terminology of A.A. Ukh-

tomsky and M.M. Bakhtin). Living motion transcends space and time with the found meaning and takes these harsh definitions of existence into possession. Brodsky noticed a remarkable feature of living motion:

*while pacing my way along the surface,
I use the altimeter of pride...*

and this is how his I finds its vertical horizon. The found meaning becomes a vertical dimension of psychological time, and, respectively, of existence. Some called it the fourth dimension, some – the fifth dimension of existence. Although it should be called the first. Again, the act of discovering or finding, or falling into understanding (Mamardashvili) of meaning remains mysterious. So mysterious that T.S. Eliot associates it with “a moment not out of time.” But this is a moment of time, “what we call history.” These moments create time that is named a personal history or biography: “My soul is but a moment’s gleam...”², said Marina Tsvetaeva. “En lui rendant un instant manifeste” (moments becoming revelations) (Rilke).

The metaphor of the face of meaning belongs to M.M. Bakhtin. Like the previous one it is closely linked to the future: “My definition of myself is given to me (or rather, is given as a givenness, a given givenness) not in terms of temporal being, but in terms of not-yet-being, in terms of purpose and meaning, in semantic future that is hostile to any presence of mine in the past and in the present. To be for oneself

²Translated by Andrey Kneller.

means yet to appear to oneself (to stop appearing in front of self and to come to being everything present means spiritual death)" (Bakhtin, 2003a, p. 194). Bakhtin insists on pushing meaning into the future: "The world of my semantic future is foreign to the world of my past and present <...> I (in my meaning and in my value for myself) am thrown into the world of the infinitely demanding meaning" (Ibid.). The face of meaning is a meaning that opposes existence and appears in front of him. If the inner existence opposes itself to meaning as a value in itself and becomes self-prevailing and self-sufficient in the face of meaning, this brings existence into a profound contradiction with itself, in self-denial; it becomes a lie: the existence of lies or the lie of existence (Ibid., p. 195).

Without going further into M. Bakhtin's doctrine of meaning we can say that the main message is in the need to develop a dominant of the soul towards the face of meaning. Bakhtin identifies meaning and spirit. And according to A.A. Ukhtomsky, one of the main dominants of the soul is the focus on spirit. Another imperative of Ukhtomsky is the dominant towards the face of another. Combining the views of the two thinkers (Ukhtomsky and Bakhtin), we can say that from the moment both the face of another person and the face of meaning are revealed (and sometimes they are identical), the person for the first time deserves to be talked about as a persona.

* * *

We do not seek to exhaust all the metaphors of meaning. It is just as difficult as to exhaust all available interpre-

tations of the concept of meaning. And it is not necessary. To exhaust concepts and metaphors of meaning means to murder the latter. For "the spoken word is the mortal flesh of the meaning" (Ibid., p. 202). It is animated by a living metaphor. Therefore a metaphorical aspect is an inherent feature of any verbal thought including scientific thought and not only the poetical one.

Along metaphors mentioned above (soft, vivid, transparent) there are also hard, tough metaphors, for example, the semantic core, the semantic framework, semantic construct, the aforementioned semantic barrier, semantic foundation that deserve a separate discussion. We shall dwell only on one type of the metaphors. It is a metaphor of meaning as a rock that was despised by builders though it should become the cornerstone (L.S. Vygotsky put practice and philosophy as the cornerstone). For Acmeists the conscious meaning of word, the Logos, is as beautiful a form, as music to symbolists (as Mandelstam put it). For him, meaning acted as poetic matter; D.A. Leontiev talks about the semantic tissue (another "soft" metaphor), which he puts on a par with the biodynamic and sensual tissue. Mandelstam spoke about Acmeists: "... We introduce the Gothic into the relationships of words, like Johann Sebastian Bach established it in music." The poet recalls Vladimir Solovyov who cared for the "mute eloquence of granite boulders" and gives his understanding of the known lines by Tyutchev: "But Tyutchev's rock (that "The boulder that rolled down the mountain to lie in the valley, Did it impel itself, or did another cast it?") is the word. In this unexpected fall physical matter's voice sounds like articulate

speech... Acmeists gratefully raise Tyutchev's mysterious rock and put it into the foundation of their building."

The rock as if yearned for another existence. It discovered an inherent capacity (as if it wanted to become part of a "vaulted arch") of an impetus to participate in a joyful interaction with its own kind" (Mandelstam, 1987, p. 169).

Should psychology follow the example of Acmeists and put the rock — the rock of meaning — into the "vaulted arch" of its building that is perpetually under construction? We hope that the world as the air of *disinterested meaning* (B. Pasternak) that is revealed in its meaningful images and metaphors will contribute to this work already in progress.

References

- Averintsev, S. S. (1979). Klassicheskaya grecheskaya filosofiya kak yavleniye istoriko-literaturnogo ryada [Classical greek philosophy as a historical and literary phenomenon]. In S. S. Averintsev (Ed.), *Novoye v sovremennoy klassicheskoy filosofii* [New in modern classical philology]. Moscow: Nauka.
- Bakhtin, M. M. (2003a). Avtor i geroi v esteticheskoi deyatelnosti [The author and the hero in aesthetic activity]. In M. M. Bakhtin, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 1). Moscow.
- Bakhtin, M. M. (2003b). K filosofii postupka [On the philosophy of deed]. In M. M. Bakhtin, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 1). Moscow.
- Bely, A. (1991). *O smysle posnaniya* [On the meaning of knowledge]. Minsk: Polifakt.
- Gordeeva, N. D. (1995). *Eksperimentalnaya psikhologiya ispolnitelnogo deistviya* [Experimental psychology of executive action]. Moscow: Trivola.
- Husserl, E. (1952). *Ideas, General introduction to pure phenomenology*. London: Allen and Unwin.
- Jung, C. G. (1992). *Fenomen dukkha v iskusstve i nauke* [The phenomenon of spirit in art and science]. Moscow: Rennans.
- Leontiev, D. A. (1999). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi realnosti* [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of the semantic reality]. Moscow: Smysl.
- Lotman, Y. (2005). On the Semiosphere. *Sign Systems Studies*, 33(1), 205–226.
- Mandelstam, O. (1987). *Slovo i kultura* [Word and culture]. Moscow: Sovetskii pisatel'.
- Muskhelishvili, L., & Schreyder, Yu. A. (1998). Znachenie teksta kak vnutrenniy obraz [The meaning of the text as an internal image]. *Voprosy Psikhologii*, 3, 79–91
- Nabokov, V. (1963). *The Gift* (1st Vintage International ed.). New York: G. P. Putnam's Sons.
- Ricoeur, P. (1990). Zhivaya metafora [Live Metaphor]. In N.D. Arutyunova (Ed.), *Teoriya metafory* [Theory of metaphor], (pp. 435–455). Moscow: Progress.
- Schedrovitsky, G. P. (1995). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Izdatel'stvo shkoly kul'turnoi politiki.
- Shpet, G. G. (1989). *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda.
- Shpet, G. G. (2007). Esteticheskiye fragmenty [Aesthetic fragments]. In G. G. Shpet, *Izbranniye trudy po filosofii kultury* [Selected works on the philosophy of culture] (Vol. 4, pp. 173–286). Moscow: ROSSPEN.

- Shreider, Yu. A. (2000). Smysl [Meaning]. In *Novaya filosofskaya entsiklopedia* [New encyclopedia of philosophy] (Vol. 3). Moscow: Mysl'.
- Stepanov, Yu. S. (2004). *Protei. Ocherki khaoticheskoi evolutsii* [Proteus. Essays on Chaotic Evolution]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Tufanov, A. (1982). Zaumi. Fonicheskaya muzyka i funktsiya soglasnykh fonem [Nonsense. Phonic music and the function of consonants]. In Z. Barański (Ed.), *Rosyjskie kerunki literackie przelom 19 i 20 wieki*. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe. (in Russian)
- Vasilyuk, F. E. (1984). *Psikhologiya perezhivaniya* [Psychology of Experience]. Moscow: Moscow University Press.
- Vygotsky, L. S. (1982a). *Sobranie sochinenii* [Coll. Op.] (Vol. 1). Moscow: Pedagogika.
- Vygotsky, L. S. (1982b). *Sobranie sochinenii* [Coll. Op.] (Vol. 2). Moscow: Pedagogika.
- Vygotsky, L. S. (1982c). *Sobranie sochinenii* [Coll. Op.] (Vol. 5). Moscow: Pedagogika.
- Vygotsky, L. S. (1996). *Psikhologiya iskusstva* [The psychology of art]. Moscow.
- Zinchenko, P. I. (1961). *Neproizvolnoye zapominaniye* [Involuntary memorization]. Moscow: Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR.
- Zinchenko, V. P. (1997). *Posokh Osipa Mandelshtama i trubka Mamardashvili. K nachalam organicheskoi psikhologii* [Osip Mandelstam' Staff and Mamardashvili's Pipe. On the origins of organic psychology]. Moscow: Novaya shkola.
- Zinchenko, V. P. (2002). *Psikhologicheskiye osnovy pedagogiki* [Psychological foundations of pedagogics]. Moscow: Gardariki.
- Zinchenko, V. P. (2006). Geterogenez mysli: podkhody L.S. Vygotskogo i G.G. Shpeta (prodolzhenie razgovora) [The heterogenesis of thought: Approaches of L.S. Vygotsky and G.G. Shpet (Conversation continued)]. In *Gustav Shpet i sovremennaya filosofiya gumanitarnogo znaniya* [Gustav Shpet and modern philosophy of human knowledge] (pp. 82–135). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Работа печатается по изданию: Зинченко, В. П. (2012). Живые метафоры смысла. В кн. Т. Г. Щедрина (ред.), *Методология психологии: проблемы и перспективы* (с. 29–50). СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Перевод и публикация материалов производились с разрешения ЦГИ Принт.

THE STUDY OF HIGHER MENTAL FUNCTIONS AND THE CATEGORY OF THE UNCONSCIOUS^{1,2}

V.P. ZINCHENKO, M.K. MAMARDASHVILI

In the early stages of the study of higher mental functions, with creative thinking being the most difficult function for analysis, using the category of the unconscious was an indispensable and perhaps the most important condition of discussing the nature of creativity. If the category of the unconscious were to be excluded from the discussion of works by F. Galton, Poincare, H. von Helmholtz and many others, there would be hardly anything left. The unconscious was ontologized and interpreted as a subjective space (the “vestibule of consciousness”), a place where images and thoughts adhere to each other, just as there is adhesion of atoms moving in space. The term “game” was often used (a game of images, a game of thoughts), and the most favourable conditions to play such a game are provided at altered states of consciousness, or when it is

played without arbitrary control and planning for success. The unconscious was seen as a source, a medium, even a focus of insights, discoveries, solutions, attitudes, motives, and so on. Deliberately or not but this interpretation of functions of the unconscious caused a depletion of the characteristics of higher mental functions. It was often the case that they received negative or meaningless characteristics, such as: “Insight occurs in short periods of time”; “an unconscious preparation of intuitive decisions is required”; “intuitive solutions are accompanied by a conscious feeling of complete confidence in the correctness of a result.” Such characteristics lead to conflicting advice on how to organize creative work: it would be good to reduce the external distractions (a solution may come in a dream); it would be good to arrange a prompt (a solution may come

¹ Translated from: Zinchenko, V. P., & Mamardashvili, M. K. (1991). The Study of the Higher Psychological Functions and the Evolution of the Category of the Unconscious. *Voprosy Filosofii*, 10, 28–40. Translated and published with a permission of the publishing house «Tsentri gumanitarnykh initsiativ».

² This article is based on the report made at the International Symposium on the Problem of the Unconscious (Tbilisi, 1979). <...>. The article can be viewed as a continuation of the authors' reflections on the related issues of philosophy and psychology of consciousness contained in another article (see Zinchenko & Mamardashvili, 1977). Some of the ideas expressed in the two articles have been developed in a recent article by V.P. Zinchenko dedicated to the memory of M.K. Mamardashvili (see Zinchenko, 1991).

in the most unexpected places, for example, in front of a cage with monkeys or in front of a burning fireplace).

In other words, the unconscious was taken quite naturalistically: there was a search for the most favourable conditions that would provide maturation or a kind of cultivation of the unconscious.

The apparent success of using the category of the unconscious to describe and interpret the creative process served as one of the grounds for further generalization of this category, and for using it to describe and interpret practically all the phenomena of the life of the psyche. It is noteworthy that despite the generally constructive nature of Freud's concept, he also largely retained the naturalistic interpretation of the unconscious. It served as a reasonable (and most often beyond awareness) basis for criticizing the concept. Moreover, Freud treated also consciousness naturalistically, for example, in processes of repression. The point is in understanding repression not as an automatic process (but this is the understanding the term provoked), but as a special activity of the psyche, even if unconscious. After all, repression is not a plunge of heavy contents into some deeper layers ("physical base"), but a special encryption of these contents, i.e. a special activity-related semiotic process. As a result of this process, in front of consciousness there are only encrypted "messages" within its phenomena, with the key to the messages to be found only in the course of psychoanalysis, because consciousness simply re-signifies a phenomenon so that it is not aware of its actual content.

But if (in the course of development of the theory and practice of psycho-

analysis) the categories of the unconscious and consciousness were made increasingly operationalized and "cultivated," they continued to be treated naturalistically in the context of studying cognitive processes, as, indeed, cognitive processes themselves. This contributed to the fact that the category of the unconscious was gradually displaced from the description of the creative process. It was replaced with other mental (and not only mental) functions and processes (such as imagination and intuition). The category of the unconscious in the description of higher mental functions was steadily decreased. The category of the unconscious started sharing the destiny of the category of consciousness. Reactology, reflexology, and behaviorism tried to oust these categories from scientific psychology together with the categories of the soul and the psyche. There have been attempts to substitute the psyche (conscious and unconscious) with the dynamics of nervous processes. The processes of decision making changed their address. They began to occur not in the space of the unconscious, but in the space of the brain or in the space of trial and error. This wave of antipsychologism was typical for psychology (especially with the advent of behaviorism and cybernetic (and more broadly speaking, technological) structures of the brain) at the turn of the 19th and 20th centuries. However, the category of the unconscious continued to exist, and not only in psychoanalysis. Despite the obvious now failure of the naturalistic interpretation of both the conscious and the unconscious (as well as the psyche in general), the category of the unconscious played (and continues to play) a

positive role in the development of psychology. Remaining *terra incognita*, existing in the subconscious of modern scientific psychology, it acted as an opposition to antipsychologism. For a long time it had supplied building material for constructing the building of psychological science. Moreover, the presence of the category and phenomena of the unconscious served and continues to serve as a reliable protection not only from the most extreme forms of reductionism in psychology, but also from its lightweight forms. The category of the unconscious is a barrier to any forms of reducing the mental. But it is not just about the “safety” features of the category of the unconscious.

There is no doubt that psychological ideas of Freudianism and neo-Freudianism impacted on the development of research into higher mental functions. We do not set ourselves the task of an overall evaluation of these ideas, but we shall mention only a few of the provisions in aspects that interest us. And they lie in the fact that Freud, in an attempt to explain the behaviour and activities of the individual as something integral, came to the thesis of a three-tier structure of the psyche. Hence, in particular, it was indicated that the activity and the psyche cannot be represented linearly, in the same plane. In accordance with the idea of a complex, tiered structure of the psyche in the Freudian tradition, a universal unit of study was rejected and it was proposed to build a certain taxonomy of such units so that a unit type corresponded to each of the levels.

These ideas are more or less completely presented in any modern research development of higher mental functions. But finding them there is no

easy task. To solve it, it is necessary to conduct a kind of psychoanalytic course (or an experiment) on psychological science itself, during which these repressed (or rather, encrypted) ideas may be deciphered. The results of such activity-related semiotic study of the problem will be much better if specialists in both studies of higher mental functions and of the field of the unconscious take part in this course.

A very important archetype of psychological thought manifested in the Freudian distinction between the conscious and the unconscious, according to which the psyche had a tier structure. Despite the fact that for the first time this archetype had already been clearly articulated by Aristotle, its primarily Freudian conceptual content affected the development of the whole of psychology.

Traces of the dichotomy of “conscious – unconscious” are found in oppositions widely used in modern psychology (“outer – inner”, “involuntary – arbitrary”, “non-reflexive – reflexive”). The idea of interiorization (as well as currently common hierarchical models of cognitive processes) is associated with Freudian ideas about the tiered structure of the life of the psyche. Of course, the substantive content and the conceptual content of these conceptual schemes differ. However, these differences are not absolute, and the similarities (which will be discussed below) are not limited to formal features.

Contemporary conceptions of mental activity, its nature, its general tiered structure, and operating content have become richer and fuller since Freud's times. Nevertheless, the attitude of not only early but modern studies of higher

mental functions to the problem of the unconscious could be defined as an urge to actively repress it. It is not appropriate to mention the unconscious in the respectable society of psychophysicists and psychophysiologists, as well as those psychologists who are mathematically, physiologically and linguistically oriented. Experts in cognitive psychology also use the term "unconscious" only in the historical and theoretical context. But the issue of the unconscious (as the unconscious itself) is tenacious and vindictive. The bashful silence about it either causes antipsychologism (and, correspondingly, diverse forms of reductionism) or brings us back to earlier attempts of ontologization and naturalistic interpretation of the unconscious (with the terms being certainly appropriately encrypted). The latter is found in modern cognitive psychology, with the structure of higher mental functions being described in terms of block models. While it concerned the analysis and the work of potential (functional) blocks, cognitive psychology did not face serious difficulties that appeared when it became necessary to explain the mechanism of their synthesis. The fact is that the time scale of their operation is such that the mind cannot cope with the task of coordinating them. But one could not go back to the category of the unconscious. So demons and homunculi came to help (D. Norman, F. Attneave et al.) or, at the opposite pole, did physico-chemical (and genetic-code) structures of the brain (a reduction to which seems a desirable and distant dream for J. Piaget's genetic epistemology and even for the cultural anthropology such as Levi Strauss's). But the latest attempt of description

cannot, paradoxically, be limited to the assumption of the same demons or Ampere's 'little men' floating in the channels of the structures synthesis.

The question arises: would it be better to replace the tactics of removing the problem or its encrypted expressions with a *strategy* of its explication, and then of solving it? In order to fully learn from the fact that it is the resistance of the unconscious that most clearly reveals the irreducibility of the field of consciousness and the psyche in general, it is necessary to overcome the unconscious in scientific research. We think that for that purpose a sufficient arsenal of means has been accumulated in modern psychological science: if not to solve the problem of the unconscious, then to set this task correctly. Naturally, though, perhaps surprisingly, it is consciousness (not the unconscious) that will constitute here the problem *par excellence*.

We have already said that with the problem of explaining the mechanisms of synthesizing, for example, block models (or even machine-modulated technological structures of thought), we are dealing with the categories (of time, space, level, hierarchy of levels, the whole etc.), the dimensionality of which does not coincide with the dimensions of the act of conscious coordination of the relevant processes and block models (the former either greatly exceeds the latter, or, in its microscopic characteristics, remains below the threshold of its distinctions). For example, in the opinion of specialists in the causes of aviation accidents, in difficult flight conditions man and machine appear as if out of time, and this is what gives a chance for salvation (we mean the time of consciously con-

trolled decisions and actions), but where is this salvation happening? Or in such cases we should assume at least a dual countdown: of the real, situational (physical) time and of the time that flows in the space of activity (not objects). It could be called supra-situational. And the both axes of time must be precisely coordinated — but by whom? Does this act of coordination have a subject? Here the loss of self-control of the subject is a visible condition (withdrawing of the self from the situation, and, therefore, not only of the time of objects, but also of the time of subjects). Thus, we find ourselves here in front of a free action or a free phenomenon. And as the ancient people said, a free man does not make mistakes. At the same time, only here we are for the first time in the field of very special events as part of the cosmos, namely, of actually psychological phenomena, which are acts but not facts (in this case, the very concept of “fact” should be reconsidered in psychological science). Otherwise, the assumption of these phenomena would be superfluous, redundant in the total physical organization of the cosmos. And no one would think of describing such acts in terms of a controlled act (that is also being constructed by the conscious presence of the individual subject and his or her will). The terms “blocks”, “operation”, “functional organs”, “organs of individuality”, “installation units” (and as the ultimate representation — a “spiritual body”) and the categories of “space”, “time”, “whole” and “life” cannot be used here.

It means a simple and yet terribly difficult thing to digest. Just as we have a hard time when mastering the idea of relativity in physics, it is difficult, due

to the phantasms of our everyday I-centered language and to habits of our psychologized culture, to learn, to pull out into the daylight and justify the idea that we actually operate with distinguishing within consciousness itself of two kinds of phenomena: 1) phenomena that are controlled and deployed by consciousness and will (and in this sense they are ideal-constructive), and 2) phenomena and relationships that operate in consciousness but are implicit in relation to it and are uncontrollable by it (and in this sense they cannot be controlled by the subject and generally speaking are subjectless). We shall point out that we are talking of the distinction within consciousness, rather than of objects affecting it from the external world or the physical and chemical processes occurring in the brain (which, in the phenomenological sense, too, is an object of the external world to consciousness). The idea is that something *in consciousness too* has existential (and amenable to objective analysis) features in relation to consciousness in the sense of an individual psychological reality. The degree and extent of manifestation (or, if you will, action) of existence in consciousness is inversely proportional to the degree and extent of its reflection of its own, sealed by the I, act of activity and its objects in the world. It is clear that the concepts of “physical action”, “objective” (independent from consciousness), “outer”, “pseudo-law”, “spatial”, etc. should be reviewed (and enlarged) in this concern.

In the study of human reality, and in the development of its conceptual apparatus it should be especially borne in mind that man is not a fact, like existing facts of nature, but it is an

action. We insist on the concept of the act also because in modern psychology, as well as in modern psychoanalysis, such categories as “communication” and the “word” are put forward as an opposition to the categories of “activity” and “instrument”, with the focus on tracing in one’s own life some self-existent reality that is not separable by means of physical examination (external supervision) from seeing the conscious life and meaning. One might recall the old debate about what was in the beginning: the Word or the Deed? But the solution of this dispute can be also sought in the distinction between the instrument, on the one hand, and the word (sign), on the other. According to M. Bakhtin, the instrument, unlike the sign, has an assignment but not a signification. In other words, with regard to “word – reality” we are talking about assigning the category of symbol as a thing that is different from the sign. And, apparently, both the nature of the sign and the polysemy of language are associated with the potential multifunctionality of symbols-instruments that construct reality in various forms of activity-related acts.

Returning to the specific (technical) meaning of the term “unconscious” as used by Freud, we can say that the experience of psychoanalysis is important because it introduced (based on the particular case of the age “libidinal” phenomena) into a range of scientific objective examination of phenomena of the psyche of the kind that we have just discussed, the quasi-physical objects and relations in consciousness that form latent and uncontrolled mechanisms and processes that are not random-conscious in the classic sense of the word.

The greatness of Freud was in his interpreting the unconscious as timeless and metapsychic that in many ways (at the level of the method and specific plastics of the analyzed examples) neutralized his own naturalistic prejudices of a positive scientist of the 19th century. Ontologization of the unconscious, treating it as some kind of a really existing profound layer of the psyche, a kind of “Pandora’s Box” happened much later as a product of the vulgarization of psychoanalysis.

A similar but more recent product is, by the way, the vulgarization of the theory of attitude and set by Uznadze that made the latter almost unrecognizable and certainly disparate to psychoanalysis, although (only) in the metapsychic approach to the phenomena of the life of the psyche there is something in common between them (and not in referring to the selection and content of psychological phenomena studied in the context of these theories). In fact, guided by deep philosophical motives, Uznadze was interested primarily in a special category of events: acts of adequate behaviour that is not an appropriate adaptation to the situation (or to the “medium”) and is unparsed in terms of goal-setting, choice of means of rational organization of their relationship, etc. He applied analytical concepts of the “whole”, “set”, “personal unity”, “central modification of personality”, etc. to facts of achieving this kind of adequacy regarding them as manifestations of a deep existential or ontological rather than psychological level. Therefore, the “set” could not be a mental phenomenon for him or, even more, a manifestation of the “mentally unconscious.” To him the mental quality could be attributed only

to the material, which could be used to experimentally record invasions or “emergencies” of this existential and ontological level, and he believed (and saw in this a discovery of his) that he had found such empirical, experimentally observed phenomena of the life of the psyche with which by an experimentally controlled manner real results of the activity could be traced, the latter being neither psychological nor mental. He seemed to aim at “catching” metaphysics using physics (in the sense of its quite real consequences for human beings and, above all, for the higher forms of their conduct, or higher mental functions).

Getting back to the free action, we shall now use the term “consciousness” for these timeless states of being dissolved in the subject (not objective) topologically meaningful reality, thus understanding consciousness as not a phenomenon represented in the inner psychological, I-shielded reality. Only in this way we can monitor and record really higher mental functions and states i.e. self-existent manifestations of life (or, as they used to say before, of the “Invisible”, or “Superior”), non-constructible sequences in a continuously traced action. In the historical experience known to mankind such things were revealed and observed in various forms of meditation, in psychotechnically arranged re-awakenings or changes of consciousness. We would like to complete the argument with the circumstance that all these “emergencies” and “actual geneses” of free phenomena are always associated with matter and symbolic constructions, with installations of things. For further development of research in the field of higher mental functions it is from this

point of view that achievements of psychoanalysis in studying the particular case of the life of this kind of items are important (the example being completely real, somatically organized phantasms, significant physical phenomena, organs of desires, etc.). This is quite comparable to the interpretation of movements, attitudes, images, ideas as functional organs of individuality developed in modern experimental psychology, where each act performed by a relevant organ is unique, i.e. creative. Only in the case of the unconscious, which is the subject of psychoanalysis, are we dealing with unfortunate “machines” of this kind that leave stagnant traces of their failed adhesions in mental life, the traces re-signified by the empirical consciousness and therefore pathogenic. Conversely, the psychoanalytic cure is in the work within the communication between a patient and a doctor (and only within this communion!) on restructuring of such mechanisms, on bringing them in motion and collision, the collision being capable of freeing frozen, re-signified, digressed, not-experienced and unrealized potentialities.

We shall point out that when describing organs of individuation modern experimental psychology has long been really faced with the inversion of phenomena of causality (retarded, anticipatory, full), with heterogeneity of units of analyzing phenomena of the life of the psyche and with polyphonicity and heterarchy (rather than hierarchy) of its organization. We shall not talk about these phenomena in modern physics that learned from the experience of psychoanalysis, apparently, before experimental psychology.

The timelessness of the “unconscious” in situations critical for man is

similar to the timelessness of creativity, insights and discoveries that have the dissolution of the subject in the “phenomenon of freedom” as an essential condition for them to happen, that is, in the renouncing of his own empirical subjectivity and the suspension in himself of spontaneous action of cultural and symbolic authentication of psychism. If we are not mistaken, P. Florensky spoke of how important the intense spiritual experience of love is for creativity. Within true love it is typical to reject oneself for the sake of the state of love because only through this state some other reality and a true infinity of conscious experience can be revealed. In this sense, such organs of individuality as desire, love, etc. are in a way unnatural, or rather, strictly human. This is even more true in regard to the state of mind that, first and foremost, should be seen as a manifestation of the existential power (energy) of Consciousness.

But this implies (especially in terms of confronting psychoanalysis and the problem of creativity), a different understanding of the sense and meaning of what happens in the act of psychoanalysis: not in relation to any alleged subject of research (called the “unconscious”), but as empirically occurring (or not occurring) acts of the study or research itself.

For example, the argument about the role of memory in the creative thinking processes can be carried out by contradiction. It is no doubt that the entire work of M. Proust was aimed at not finding some forgotten object (or meaning) but at creating it so that to remember it (or: for it to be remembered). Intuitively it is clear that the process of forgetting is opposite to the

process of restoring memory content (and also to creativity). For a long time forgetting was interpreted as the result of spontaneous extinction (disintegration) of memory traces. Then the point of view appeared according to which forgetting was the result of the memory traces interfering. Currently the evidence is being accumulated that forgetting occurs both under the influence of extinction and under the influence of interference. Packing lost time (by Proust) into real installations that are alien to its meaning is a clear case of interference. The emphasis on the role of the latter means introducing the element of activity into features of the process of forgetting. The analysis of the above mentioned process of repression as a form of forgetting plays an important role in understanding the mechanisms of forgetting (which, of course, implies not a naturalistic interpretation of the process of repression). As we have said, the main point is to understand repression not as an automatic process but as a special activity of the psyche aimed at semiotic re-signifying. And it is essential that the encrypted message yet affects the subject. It can be recovered by repeating the context, in case of super-motivation or in extreme conditions (which include, for example, the reduction of the familiar world in sensory isolation conditions), etc. Psychoanalysis is a special case of the recovery and decryption of repressed “messages”. Psychoanalysis demonstrates the ability of a reverse effect of repressed events on the conscious.

Therefore, forgetting (and especially repression) as being opposite to creativity should not be primitively understood: “I’ve forgotten it so I have nothing to say.” In certain situations

and conditions, for various reasons, apparently, most original productive ideas and images can, too, be repressed and are repressed. It is this assumption that lies in the basis of steady interest by various schools of psychoanalysis in the analysis of the creative process and of attempts to stimulate it by using psychoanalytic methods for extracting and decrypting repressed messages. However, an important fact is not taken into account here. The psychoanalytic session really helps realize a certain sphere of the unconscious and helps find a lost key to decrypt re-signified phenomena. But their (perhaps quite plausible) operation takes place in the form that is defined by therapeutic purposes, and turns out to be practical and prosaic. Moreover, the repressed and explicated, offered to the subject by a psychoanalyst, ruins his or her focus on the problem situation that is necessary for creativity. It acquires an impersonal and stereotyped form. This demonstrates the illegitimacy of psychoanalysis claiming to have disclosed mechanisms of creativity and to have developed methods of its stimulation. Psychoanalysis is therefore counter-indicative to creativity and is not so much a means of stimulating it, but a means of suppressing it by trite and prosaic interpretation of hidden intentions and motives for creativity and, finally, by the imposing on a subject an often imaginary certainty that is allegedly typical for his or her condition. This determines the necessity of the patient's faith in psychoanalysis. As a result of a skillfully conducted psychoanalytical session there is no "element of understatement" left, which is an inherent property of significant works of art and of significant scientific

discoveries. Apparently, it was not incidental that great artists were afraid to seek the help of psychoanalysts and tried to get out of crisis states of mind by themselves. They felt that psychoanalysis was a kind of surgical intervention into the soul, an intervention that, in terms of further creative life, may cost too much. Let alone the fact that the assimilation of creative activity to auto-psychoanalysis, or, as psychoanalysts put it, the "wild psychoanalysis" is too big a stretch.

Nevertheless, there are elements of resemblance between psychoanalysis and creativity, and it may be heuristically useful for psychological analysis of creative activity to discover them. Let us examine this in more detail.

In many descriptions of the creative process, there is evidence of the important role of external prompts that make it possible to find the desired image or idea. But by its very nature a prompt may also be internal, related to the previous experience of the subject. The contents of this process could be presented as opposite of what is observed in repression and forgetting. If as a result of repression there are only encrypted messages left in the human mind (the key to which is found only in the course of a special form of analysis), then, with the use of memories as prompts, the work of consciousness is aimed at establishing a possible connection between them and a problem model of the situation, as well as at deciphering its semantic content.

The difficulty of scientific analysis of this phenomenon consists in the fact that, just as in the case of repression, the process of deciphering a "message" is not always available to introspection. Even in cases where there is only a difference

in the form of representing a problematic model of the situation and a prompt, with a possibility, respectively, of making a decision by analogy, the act of identifying two methods of representation can cause serious problems. That is why the decision-making process remains hidden from introspection and

is characterized by the above mentioned external formal characteristics (instantaneous insight, etc.). On the surface there are the result and the belief in it being correct (cf. with the statement of Carl F. Gauss: "I have had my results for a long time; but I do not yet know how I am to arrive at them").

Zinchenko, V. P. (1991). *Miry soznaniya i struktura soznaniya* [Worlds of consciousness and the structure of consciousness]. *Voprosy Filosofii*, 2.

Zinchenko, V. P., & Mamardashvili, M. K. (1977). *Problema obektivnogo metoda v psikhologii* [The problem of the objective method in psychology]. *Voprosy Filosofii*, 7.

Работа печатается по изданию: Зинченко, В. П., Мамардашвили, М. К. (1991). Изучение высших психических функций и категория бессознательно-го. *Вопросы философии*, 10, 28–40.

Перевод и публикация материалов производились с разрешения ЦГИ Принт.

Статьи

МЕТОД ОЦЕНКИ ПРИВЯЗАННОСТИ К ДОМУ

С.И. РЕЗНИЧЕНКО^а, С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР^б, В.Б. КУЗНЕЦОВА^с

^а ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 127051, Россия, Москва, ул. Сретенка, 29

^б Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

^с ФГБУ НИИ физиологии и фундаментальной медицины СО РАМН, 630117, Россия, Новосибирск, ул. Тимакова, 4

Резюме

Аргументируется высокая актуальность изучения привязанности человека к дому как междисциплинарного и многослойного феномена, отражающего реципрокность отношений человека и среды его жизнедеятельности и имеющего регуляторный и валеологический смысл для личности. Подробно проанализирована проблематика феномена привязанности к дому, который представляет собой частный вариант привязанности к месту, обсуждены многоуровневость понятия дома как объекта функциональной, эмоциональной и символической привязанности, рассмотрены основные структурные компоненты, формирующие его, такие как идентификация с местом, чувство места, зависимость от места. Изложены методологические предпосылки и процесс создания опросника Привязанности к дому, описаны его концептуальная, эмпирическая и факторная модели. Приведены процедура и результаты пилотного исследования ($N = 287$, $M_{\text{возр}} = 21.5$, $SD_{\text{возр}} = 9.2$) по валидации опросника (факторного анализа, внутренней согласованности), дана описательная статистика. Представлены результаты основного исследования, цель которого заключалась в анализе конструктивной валидности опросника. Валидизация включала проверку наличия корреляционных связей между привязанностью к дому и уровнем функциональности домашней среды. Описан анализ возрастной специфики (были определены три возрастные группы — юноши, представители ранней и средней взрослости). С возрастом взаимосвязи между привязанностью к дому и его функциональностью нарастают. Кроме того, они модулируются и полом: привязанность к дому у женщин связана с защищенностью и возможностью саморазвития в домашней среде, а у мужчин — с удобством и комфортом жилища. В заключение дискутируются возможности, ограничения и перспективы использования авторского опросника.

Ключевые слова: экологическая психология, привязанность к дому, опросник, функциональность, конвергентная валидность, возрастная и гендерная специфика.

В контексте субъектно-средовой проблематики широко известен феномен привязанности к месту (place attachment). Этот концепт интерпарадигмален и связан с широким кругом научных дисциплин, таких как социальная психология, социология, экология, антропология и общественная (гуманитарная) география. Согласно Д. Уильямсу, привязанность к месту является «системой смыслов, верований, символов, ценностей и чувств», ассоциированных у человека или группы людей с тем или иным местом (Williams, Stewart, 1998, p. 19).

Понятие привязанности к месту трактуется очень широко и разнородно:

- как осознанный характер отношений человека к окружающей среде в целом, в частности, к сообществу, культуре, природе, техносфере, где привязанность — результат «эмоциональных, когнитивных, социальных, культурных и поведенческих процессов и факторов» (Pruneau et al., 1999, p. 27);

- как пространство, наполненное индивидуальным смыслом, который появляется в ходе длительного взаимодействия, узнавания и сигнификации человеком места (Tuan, 1977);

- как эмоциональное отношение человека к местной природе и ландшафту (Inglis, 2008);

- как ориентирующий и направляющий жизнь структурный элемент иерархии человеческих ценностей, которая зависит от значений, культурных и этических норм, заданных в пространстве (в первую очередь, конечно, социальном) (Broudehoux, 2001);

- как один из ключевых факторов, отражающих индивидуальность, наряду с жизненным опытом и личностным развитием (Bow, Buys, 2003);

- как генетически заложенная глубокая связь с природой привычной для нас местности (в терминологии гарвардского биолога Э. Вилсона — биофилия). Или же, наоборот, биофобия, заключающаяся в отвращении к природе и стремлении жить в высокотехнологичной и цивилизованной среде (Ort, 1994, p. 39).

Под «местом» чаще всего понимается реальная или воссозданная в памяти человека территориальная единица — страна, район, зона рекреации, например, парк или же дом. Хотя «место», как правило, подразумевает географическое пространство, оно пронизано индивидуальными смыслами для человека, которые возникают только при условии взаимодействия и жизнедеятельности в этом месте (Kaltenborn, Bjerke, 2002). Кажется удивительным, но привязанность к месту практически не изучалась в психологии домашней среды, хотя очевидно, что дом для человека является первичным бытийным пространством и значительным потенциальным объектом привязанности к месту, местом, где чаще всего возникает субъект-средовое взаимодействие — главное условие формирования привязанности к месту. Тема дома является архетипическим предметом интерпретаций, что подтверждается огромным количеством примеров из литературы и кинематографа, где дом — это олицетворение умиротворения, истории,

уклада жизни и уюта (Нартова-Бочавер, 2016).

Дом как объект привязанности

Дом как жилище, характеризуемое своим предметно-пространственным содержанием и архитектурой, — это материальный ресурс для утоления базовых потребностей человека во сне, безопасности, отдыхе, комфорте. При этом привязанность к нему может поддерживаться мерой его функциональности. Взгляд на жилую среду как на источник функциональных возможностей, облегчающих повседневную деятельность, типичен для гуманитарной географии, где «место» (средовой объект привязанности) интерпретируется как физический объект с его пространственно-содержательной организацией и функциональными характеристиками. В составе привязанности к месту традиционно выделяют *функциональную привязанность*, или *феномен зависимости от места* (place dependence). Д. Стоколс и С. Шумахер определяют ее так: «воспринимаемая обитателем сила связи между ним и местом... двунаправленный процесс, в ходе которого человек оценивает качество и комфортность текущего места и относительное качество сопоставимых мест» (Stokols, Shumaker, 1981, p. 447). Функциональная привязанность к дому связана с деятельностью субъекта в домашней среде и степенью функциональности среды, соответствия ее условий потребностям человека, например, в отдыхе или саморазвитии и т.п. Функциональная привязанность к дому ориентирована на цели и потребности

человека. Прежде всего, имеются в виду потребности в выполнении определенных видов деятельности, например, возможности воспитания детей в домашних условиях или проведения досуга или возможности заниматься спортом, хобби, работать дома и другие функциональные возможности домашней среды, обеспечивающие обитателю чувство комфорта, удобства и стабильности. Функциональная привязанность к дому находится в тесной связи с поведением и стилем жизни человека: очевидно, что наличие/отсутствие определенных условий в среде диктует хабитуальность, привычки, ритуалы и образ жизни человека в целом (Нартова-Бочавер, 2006; Резниченко, 2014).

Дом как объект *эмоционально-смысловой привязанности* и идентификации включает чувства, воспоминания, ассоциации, события истории жизни обитателя, связанные с образом дома, и таит в себе удовлетворение потребностей экзистенциального порядка — в хранении семейной истории, социальных интеракциях, самопрезентации, персонализации и многом другом. (Резниченко, 2013б). Природа привязанности к дому есть феномен, конструируемый в ходе взаимодействия человека с домом, а значит, динамичный, поскольку для людей важно не само жилище как территориальный или материальный объект, а то, какие личностные смыслы оно в себе несет для формирования и поддержания личностной или групповой идентичности и личностных смыслов (Rodman, 2003).

Эмоционально-смысловой характер привязанности к месту типичен

для исследователей в области средовой психологии, где «место» – дом, образовательное учреждение, парк или любой другой средовой объект – это отражение внутренних установок, предпочтений, ценностей. Эмоционально-смысловая привязанность может быть оформлена в самостоятельный компонент в структуре мотивационной основы привязанности к дому и определяется как сложный конгломерат раздумий и чувств по поводу конкретных физических параметров домашней среды и их соответствия личностным смыслам и жизненным целям ее обитателя. Вариантом проявления эмоционально-смысловой привязанности является идентификация со средовым объектом привязанности (*place identity*) – позитивный процесс, при котором среда жизнедеятельности является личностным элементом «образа Я» любого человека. В отличие от функциональной привязанности к дому эмоционально-смысловая связь с домом может поддерживаться глубоко субъективными когнитивными факторами и быть иррациональной. Например, человек может любить свой дом (как может показаться окружающим – одинокий, пустой, неудобный и обветшалый) просто потому, что это место напоминает ему о времени, проведенном с родителями, о семейных вечерах и т.п. Процесс идентификации с домом сильно связан с воспоминаниями детства, анализом жизненных событий, произошедших в жилой среде во взрослом возрасте, с общественной оценкой качества жилой среды (например, «дом, где живут порядочные люди»), с символическим наполнением дома (насле-

дие, традиции, ритуалы), с характеристиками социального капитала (оформленность соседских отношений, устойчивость социальных норм и правил или уровень доверия между людьми) (Johnson, 1998).

Необходимо отметить, что традиционно выделяемые формы привязанности к дому – функциональная и эмоционально-смысловая – условно могут быть самостоятельными явлениями. Так, например, удовлетворенность функциональными характеристиками домашней среды и выбор ее как оптимального плацдарма для определенных видов деятельности не означают, что человек привязан к дому. Функциональная и эмоционально-смысловая привязанность вообще весьма условны и не имеют четких границ; это реципрокные и тесно взаимодействующие конструкты, эмпирически сложно отделимые друг от друга.

Проявления привязанности, описанные авторами, также разнообразны, симптоматичны и не интегрированы в единую модель. Наиболее часто к «признакам» привязанности к дому или другой среде жизнедеятельности относят позитивное отношение к месту, легкость в ориентировании и узнавании в среде, а также обширные знания об истории, традициях, культуре, природе предмета привязанности, частое посещение, активное участие в общественной жизни и развитое эгоцентрическое сознание; стремление человека сгенифицировать среду, опредмечивая ее значимость через рассказы, записи, изображения на открытках. Отмечается, что привязанность к месту сопровождается экологическим поведением (*pro-environmental*

behavior) человека в среде и стремлением к сохранению статус-кво места проживания. Это также справедливо и в отношении домашней среды (Meesters, 2009).

Индивидуальными предикторами привязанности к дому могут быть возраст, образование, длительность проживания, символическая значимость и ассоциативная связь, экологичность сознания (Jorgensen, Stedman, 2006), установки на ценность семейных связей, преемственности и истории поколений (Hou et al., 2005), жизненный опыт (Inglis, 2008), участие в местном самоуправлении (например, в рамках деятельности ТСЖ) (Драганова и др., 2002) и др.

Итак, на наш взгляд, позитивное отношение человека к его дому может быть описано при помощи феномена привязанности к дому – переживания того, что дом со всеми его предметно-пространственными, социальными и психологическими особенностями оценивается как близкий и родной, поддерживающий целостность и аутентичность, комфортный и функциональный, как цель возвращения и тыл. Привязанность к дому – сложный комплекс позитивных чувств и переживаний по отношению к дому как к лично значимому месту (в символическом, функциональном, эмоциональном планах), влияющий на поведение и ценности, направляющий жизнь, поддерживающий психологическое благополучие человека. Важно иметь инструмент изучения степени удовлетворенности домашней средой проживания, привязанности или отчужденности от дома. За рубежом привязанность к месту и тем более к дому как само-

стоятельный конструкт изучается редко, чаще – при помощи интервью в технике «лестница», проективных методов или символического анализа, что является крайне трудоемким и сложным процессом для объективной категоризации результатов.

Мы поставили перед собой задачу разработать шкальный метод оценки привязанности к дому.

Методологические предпосылки создания опросника

Анализ методических инструментов обнаружил, что методики, непосредственно измеряющие степень привязанности к дому, отсутствуют. Между тем имеются теоретические научные установки на рассмотрение привязанности к дому как варианта феномена привязанности к месту. Феномен привязанности к дому в целом имеет сходие с привязанностью к месту свойства, механизмы и мотивационные основы формирования, хотя может иметь свою специфику или структуру. Например, факторы социальной или поселенческой идентичности могут иметь значительно меньший или больший контрибуционный потенциал в формировании привязанности к дому, чем к городу, парку или другому месту, поскольку социальные интеракции и капитал в каждом из этих территориальных единиц имеют свои особенности.

Создание опросника предварял анализ немногочисленных методик, измеряющих привязанность к месту и разработанных в русле гуманитарной географии и рекреационной психологии. Общей особенностью методик является то, что они базируются

на интегральных идеях антропоцентризма, биоцентризма и экоцентризма и психологии среды и изучают привязанность к крупным территориальным единицам – району, местной природе, общественным местам рекреации.

Одной из таких методик является Шкала рекреационных предпочтений (Recreational Attachment Scale), измеряющая три мотивационных фактора, формирующих у людей стремление посещать определенное место рекреации снова и снова: 1) *средовой* – общая удовлетворенность местом и его физическими качествами вне оценки его функционального или смыслового значения для человека; 2) *деятельностный* – оценка места как оптимального для занятия определенными видами деятельности; 3) *социальный* – вовлеченность и удовлетворенность социальной жизнью и отношениями, бытующими в месте. Подобная факторная структура может в большей степени объяснить, насколько предпочтительна предметно-пространственная организация места или его функциональность, т.е. функциональный компонент привязанности, и в меньшей степени – значимость эмоционально-смыслового компонента привязанности (Williams et al., 1992).

Прототипом шкалы привязанности к дому стал опросник «Привязанность к месту», созданный Джуди Инглиз на основе Шкалы рекреационных предпочтений. Опросник изучает меру привязанности к определенному природному объекту (национальный парк, река, озеро) в категориях «родное/чужое»,

«близкое/вызывающее отчуждение». В соответствии с концептуальной основой автора и проведенной эмпирической верификацией структуры опросника он имеет пятифакторную структуру: 1) шкала зависимости от места (Place Dependence Factor), описывающая удовлетворенность человека степенью соответствия функциональности среды имеющимся потребностям в определенных видах деятельности, в том числе отдыхе; 2) шкала идентификации с местом (Place Identity Factor); 3) шкала отсутствия привязанности (отчужденности) (No Attachment Factor); 4) шкала восприятия исключительности места (Site Dependent Factor), описывающая восприятие функциональных возможностей места в дихотомии универсальное/уникальное; 5) шкала социальной привязанности или социальной принадлежности к местному сообществу (Community Identity and Commitment Factor). Заметим, что только три шкалы из пяти имеют хорошие значения надежности и самосогласованности. А, например, шкалы 4 и 5 были выделены автором априорно и содержат лишь один пункт, что затрудняет оценку репрезентативности шкалы. Сопряженный с возрастным или гендерным факторами сравнительный анализ показателей привязанности к месту автором не приводится.

Резюмируя, отметим, что факторная структура конструкта привязанности к месту неоднозначна, число факторов варьируется в зависимости от априорных концептуальных установок авторов и особенностей популяции.

Пилотное исследование: определение содержания и структуры опросника

При разработке банка утверждений для нашего опросника мы модифицировали пункты теста Дж. Инглиз, переставив акценты с места вообще на дом (например: «Я чувствую, что мой дом — это часть меня»). Степень согласия с утверждениями оценивалась по 5-балльной шкале Лайкерта. В пилотном исследовании приняли участие 287 респондентов (30% мужского пола) в возрасте от 11 до 63 лет ($M_{\text{возр}} = 21.5$, $SD_{\text{возр}} = 9.2$).

В силу того, что конструкт привязанности к месту многослойный, сложно определяемый и эмпирически неоднозначно описанный, мы не ставили перед собой цель воспроизвести исходную факторную структуру опросника и психометрические особенности. Структура опросника Привязанности к дому изучалась при помощи эксплораторного факторного анализа матрицы корреляций ответов на отдельные вопросы по методу главных компонент с вращением Varimax. Предварительный анализ показал, что, согласно тесту КМО (0.91) и тесту Бартлетта ($p < 0.001$), размер и идентичность выборки адекватны данному анализу. Факторный анализ шкалы показал, что, согласно критерию Кайзера (собственные значения > 1), выделяются четыре фактора, в то же время тест «каменистой осыпи» (scree plot), демонстрирующий собственные значения факторов, полученных в результате анализа главных компонент до вращения матрицы, указал на однофакторное

решение (см. таблицу 1). Кроме того, множественный анализ соответствий (Multiple Correspondence Analysis, МСА) — метод, который, не накладывая никаких ограничений на данные, позволяет получить четкое представление об их структуре (Abdi, Valentin, 2007), показал, что однофакторная модель имела наивысшую альфу Кронбаха ($\alpha = 0.93$), в то время как модели с возрастающим числом факторов от двух до четырех отчетливо снижали индекс внутренней согласованности (альфа была равна 0.88, 0.71, 0.67 соответственно). Мы проверили две модели, четырехфакторную, основанную на теоретических предпосылках, и однофакторную, основанную на результатах МСА, при помощи конфирматорного факторного анализа. Одним из критериев точного соответствия является показатель $CMIN/DF$, представляющий собой нормализованный χ^2 . Значения $CMIN/DF$ ниже 3 указывают на удовлетворительное соответствие модели эмпирическим данным (Arbuckle, Worthke, 1999). Также использовались сравнительный индекс соответствия (CFI), инкрементный индекс соответствия (IFI) и квадратный корень ошибки приближения (RMSEA). Значения CFI и IFI выше 0.90 и RMSEA ниже 0.08 указывают на хорошее соответствие модели. Информационный критерий Акаике (AIC) используется для проверки как статистической доброкачественности соответствия (goodness of fit), так и числа параметров, которые должны быть приняты во внимание для достижения этого уровня соответствия при наложении ограничения на возрастание числа параметров.

Чем ниже значение этого критерия, тем более предпочтительна модель (Ibid.).

Из таблицы 1 видно, что значения факторных нагрузок в четырехфакторной модели опросника не соответствуют принятым стандартам.

Во вторую модель были включены все семнадцать переменных, составляющих шкалу опросника и выделенных на основе эксплораторного факторного анализа. Для улучшения индексов соответствия модели были приняты во внимание индексы модификации, которые показали, что она может быть улучшена путем добавления одной ковариации ошибок: между пятым и девятым пунктом. Полученная в процессе модификации модель обладала хорошим соответствием эмпирическим данным, согласно индексам относительного соответствия, и, следовательно, наиболее адекватно соответствовала структуре опросника. Надежность шкалы опросника определяли с помощью коэффициента внутренней согласованности альфа Кронбаха. Внутренняя согласованность (коэффициент альфа Кронбаха) была высокой — 0.77, однако если удалить три вопроса (Q13, Q14, Q15), которые грузились

отрицательно по отношению к данной шкале, то альфа возрастала до 0.89, поэтому было принято решение полностью удалить эти пункты из дальнейшего анализа.

Таким образом, опросник Привязанности к дому включает 14 прямых вопросов и описывается одной шкалой, которая отражает общий уровень привязанности человека к его дому (см. Приложение).

Мы предполагаем, что редукция факторной структуры опросника (по сравнению со структурой опросников, определенных нами в качестве исходных) связана, прежде всего, с выбором в качестве предмета анализа отношения к дому, а не к общественным городским территориальным единицам.

Кроме того, искажение факторной структуры могло возникнуть как проявление этнических особенностей выбранной популяции. Идентификация с домом и удовлетворенность функциональностью дома (в терминологии Дж. Инглиз и других экологических психологов — «зависимость от места») стали возможны только в последние несколько десятилетий в силу расширения возможностей украсить, сигнифицировать и персонализировать свой дом в

Таблица 1

Индексы соответствия моделей структуры опросника по результатам конфирматорного анализа

Модель	χ^2	df	CMIN/df	RMSEA	IFI	CFI	AIC
Модель 1 (4 фактора)	572.0*	10	52.2	0.443	-3.55	0.000	572.0
Модель 2 (1 фактор)	445.5*	119	3.7	0.098	0.844	0.842	547.5
Модель 2а (1 фактор), модифицированная	387.5*	118	3.2	0.089	0.872	0.871	454.5

* $p < 0.001$.

соответствии со вкусами его обитателя, хотя до сих пор имеет место ряд бюрократических (например, ограничения БТИ по перепланировке квартиры, отдельные пункты градостроительного кодекса относительно украшения балконов, фасадов зданий) и социальных препон (посягательство на частное имущество и жизнь и т.п.), препятствующих независимому и ориентированному на собственные предпочтения выбору и моделированию облика частного жилища. Стоит учитывать и прямую зависимость индивидуализации дома от финансового и рыночного факторов: к сожалению, в России проектирование индивидуального жилого пространства доступно в основном только людям с хорошим достатком и в крупных городах. Мы предполагаем, что по этим же причинам восприятие исключительности дома как фактор привязанности не был подтвержден. Наконец, нивелирование в процессе факторного анализа шкалы социальной привязанности к дому, с нашей точки зрения, особенно типично для российского населения, особенно жителей мегаполиса с высокой ценностью приватности,

стремящихся жить в своих домах отстраненно и закрыто, вне личностных контактов с соседями, не ориентируясь на интересы и предложения локального домашнего сообщества.

Мы предполагаем, что опросник привязанности к месту может иметь многомерную структуру, надежность и валидность его эмпирической модели как целостного конструкта экспериментально хорошо подтверждаются.

Гипотеза об отличии распределения от нормального проверялась с помощью критерия Колмогорова–Смирнова. Статистически значимых отклонений от нормального распределения обнаружено не было. По массиву данных были получены следующие показатели мер центральной тенденции (см. таблицу 2).

Анализ репрезентативности опросника также включал сравнение данных возрастных и гендерных групп. В качестве сравниваемых из общей выборки ($N = 168$) были выделены две группы респондентов, различающиеся по гендерному признаку (89 женщин и 79 мужчин). Кроме того, достаточный объем выборки позволил выделить три группы респондентов,

Таблица 2

Описательная статистика опросника «Привязанность к дому» (14 пунктов)

Показатели	Значения по выборке
Среднее	3.73
Медиана	3.80
Стандартное отклонение	0.66
Асимметрия	-0.26
Экспесс	-0.49
Z-критерий Колмогорова–Смирнова	0.06
Асимптотическое значение	0.05

распределенных по возрасту. Первая группа — юноши и девушки от 17 до 20 лет ($N = 46$, $M_{\text{возр}} = 19.5$, $SD_{\text{возр}} = 0.56$); вторая — молодые люди 21–29 лет ($N = 42$, $M_{\text{возр}} = 23.2$, $SD_{\text{возр}} = 2.22$); третью группу составили люди от 30 до 50 лет ($N = 42$, $M_{\text{возр}} = 37.5$, $SD_{\text{возр}} = 5.67$).

Сравнительный анализ при помощи непараметрического критерия Манна–Уитни в сравниваемых группах показал слабозначимые гендерные различия ($U = -2.06$; $p < 0.05$) показателей привязанности с тенденцией к их увеличению в женской подвыборке: у женщин показатели привязанности к дому выше, чем у мужчин. Похожие результаты были получены и в исследованиях других авторов, а главным обоснованием такой тенденции является тот факт, что женщины, будучи вовлеченными в домашнее хозяйство и в обустройство домашнего быта, в принципе проводят больше времени в стенах дома, чем мужчины. В свою очередь, продолжительность и теснота взаимодействия с домашней средой формируют сильную привязанность (Rollero, De Piccoli, 2010). Проведенный дисперсионный анализ также демонстрирует статистически значимую взаимосвязь между полом ($F = 6.85$; $p = 0.10$) и уровнем привязанности.

Значимых различий в показателях привязанности к дому у представителей ранней, средней и поздней зрелости ($H = 0.27$; $p = 0.87$), сравниваемых с помощью критерия Н Крускала–Уоллиса, обнаружено не было. По результатам дисперсионного анализа можно говорить о том, что вариативность показателей привязанности к домашней среде в различных возрастах также не высока ($F = 0.04$; $p = 0.95$). Из определения

привязанности ясно, что уровень привязанности не может являться универсальным показателем. Вероятно, уровень привязанности к дому гораздо сильнее связан с субъективными индивидуальными факторами (например, жизнестойкостью или уровнем психологического благополучия), чем с возрастом. В то время как наличие/отсутствие различных функций домашней среды (например, функциональность, возможность персонализации, удовлетворение базовых потребностей) может вносить разный вклад в мотивационную основу усиления или ослабления привязанности в зависимости от возраста (Резниченко, 2015).

Основное исследование: определение конструктивной валидности и взаимосвязи с другими показателями

Целью основного исследования было проверить конвергентную валидность опросника путем корреляционного анализа связи между показателем привязанности к дому и авторским опросником «Функциональность домашней среды» (Нартова-Бочавер и др., 2015). Вкратце опишем последнюю методику. Опросник содержит 55 конструкторов-утверждений, связанных с разноуровневыми функциями жилой среды, в которых нуждается человек (например, возможность хранить вещи, возможность динамической активности, возможность уединения и т.п.), оцениваемыми по 7-балльной порядковой шкале. Факторная структура опросника содержит 4 шкалы: 1) шкала Прагматичность (базовые функции дома, которые облегчают

повседневную деятельность человека); 2) шкала Развитие (характеристики дома, отвечающие за развитие человека, снабжение сенсорной, когнитивной и социальной информацией); 3) шкала Стабильность (потенциал домашней среды в обеспечении стабильности, чувства комфорта); 4) шкала Защищенность (ресурсность домашней среды в обеспечении безопасного взаимодействия с социальным миром). Опросник прошел необходимые этапы валидизации (факторное подтверждение структуры, оценку валидности и надежности) и стандартизации. Опросник можно применять в реальной и идеальной модальности (описание функций реального либо идеального дома), что обеспечивается альтернативными установками, предлагаемыми в инструкции. В нашем исследовании мы выбрали в качестве предмета изучения функциональность реального образа дома.

Нас интересовало, каким образом привязанность к дому у мужчин и у женщин, а также у людей разного возраста связана с функциональностью актуальной домашней среды, т.е. какие функции дома оказываются наиболее значимыми для возникновения и поддержания комплекса позитивных чувств и переживаний по отношению к нему.

Сравнительный анализ выделенных групп строился на предположении о том, что взаимосвязи между функциональностью домашней среды и привязанностью к дому чувствительны к гендерному и возрастному факторам. Несмотря на то что непосредственное влияние пола и возраста на силу привязанности не изучалось, есть внушительное коли-

чество отечественных и зарубежных исследований в смежных областях, демонстрирующих, что, например, мужчины и женщины по-разному оценивают пространство жизнедеятельности, а сама домашняя среда для женщин представляет более богатый ресурс позитивного функционирования, чем для мужчин (Дмитриева, 2013; Резниченко, 2013а). Также известно, что образ жилища в разных возрастах различен и меняется в зависимости от домашнего быта, уклада жизни, семейного статуса, вида деятельности или ценностных ориентаций личности (Meesters, 2009). Так, например, предполагается, что у детей и подростков привязанность к дому неустойчива и относительно слаба, поскольку у них еще не сформировались механизмы построения и поддержания личностной идентичности, недостаточно персонального опыта, чтобы оценить незаменимость, ценность и важность дома (Manzo, 2005).

Для достижения цели в рамках основного исследования на прежде выделенных группах (2 группы (N = 168), сформированные по гендерному признаку, и три разновозрастных группы — юность (N = 46), ранняя (N = 42) и средняя взрослость (N = 42)) мы предприняли корреляционный анализ показателей шкалы Привязанности к дому и опросника Функциональности домашней среды. Напомним, что опросник Функциональности домашней среды включает четыре шкалы (Прагматичность, Развитие, Стабильность, Защищенность), однако мы включили в анализ еще одну переменную — общий показатель

функциональности (ФДС), который складывается из значений остальных четырех показателей.

Подсчет коэффициента корреляции Ч. Спирмена подтвердил наличие значимых ($p \leq 0.001$) положительных связей между привязанностью и всеми функциональными характеристиками домашней среды (см. таблицу 3). Наиболее сильно привязанность к дому связана с общим показателем Функциональности домашней среды, а наименее сильно — с функцией Защищенности.

Чтобы проверить возрастную и гендерную специфику взаимосвязей между привязанностью к дому и функциональностью домашней среды, мы предприняли корреляционный анализ уже измеренных по всей выборке показателей Привязанности к дому и Функциональности, но в определенных нами ранее группах.

Корреляционный анализ в разновозрастных подгруппах демонстрирует, что в период юности (17–20 лет) переживание привязанности к дому менее сильно связано с функциональными характеристиками дома, чем на этапах ранней (21–30 лет) и средней зрелости (31–55 лет) (Бодалев, Реан, 2002). Между тем

особенно сильные связи между функциональными характеристиками домашней среды и привязанностью к дому возникают в период средней зрелости (см. рисунок 1).

Привязанность к дому в юности имеет статистически высоко достоверные положительные взаимосвязи ($p \leq 0.01$) с обеспечением Стабильности ($r_s = 0.58$) и условиями для Развития ($r_s = 0.53$) в домашней среде, а также с ее Функциональностью в целом (ФДС) ($r_s = 0.45$, $p \leq 0.05$). При этом Прагматичность и обеспечение чувства Защищенности не оказывают значимого влияния на переживание привязанности к дому. На этапе ранней зрелости Привязанность к дому наиболее тесно положительно связана ($p \leq 0.001$) с общим уровнем Функциональности ($r_s = 0.71$) и Прагматичностью ($r_s = 0.70$), в то время как функция обеспечения Защищенности ($r_s = 0.63$), Развивающий потенциал ($r_s = 0.60$) и Стабильность ($r_s = 0.57$) домашней среды являются умеренными положительными коррелятами ($p \leq 0.01$) Привязанности к дому.

Наконец, в старшей возрастной подгруппе (31–50 лет) обнаружены статистически высоко значимые ($p \leq 0.001$)

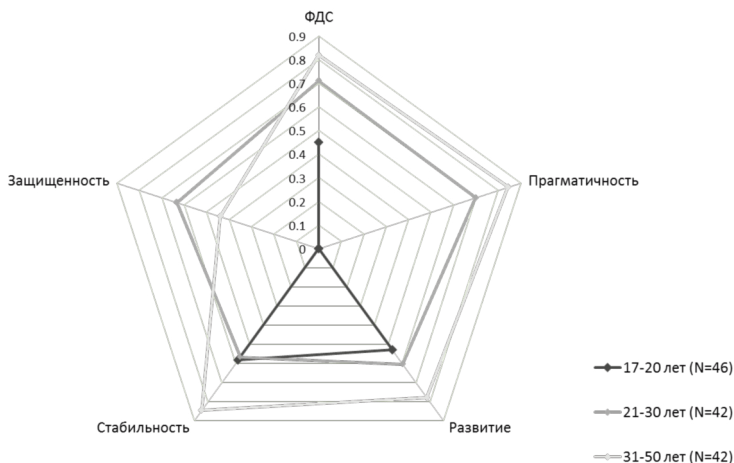
Таблица 3

Связь показателя привязанности с переменными функциональности домашней среды (характеристиками домашней среды) ($N = 168$; $p \leq 0.001$)

Характеристики домашней среды	Показатели связи
ФДС	0.56
Прагматичность	0.52
Развитие	0.51
Стабильность	0.52
Защищенность	0.45

Рисунок 1

**Возрастная специфика взаимосвязей между показателями привязанности
и функциональности домашней среды**

тесные положительные отношения между Привязанностью и Стабильностью ($r_s = 0.85$), Прагматичностью ($r_s = 0.84$), общим показателем Функциональности (ФДС) ($r_s = 0.82$) и возможностью Развития ($r_s = 0.78$) в домашней среде. В свою очередь, функция обеспечения чувства Защищенности в пределах домашнего пространства имеет слабую взаимосвязь ($r_s = 0.44$, $p \leq 0.05$) с переживанием Привязанность к дому.

Действительно, возрастной тренд отражает тот факт, что с возрастом функциональные характеристики домашней среды оказывают большее влияние на переживание привязанности к дому.

Мы предполагаем, что возрастная специфика мотивационных основ привязанности может быть обусловлена характерным для каждого возрастного периода своеобразием стиля и ритма жизни, ценностей, интересов и потребностей. Так,

например, эпоха студенчества связана с резким расширением пространств жизнедеятельности и автономизацией от родного дома и его обитателей в целом: появляются возможности проживать или проводить большую часть времени в других местах (в общежитиях, в стенах университета, на студенческих посиделках и квартирниках). Разнообразие мест, их функциональных характеристик и форм проведения культурного, развлекательного и образовательного досуга вкупе с относительно слабой обремененностью домашними и семейными обязательствами в юношеском возрасте может временно ослаблять значимость функциональных характеристик домашней среды для поддержания привязанности к дому. Вместе с тем логично, что в этот возрастной период наиболее значимыми оказываются возможности развития и саморазвития в домашней среде, поскольку

учебно-профессиональная деятельность наиболее актуальна.

Усиление взаимосвязи между привязанностью к дому и функциями домашней среды в периоды ранней и старшей взрослости связано с изменением семейной ситуации, появлением детей, увеличением зоны ответственности и обязательств, выполнение которых может быть оптимизировано за счет возможностей среды проживания.

Подсчет в женской и мужской подгруппе показал, что привязанность к дому у мужчин и женщин образует существенную положительную взаимосвязь ($p \leq 0.01$) со всеми функциональными характеристиками домашней среды, однако у женщин в целом эти связи оказываются более слабыми, чем у мужчин (см. рисунок 2). Актуальный уровень привязанности в женской подгруппе наиболее сильно связан с обеспечением Защищенности и возможностью Развития в домашней среде. У мужчин привязанность к месту наиболее сильно взаимосвязана с Прагма-

тичностью домашней среды, а функция обеспечения Защищенности является наименее сильным коррелятом, чем в женской подгруппе.

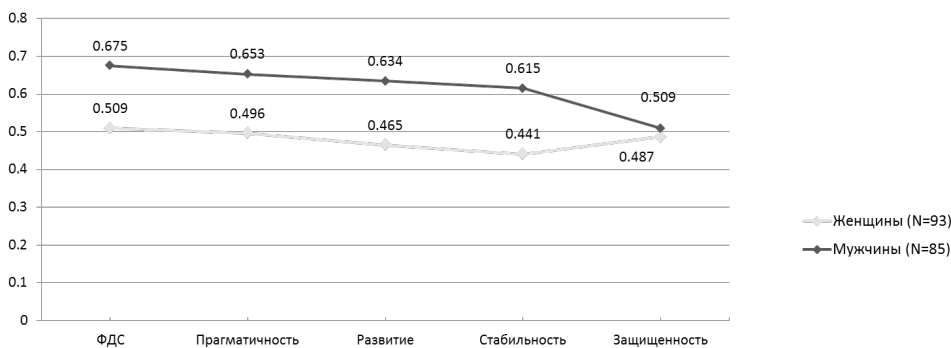
Возможно, меньшее разнообразие коррелятов внутри женской подгруппы обусловлено тем, что на уровень привязанности у женщин больше влияют иные характеристики дома (например, возможности заботы о семье или получения признания от домочадцев, условия для поддержания эмоционально позитивной атмосферы в доме), не включенные в факторную структуру опросника Функциональности домашней среды.

Заключение

В условиях экстенсификации социальной мобильности и миграционных процессов, ослабления территориальной и социокультурной идентичности у местных сообществ изучение привязанности к месту (к дому) имеет важное значение в теоретическом и прикладном плане. Инструментальное изучение привязанности к дому,

Рисунок 2

Гендерная специфика взаимосвязей между показателями привязанности и функциональности домашней среды в разновозрастных группах (при уровне значимости $p \leq 0.01$)

определяющее переживания субъекта, связанные с его жилищем, не только имеет принципиальное значение в оценке меры дружелюбности среды и удовлетворенности жизнедеятельностью в ней, но и может быть одним из косвенных показателей, предопределяющих уровень психологического благополучия личности. На сегодняшний день опросник Привязанности к дому является единственным по своему содержанию и предмету изучения, измеряющим привязанность человека к жилой среде. Опросник является достаточно надежным инструментом, хотя и требует более детальной верификации на объемных выборках. Например, необходимы более тщательный анализ причин слабой чувствительности конструкта привязанности к дому к возрастному фактору, а также оценка содержательной

валидности. Также требуется оценка надежности опросника, поскольку переживание привязанности к дому как эмоциональное отношение может иметь ситуативный характер. Разработанный опросник не выявляет релевантность мотивационных основ привязанности к дому, а измеряет силу значимости дома для его обитателя.

Отличаясь лаконичностью и простотой анализа данных, опросник может стать полезным дополнительным инструментом для исследователей в области психологии домашней среды, архитектуры и социальных наук. Опросник позволяет изучить, каким образом объектные, т.е. средовые, характеристики домашней среды влияют на субъективное отношение к дому и, наоборот, как привязанность к дому сказывается на позитивном функционировании личности.

Литература

- Бодалев А. А., Реан А. А. (2002). Акмеологический подход к периодизации возрастного развития человека: основные характеристики человека в период средней зрелости. В кн. А. А. Деркач (ред.), *Акмеология* (с. 206–209). М.: Изд-во РАГС.
- Дмитриева, Н. С. (2013). Модель жизненного пространства у подростков: предпосылки и направления исследования. *Актуальные проблемы психологического знания*, 28(3), 90–99.
- Драганова, М., Староста, П., Столбов, В. (2002). Социальная идентификация жителей сельских поселений и малых городов Восточной Европы. *Социологические исследования*, 2, 52–60.
- Нартова-Бочавер, С. К. (2006). Теория приватности как направление зарубежной психологии. *Психологический журнал*, 27(5), 28–39.
- Нартова-Бочавер, С. К. (2016). Принцип дополнительности в психологии: взаимодействие дома и его обитателей. В кн. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова (ред.), *Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы* (с. 192–214). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Нартова-Бочавер, С. К., Дмитриева, Н. С., Резниченко, С. И., Кузнецова, В. Б., Брагинец, Е. И. (2015). Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды». *Психологический журнал*, 36(4), 71–83.
- Резниченко, С. И. (2013а). Механизмы привязанности к жилому пространству у детей младшего школьного возраста. *Актуальные проблемы психологического знания*, 2, 24–40.

- Резниченко, С. И. (2013б). Образ жилого пространства как социально-психологический феномен. В кн. З. И. Рябикина, В. В. Знаков (ред.), *Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского): материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с иностранным участием)* (с. 77–79). М./Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Резниченко, С. И. (2014). Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены. *Социальная психология и общество*, 3, 15–27.
- Резниченко, С. И. (2015). Влияние функциональности жилища на переживание привязанности к домашней среде. В кн. 7-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы (28–29 сентября 2015 года, Москва) (с. 374–375). М.: УМК «Психология».
- Abdi, H., & Valentin, D. (2007). Multiple correspondence analysis. In N. Salkind (Ed.), *Encyclopedia of measurement and statistics* (pp. 652–658). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc.
- Arbuckle, J. L., & Worthke, W. (1999). *Amos 4.0 User's Guide*. Chicago, IL: SmallWaters, Inc.
- Bow, V., & Buys, L. (2003). *Sense of community and place attachment: The natural environment plays a vital role in developing a sense of community*. Paper presented to Social Change in the 21st Century Conference, Centre for Social Change Research, Queensland University of Technology, Queensland, Australia.
- Broudehoux, A. M. (2001). Image making, city marketing and the anesthetization of social inequality in Rio de Janeiro. In N. AlSayyad (Ed.), *Consuming tradition, manufacturing heritage. Global norms and urban forms in the age of tourism* (pp. 273–296). London/New York: Routledge.
- Hou, J.-S., Lin, C.-H., Morais, D. B. (2005). Antecedents of attachment to a cultural tourism destination: The case of Hakka and Non-Hakka Taiwanese visitors to Pei-Pu, Taiwan. *Journal of Travel Research*, 44(2), 221–233.
- Inglis, J. (2008). *Using human-environment theory to investigate human valuing in protected area management* (Doctoral dissertation). Retrieved from <http://vuir.vu.edu.au/id/eprint/1513>
- Johnson, C. Y. (1998). A consideration of collective memory in African American attachment to wildland recreation places. *Research in Human Ecology*, 5(1), 5–15.
- Jorgensen, B. S., & Stedman, R. C. (2006). A comparative analysis of predictors of sense of place dimensions: Attachment to, dependence on, and identification with lakeshore properties. *Journal of Environmental Management*, 79(3), 316–327.
- Kaltenborn, B. P., & Bjerke, T. (2002). Associations between landscape preferences and place attachment: a study in Roros, Southern Norway. *Landscape Research*, 27(4), 381–396.
- Manzo, L. C. (2005). For better or worse: exploring multiple dimensions of place meaning. *Journal of Environmental Psychology*, 25, 67–86.
- Meesters, J. (2009). *The meaning of activities in the dwelling and residential environment: A structural approach in people-environment relations* (Sustainable Urban Areas, Vol. 27). Delft: Delft University Press.
- Orr, D. W. (1994). The coming biophilia revolution. *Earth Island Journal*, 9(2), 38–40.
- Pruneau, D., Chouinard, O., Arsenault, C. & Breau, N. (1999). An intergenerational education project aiming at the improvement of people's relationship with their environment. *International Research in Geographical and Environmental Education*, 8(1), 26–39.
- Rodman, M. C. (2003). Empowering place: multilocality and multivocality. Locating culture. In S. M. Low, D. Lawrence-Zúñiga (Eds.), *The anthropology of space and place* (pp. 204–223). Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
- Rollero, C., & De Piccoli, N. (2010). Does place attachment affect social well-being? *Revue Européenne de Psychologie Appliquée/European Review of Applied Psychology*, 60(4), 233–238.

- Stokols, D., & Shumaker, S. A. (1981). People in places: A transactional view of settings. In J. Harvey (Ed.), *Cognition, social behaviour, and the environment* (pp. 441–488). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
- Tuan, Y. F. (1977). *Space and place: The perspective of experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Williams, D., Patterson, M. E., Roggenbuck, J. W., & Watson, A. E. (1992). Beyond the commodity metaphor: Examining emotional and symbolic attachment to place. *Leisure Science*, 14, 29–46.
- Williams, D., & Stewart, S. I. (1998). Sense of place: An elusive concept that is finding a home in ecosystem management. *Journal of Forestry*, 96(5), 18–23.

Приложение

Опросник привязанности к дому

Данный опросник позволит изучить отношение людей к своему жилью в целом и к его содержанию в частности.

Опросник не предполагает верных и неверных ответов. Пожалуйста, ответьте на каждый вопрос, основываясь на собственных чувствах. Оцените степень своего согласия/несогласия с каждым из утверждений, используя пятибалльную шкалу, где:

1 – совершенно не согласен; 2 – скорее не согласен; 3 – трудно ответить; 4 – скорее согласен; 5 – совершенно согласен.

	Мой дом	совершенно не согласен	скорее не согласен	трудно ответить	скорее согласен	совершенно согласен
		1	2	3	4	5
1	Я чувствую, что мой дом – это часть меня					
2	Мой дом – лучшее место заниматься тем, что мне нравится					
3	Мой дом – это особенное место для меня					
4	Ни одно другое место не может сравниться с моим домом					
5	Мой дом и я очень похожи друг на друга					
6	Я получаю большее удовлетворение, находясь в собственном доме, нежели в других местах					
7	Я очень привязан к своему дому					
8	То, чем я занимаюсь дома, важнее того, что я делаю в других местах					
9	Видящие мой дом могут узнать обо мне многое					

10	Занимаясь любимыми делами дома, я наслаждаюсь ими не меньше, чем если бы делал это где-то еще.					
11	Мой дом значит очень много для меня.					
12	Я бы не хотел делать в других местах то, чем занимаюсь дома					
13	По образу жизни и мировоззрению я похож(а) на тех, кто живет в моем доме					
14	Я готов(а) вкладывать силы и душу в дом, где я живу					

Резниченко София Ивановна — научный сотрудник ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: экологическая психология, субъектно-средовая психология, клиническая и специальная психология.

Контакты: sofya_292@list.ru

Нартова-Бочавер Софья Кимовна — профессор, факультет социальных наук, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук.

Сфера научных интересов: психология личности, индивидуальные различия, психология морали и справедливости, позитивная психология, экологическая психология.

Контакты: s-nartova@yandex.ru

Кузнецова Валерия Борисовна — научный сотрудник ФГБУ НИИ физиологии и фундаментальной медицины СО РАМН, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология личности, психическое здоровье, дети и подростки.

Контакты: vb.kuznetsova@gmail.com

The Instrument for Assessment of Home Attachment

Sofia I. Reznichenko^a, Sofia K. Nartova-Bochaver^b, Valeria B. Kuznetsova^c

^a*Moscow State University of Psychology and Education, 29 Sretenka str., Moscow, 127051, Russian Federation*

^b*National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitckaya str., Moscow 101000 Russian Federation*

^c*State Scientific-Research Institute of Physiology and Basic Medicine, 4 Timakova str., Novosibirsk, 630117, Russian Federation*

Abstract

The high relevance of research on home attachment as an interdisciplinary and multilayered phenomenon is substantiated, which reflects the reciprocity of relationships between human and his/her environment and has regulatory and valeological meaning for personality. The problematic of the home attachment phenomenon is meticulously analyzed, which appears to be a specific type of place attachment; the multiple-level system of the notion of “home” as an object of functional, emotional and symbolic attachment is discussed, the main structural components that form it are considered, such as identification with place, sense of place, dependence on place. The methodological backgrounds and the process of development of the Home Attachment Questionnaire are articulated, its conceptual, empirical and factor models are described. The procedure and the results of the pilot study ($N = 287$, $M_{\text{age}} = 21.5$, $SD_{\text{age}} = 9.2$) on questionnaire validation (factor analysis, internal consistency) are provided, as well as descriptive statistics. The results of the main study are given, which objective was to analyze the construct validity of the questionnaire. Validation included the verification of correlations between home attachment and level of functionality of home environment. The analysis of age specifics is described (three age groups were determined: youth, young and middle aged adults), which reflects the fact that relationships between home attachment and functionality strengthen with age. The relationships between home attachment and functionality are also moderated by gender: home attachment in women is linked to safety and possibility for personal growth in home environment, while in men it is linked to convenience and comfort of the dwelling. In conclusion, possibilities, limitations and prospects of use of the questionnaire are discussed.

Keywords: ecological psychology, home attachment, questionnaire, convergent validity, age and gender specifics.

Acknowledgements. The research was conducted with the assistance of the Russian Science Foundation (project № 14-18-02163).

References

- Abdi, H., & Valentin, D. (2007). Multiple correspondence analysis. In N. Salkind (Ed.), *Encyclopedia of measurement and statistics* (pp. 652–658). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc.
- Arbuckle, J. L., & Worthke, W. (1999). *Amos 4.0 User's Guide*. Chicago, IL: SmallWaters, Inc.

- Bodalev, A. A., & Rean, A. A. (2002). Akmeologicheskii podkhod k periodizatsii vozrastnogo razvitiya cheloveka: osnovnye kharakteristiki cheloveka v period srednei vzroslosti [Acmeological approach to periodization of personal development: basic characteristics of a person in middle adulthood]. In A. A. Derkach (Ed.), *Akmeologiya* [Akmeology] (pp. 206–209). Moscow: Russian Academy of Public Administration.
- Bow, V. & Buys, L. (2003). *Sense of community and place attachment: The natural environment plays a vital role in developing a sense of community*. Paper presented to Social Change in the 21st Century Conference, Centre for Social Change Research, Queensland University of Technology, Queensland, Australia.
- Broudehoux, A. M. (2001). Image making, city marketing and the anesthetization of social inequality in Rio de Janeiro. In N. AlSayyad (Ed.), *Consuming tradition, manufacturing heritage. Global norms and urban forms in the age of tourism* (pp. 273–296). London/New York: Routledge.
- Dmitrieva, N. S. (2013). The model of teenager life space: Prerequisites and directions of research. *Aktual'nye Problemy Psikhologicheskogo Znaniya*, 28(3), 90–99. (in Russian).
- Draganova, M., Starosta, P., & Stolbov, V. (2002). Sotsial'naya identifikatsiya zhitelei sel'skikh poselenii i malykh gorodov Vostochnoi Evropy [Social identification of people living in rural settlements and small cities of Eastern Europe]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2, 52–60.
- Hou, J.-S., Lin, C.-H., Morais, D. B. (2005). Antecedents of attachment to a cultural tourism destination: The case of Hakka and Non-Hakka Taiwanese visitors to Pei-Pu, Taiwan. *Journal of Travel Research*, 44(2), 221–233.
- Inglis, J. (2008). *Using human-environment theory to investigate human valuing in protected area management* (Doctoral dissertation). Retrieved from <http://vuir.vu.edu.au/id/eprint/1513>
- Johnson, C. Y. (1998). A consideration of collective memory in African American attachment to wildland recreation places. *Research in Human Ecology*, 5(1), 5–15.
- Jorgensen, B. S., & Stedman, R. C. (2006). A comparative analysis of predictors of sense of place dimensions: Attachment to, dependence on, and identification with lakeshore properties. *Journal of Environmental Management*, 79(3), 316–327.
- Kaltenborn, B. P., & Bjerke, T. (2002). Associations between landscape preferences and place attachment: a study in Roros, Southern Norway. *Landscape Research*, 27(4), 381–396.
- Manzo, L. C. (2005). For better or worse: exploring multiple dimensions of place meaning. *Journal of Environmental Psychology*, 25, 67–86.
- Meesters, J. (2009). *The meaning of activities in the dwelling and residential environment: A structural approach in people-environment relations* (Sustainable Urban Areas, Vol. 27). Delft: Delft University Press.
- Nartova-Bochaver, S. K. (2006). Theory of privacy as a line of investigation in the foreign psychology. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 27(5), 28–39.
- Nartova-Bochaver, S. K. (2016). Printsip dopolnitel'nosti v psikhologii: vzaimodeistvie doma i ego obitatelei [The principle of complementarity in psychology: home and its inhabitants interaction]. In A. L. Zhuravlev, M. I. Volovikova, N. E. Kharlamenkova (Eds.), *Psikhologicheskie issledovaniya lichnosti: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy* [Psychological research on personality: history, current status and prospects] (pp. 192–214). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Nartova-Bochaver, S. K., Dmitrieva, N. S., Reznichenko, S. I., Kuznetsova, V. B., & Braginets, E. I. (2015). The instrument for assessment of dwelling friendliness: “Functionality of home environment” questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 36(4), 71–83.
- Orr, D. W. (1994). The coming biophilia revolution. *Earth Island Journal*, 9(2), 38–40.

- Pruneau, D., Chouinard, O., Arsenault, C. & Breau, N. (1999). An Intergenerational education project aiming at the improvement of people's relationship with their environment. *International Research in Geographical and Environmental Education*, 8(1), 26–39.
- Reznichenko, S. I. (2013a). The mechanisms of junior school pupils' devotion to their living space. *Aktual'nye Problemy Psikhologicheskogo Znaniya*, 2, 24–40. (in Russian).
- Reznichenko, S. I. (2013b). Obraz zhilogo prostranstva kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [The image of the living space as a socio-psychological phenomenon]. In Z. I. Ryabikina & V. V. Znakov (Eds.), *Lichnost' i bytie: sub'ektnyi podkhod (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Bruslinskogo): materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s inostrannym uchastiem)* [Personality and being: subjective approach (to the 80th anniversary of A. V. Bruslinsky): Reports of the VI All-Russian scientific-practical conference (with foreign participation)] (pp. 77–79). Moscow/Krasnodar: Kuban State University.
- Reznichenko, S. I. (2014). Attachment to place and sense of place: Models and phenomena. *Social Psychology and Society*, 3, 15–27.
- Reznichenko, S. I. (2015). Vliyanie funktsional'nosti zhilishcha na perezhivanie privyazannosti k domashnei srede [The impact of functionality of the dwelling on experiencing attachment to home environment]. In *7-ya Rossiiskaya konferentsiya po ekologicheskoi psikhologii. Tezisy (28–29 sentyabrya 2015 goda, Moskva)* [7th Russian conference on ecological psychology. Abstracts (September 28–29, 2015, Moscow)] (pp. 374–375). Moscow: UMK "Psikhologiya".
- Rodman, M. C. (2003). Empowering place: multilocality and multivocality. Locating culture. In S. M. Low, D. Lawrence-Zúniga (Eds.), *The anthropology of space and place* (pp. 204–223). Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
- Rollero, C., & De Piccoli, N. (2010). Does place attachment affect social well-being? *Revue Européenne de Psychologie Appliquée/European Review of Applied Psychology*, 60(4), 233–238.
- Stokols, D., & Shumaker, S. A. (1981). People in places: A transactional view of settings. In J. Harvey (Ed.), *Cognition, social behaviour, and the environment* (pp. 441–488). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
- Tuan, Y. F. (1977). *Space and place: The perspective of experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Williams, D., Patterson, M. E., Roggenbuck, J. W., & Watson, A. E. (1992). Beyond the commodity metaphor: Examining emotional and symbolic attachment to place. *Leisure Science*, 14, 29–46.
- Williams, D., & Stewart, S. I. (1998). Sense of place: An elusive concept that is finding a home in ecosystem management. *Journal of Forestry*, 96(5), 18–23.

Sofia I. Reznichenko — scientist researcher, Moscow State University of Psychology and Education, Ph.D.
E-mail: sofya_292@list.ru

Sofia K. Nartova-Bochaver — professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, D. Sc.
E-mail: s-nartova@yandex.ru

Valeria B. Kuznetsova — scientist researcher, Research Institute of Physiology and Basic Medicine, Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences, Ph.D.
E-mail: vb.kuznetsova@gmail.com

КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТИВНОГО И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО У С. КЬЕРКЕГОРА

М.Г. ЧЕСНОКОВА^а

^а *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1*

Резюме

Статья представляет собой попытку определить место и значение идей С. Кьеркегора в общем контексте истории психологической науки. Обосновывается рассмотрение творчества С. Кьеркегора как самостоятельной оригинальной программы построения психологии, наряду с программами В. Вундта, Ф. Brentano, И.М. Сеченова. Подчеркивается роль экзистенциальной философии и психологии С. Кьеркегора как методологической платформы современной экзистенциальной психологии. Предметом исследования является понимание С. Кьеркегором категории субъективного. Раскрывается положение С. Кьеркегора о субъективном как «скрытом внутреннем» становящегося субъекта, а также его представление о характере связи внешнего и внутреннего. Концепция субъективного С. Кьеркегора сопоставляется с пониманием субъективного в классической интроспективной и объективной психологии. Дается сравнительный анализ решения проблемы соотношения внешнего и внутреннего в экзистенциальной психологии С. Кьеркегора и деятельностном подходе. Отмечаются как сходство – пафос внутреннего у С.Л. Рубинштейна, так и различия двух подходов, связанные с последовательным детерминизмом и общественно-исторической трактовкой природы личности и индивидуальности у представителей деятельностного подхода. Разъясняется позиция С. Кьеркегора в вопросе о способе познания внутреннего Другого. Реконструируется характеристика особенностей субъективного и объективного мышления С. Кьеркегором, обосновывается важность различения этих двух типов мышления для психологии. Прослеживается связь идей С. Кьеркегора с актуальными тенденциями современной психологии – развитием качественной методологии, неклассической и постнеклассической парадигм в психологии, преодолением жесткого детерминизма в пользу принципа свободы, постулатом принципиальной неопределенности бытия и успешным развитием экзистенциальной психологии.

Ключевые слова: экзистенция, субъективность, внешнее и внутреннее, свобода, детерминизм, субъективное и объективное мышление, экзистенциальная психология, деятельностный подход.

Творчество С. Кьеркегора в контексте истории психологии

Творчество С. Кьеркегора слабо освещено в отечественной психоло-

гической литературе. До последнего времени его имя фактически не упоминалось в научных исследованиях. Ярлык религиозного мыслителя, «тяжелый» философский язык, а

также сложности с переводом его текстов (Кьеркегор писал по-датски) препятствовали обращению к его работам практически ориентированных психологов, предпочитавших знакомиться с экзистенциальной психологией по работам более поздних авторов: Л. Бинсвангера, М. Босса, В. Франкла, Р. Мэя, А. Лэнгле и др. Историки психологии также не проявляли большого интереса к идеям датского мыслителя. Несмотря на то что в философских кругах С. Кьеркегор давно признан родоначальником экзистенциализма, в анализе истоков развития экзистенциальной психологии, предлагаемом в известных учебниках по истории психологии, ссылки на С. Кьеркегора отсутствуют. В частности, в учебнике Т.Д. Марцинковской (2008), где экзистенциальной психологии посвящена целая глава, философия экзистенциализма представлена именами Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, К. Ясперса и определяется как направление философской мысли XX в., неразрывно связанное с осмыслением социально-исторических реалий данной эпохи. Между тем методологическая платформа экзистенциализма и основной круг проблем формируются еще в XIX в. именно в работах С. Кьеркегора.

Есть и другая причина, побуждающая историков психологии обратиться на идеи С. Кьеркегора более серьезное внимание. Концепция экзистенциальной философии и психологии С. Кьеркегора была выдвинута незадолго до появления первых программ построения психологии как самостоятельной науки В. Вундта, Ф. Brentano, И.М. Сеченова и при ближайшем рассмотрении несет

в себе все основные черты такой программы. В ней есть свое особое понимание предмета психологии, стратегии и тактики психологического исследования (Чеснокова, 2014). И, на наш взгляд, она имеет все основания рассматриваться в истории становления психологической науки наряду с ними.

Не менее интересен историко-философский контекст возникновения экзистенциальных взглядов С. Кьеркегора, развивавшихся фактически параллельно с философией марксизма. Как известно, советская психология XX в. в целом пошла по пути развития марксистской методологии. Западная же психология, в той своей части, которая сохранила связь с философией как основой психологического подхода к человеку, поколебавшись какое-то время между марксизмом и экзистенциализмом, пройдя через попытку синтеза двух методологий (Ж.-П. Сартр, Э. Фромм), в конечном счете из двух философских систем анализа бытия сделала выбор в пользу экзистенциализма. В настоящее время экзистенциальная психология представляет собой мощное практико-ориентированное течение в рамках гуманистической психологии. Марксистская же психология на Западе пользуется значительно меньшим влиянием. В то же время некоторые современные отечественные исследователи склонны усматривать в творчестве основоположников деятельностного подхода А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна выраженную экзистенциальную направленность, усиливающуюся якобы в их поздних работах (Асмолов, 2003; Братусь, 2003; Василюк, 2003; Леонтьев, 2008, 2011;

Субботский, 2003; и др.). Подобное утверждение несколько противоречит декларируемой ориентации деятельности подхода на марксистскую методологию, а также прямой критике взглядов экзистенциалистов (в частности, М. Хайдеггера), встречающейся в работах С.Л. Рубинштейна. Вместе с тем оно побуждает к более глубокому исследованию «природы и происхождения «экзистенциальных параллелей» в творчестве представителей деятельностного подхода. Историко-психологический анализ сущности экзистенциального мировоззрения, рассмотренного в его становлении, выявление его инвариантного ядра, а также совместимости и непротиворечивости его с марксистской методологией способствовали бы, на наш взгляд, прояснению этого вопроса.

Можно констатировать наличие веских оснований для обращения к анализу истоков экзистенциальной психологии в творчестве Серена Кьеркегора. Введение взглядов С. Кьеркегора в контекст истории психологической науки существенно меняет представление о логике ее развития. Экзистенциальная психология предстает уже не как направление новейшей психологии XX в., а как одна из исходных программ развития науки, которая по ряду причин была проигнорирована академической психологией. Весь путь развития психологической науки выступает тем самым в новом свете.

Данное утверждение требует аргументации. В последние годы появляются работы, авторы которых обращаются к разным аспектам взглядов С. Кьеркегора, используют его идеи для методологического

обоснования собственных исследований (Иванченко, 2009; Ковалевская и др., 2011, 2012, 2013; Кривцова, 2013; Лелик, 2012; Чеснокова, 2013, 2014). В одной из своих предыдущих статей мы постарались раскрыть суть кьеркегоровской программы психологии, которую мы определили как *качественный подход к психологии индивидуальности* (Чеснокова, 2014). Понимание индивидуальности (Я) С. Кьеркегором существенно отличается от интерпретаций этого понятия, принятых в современной психологии, оно не имеет ничего общего и с так называемой психологией индивидуальных различий. В то же время оно сближается и даже отождествляется с другими значимыми категориями психологической науки, такими как *субъективное* и *внутреннее*. Целью данной статьи является содержательный анализ понятий субъективное, внутреннее и внешнее в работах С. Кьеркегора в сопоставлении с их классической и неклассической трактовкой в психологии.

Развитие субъективности как становление «скрытого внутреннего» у С. Кьеркегора

С. Кьеркегор известен как один из ярчайших полемистов своего времени. Его оппонентный круг был весьма широк. Однако его наиболее острая и неослабевающая критика была направлена против рационалистической философии. Картезианство и гегельянство способствовали, по его мнению, формированию у его современников иллюзии всемогущества «чистого мышления», развитию «абстрактной многосторонности»,

стремящейся обрести весь мир посредством одного лишь мышления. Дух объективизма и увлечение всемирно-историческим привели к тому, что в своем «многознании» люди потеряли самих себя. Они глубокомысленно рассуждают о множестве важных вещей — истории, политике, Боге и бессмертии, но они не живут на самом деле. Мышление стало их *действительностью*. Они забыли, что значит просто *быть* — быть человеком.

С. Кьеркегор ставит вопрос о возвращении человеку самого себя, о ценности подлинного (а не иллюзорного, умозрительного) существования, о сложной, порой мучительной диалектике этого существования, о мужестве «самостояния» на пике экзистенции.

Человек сам несет *ответственность* за собственное существование в мире, которая не может быть передана ни философам, ни государству, ни другому индивиду, считает С. Кьеркегор. Это связано с тем, что проблемы человеческой экзистенции вообще *не выражаются* на языке абстракции, которым оперируют современная философия и наука. Абстрактное мышление пренебрегает всеми трудными ситуациями, в которые попадает экзистирующий индивид. Оно безразлично к *конкретному* человеку. Поэтому осмысление собственного существования было и остается задачей самого человека. Осуществление этой задачи требует от индивида перенесения взгляда извне вовнутрь, с познания мира на самого себя, превращения из бесстрастного объективного наблюдателя в заинтересованного *субъективного мыслителя*.

Важно, что кьеркегоровский призыв к индивиду *стать субъективным* звучал на фоне активного становления интроспективной психологии сознания, позиционирующей себя как индивидуальную субъективную психологию (программа психологии В. Вундта, как мы помним, включала в себя *индивидуальную* и культурно-историческую психологию народов). С. Кьеркегор же фактически выступает оппонентом этой субъективной психологии. Смысл этой оппозиции заложен в особенностях понимания субъективного С. Кьеркегором. Классическая интроспективная психология, выросшая на идеях Р. Декарта и Дж. Локка, подходила к проблеме субъективного *гносеологически*, понимая под ним некое содержание, представленное в сознании индивида (непосредственный опыт, по В. Вундту). При этом индивидуальные различия сознаний не принимались в расчет. Проблема собственной активности субъекта здесь также не стояла. В условиях интроспективного лабораторного эксперимента она просто элиминировалась. Субъект понимался только как мыслящий, сознающий, универсальный, тождественный самому себе (Я = Я). Это был субъект мысли, но не субъект жизни, существования. Даже у родоначальника психологии личности У. Джемса сущность личности сводилась к ее рефлексивной части и отождествлялась с мыслью.

Проблема *субъекта активности* была поставлена только объективной психологией. В.М. Бехтерев предложил рассматривать человека как активного деятеля в среде, эта идея была развита ленинградской психологической школой. С.Л. Рубинштейн

первым в отечественной психологии заговорил о двух пониманиях субъективного:

1) как индивидуально-пристрастного представления о чем-либо (гносеологический аспект);

2) как принадлежащего определенному субъекту (онтологический аспект).

Он выделил три основных способа существования человека в мире:

1) деятельность;

2) познание;

3) эстетическое переживание —

и, соответственно, три типа субъективности. Представление о человеке как активном субъекте своей жизнедеятельности было развито ближайшими учениками С.Л. Рубинштейна А.В. Брушлинским и К.А. Абульхановой-Славской.

Понимание *субъективного* в работах С. Кьеркегора не совпадает ни с субъективной, ни с объективной его трактовкой в психологии. Субъективное у С. Кьеркегора подразумевает субъектность. Однако это субъект не внешнего, а *внутреннего действия*. И в этом принципиальное отличие кьеркегоровского понимания субъектности от ее объективного понимания. Субъективное, разъясняет он, есть *скрытое внутреннее, дух и страсть*. Страсть представляет собой высшее и наиболее полное выражение субъективности. Связывая субъективность со страстью, С. Кьеркегор выступает и против гносеологической интеллектуалистской трактовки субъективного, принятой в интроспективной психологии сознания. «Действительная субъективность — это вовсе не субъективность познающего... действительная субъективность — это субъек-

ektivность этически экзистирующая», — пишет он (Кьеркегор, 2012, с. 309).

Субъект С. Кьеркегора — мыслящий и существующий — не тождествен самому себе ($Я \neq Я$). Это *субъект становящийся*. Его становление глубоко *диалектично*. Отправной точкой здесь служит противоречие, заключающееся в том, что собственная субъективность одновременно и дана, и не дана индивиду. Он по существу является субъектом, но он должен раскрыть себя как субъекта. Развитие субъективности идет от *неистинной* (не знающей, не принимающей себя) субъективности к действительной, *истинной* субъективности. Это также есть процесс все более полного *определения* собственного Я.

С. Кьеркегор отрицает какую бы то ни было *объективную детерминированность* такого определения. Более того, он утверждает, что рождение субъекта происходит как раз в условиях *объективной неопределенности*, когда индивид не имеет возможности опереться ни на что, кроме самого себя, в этом мире, когда он берет на себя ответственность, и именно это его *внутреннее решение*, находящее воплощение во внешних действиях, определяет развитие ситуации. Само внутреннее решение феноменологически представляет собой как бы отталкивание от всего внешнего (объективного), являясь актом изоляции при удержании одной значимой для индивида идеи. Сила такого решения дается *страстью*, вытекающей из глубокой личной заинтересованности индивида в положительном для него исходе. Таким образом, субъективность, по

С. Кьеркегору, есть *свободное проявление духа*.

Антидетерминизм С. Кьеркегора шел вразрез с общей тенденцией психологической науки XIX—XX вв., ориентированной на активный поиск детерминант и принципа детерминации развития личности. В отечественной психологии вопрос об общем принципе детерминации личности являлся, в частности, предметом дискуссий А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна. Согласно С.Л. Рубинштейну, внешние причины действуют опосредованно через внутренние условия. По А.Н. Леонтьеву, внутреннее действует через внешнее и этим себя изменяет. В течение длительного времени понятия *решения, возможности, свободы и ответственности* являлись отличительной чертой именно экзистенциально-гуманистического мировоззрения в психологии. И только сравнительно недавно, в частности под влиянием новейших открытий в области физики, психологи начали широко обсуждать феномены разрыва детерминации, «точки бифуркации», неопределенности. Д.А. Леонтьев констатирует перестройку современной психологии личности на новые ориентиры: от необходимого к возможному (Леонтьев, 2011).

Слабой стороной признания внешней, в частности социокультурной, детерминации развития личности со времен Л.С. Выготского являлся вопрос о механизмах выхода индивида за рамки норм и образцов, предписываемых ему современной культурой, в область индивидуального творчества как двигателя этой культуры. Решение этого вопроса в современной отечественной психо-

логии связывается с изучением закономерностей творческой деятельности, «надситуативной активности», индивидуального стиля деятельности и т.д. С. Кьеркегор задолго до названных исследований поставил вопрос о *механизмах выхода индивида «за пределы самого себя»*. Согласно С. Кьеркегору, становление субъективности происходит через движение ко все большей *внутренней глубине* на основе стремления к *бесконечному*. Понимание этого утверждения невозможно без обращения к религиозной стороне взглядов С. Кьеркегора.

Для христианина С. Кьеркегора человек есть существо, представляющее собой единство конечного и бесконечного. Становление субъективности есть постоянное преодоление собственной конечности и стремление к бесконечному — к Богу. На этом пути человек проходит ряд стадий:

- осознания своей ограниченности, конечности как чего-то негативного;
- отчаяния;
- смирения;
- веры в то, что с Богом все возможно;
- решимости сделать то, что в силу естественной ограниченности разум оценивает как невозможное;
- остановки рефлексии и «прыжка» в экзистенцию;
- преобразования собственной субъективности и обретения нового *качества*.

Оставляя в стороне религиозный аспект данных представлений, нельзя не отметить глубину феноменологического анализа того, что С. Кьеркегор называл *решением* или *внутренним действием* субъекта. Не

вызывает сомнения также ценность размышлений и феноменологических описаний С. Кьеркегора для исследований в области психологии религии. Речь идет, в частности, о его оценке роли образа Божия как высшего идеала человечности в процессе преодоления человеком самого себя, своей эмпирической данности, а также образа Христа как образа *пути* обретения этого идеала — «Христос есть путь».

Становление субъективности не есть что-то внешнее по отношению к мышлению — эмпирическая данность, осознаваемая задним числом по мере ее оформления. Это внутренний, глубоко рефлексивный процесс, считает С. Кьеркегор. Становление субъективности — путь *субъективно-го мыслителя*. На каждом поворотном пункте своего существования, принимая то или иное решение, субъективный мыслитель стремится осознать, *кто* он есть и *кем* он становится. Предметом его рефлексии являются не состояния и переживания сознания, как это имело место в интроспективной психологии, а он сам, его Я, его собственная субъективность.

Проблема соотношения внешнего и внутреннего в экзистенциальной психологии С. Кьеркегора

Неотъемлемой частью концепции субъективности (Я) как внутреннего у С. Кьеркегора является решение им вопроса о *характере связи внешнего и внутреннего*. Вопрос о соотношении внешнего и внутреннего относится к числу сквозных проблем психологии, к рассмотрению которых психологическая наука обращается

снова и снова. На разных этапах развития науки проблема внешнего и внутреннего выступала:

- как проблема *различения* предмета психологии (внутренний опыт) и естественных наук (внешний опыт);
- как проблема *противоположности* сознания и поведения, среды и личности;
- как проблема *взаимосвязи* физического мира и его психического отражения, психических и физиологических процессов, сознания и деятельности;
- как проблема *соотношения* природного и социального в человеке, культурно обусловленного и индивидуального, детерминированного и «спонтанейного» и т.д.

Проблема внешнего и внутреннего и сегодня лежит в основе скрытого противоборства феноменологической, метафизической и объективной, экспериментальной психологии. Если психология XIX в. в целом развивалась под влиянием унаследованного от Р. Декарта и Дж. Локка параллелизма внешнего и внутреннего, то психология XX в. поставила вопрос о роли внешнего в формировании внутреннего.

В отечественной психологии можно выделить две наиболее фундаментальные разработки проблемы возникновения внутреннего. Это конкретно-психологическая концепция происхождения внутреннего на основе механизма интериоризации — линия, развивавшаяся Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, П.Я. Гальпериным. И философски обоснованное представление С.Л. Рубинштейна, определяющего внутреннее как «итог предшествующего развития» (Рубинштейн, 1973). Если сторонники

принципа интериоризации подчеркивали прямое влияние внешнего на внутреннее, что отразилось в тезисе А.Н. Леонтьева о единстве строения внешней и внутренней деятельности, то С.Л. Рубинштейн настаивал на самобытности внутреннего как «специфического преобразования внешних воздействий» (Там же). В качестве высшей формы внутреннего С.Л. Рубинштейн рассматривал личность, сила которой способна противостоять самым разрушительным воздействиям внешнего мира. Этот пафос внутреннего, пронизывающий последнюю работу С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», образует невидимую нить, связывающую экзистенциальные мотивы в творчестве С.Л. Рубинштейна с идеями С. Кьеркегора — родоначальника экзистенциальной философии. Однако проведение прямых параллелей между экзистенциальным и деятельностным подходом в психологии требует более серьезного обоснования, чем простая аналогия и внешнее сходство взглядов. С этой точки зрения, на наш взгляд, принципиальным вопросом, на основании решения которого можно судить о близости или методологической разнородности двух подходов, является оценка ими роли *деятельности* в становлении субъекта, личности, индивидуальности.

Позиция представителей деятельностного подхода в вопросе о роли деятельности в развитии личности вполне однозначна и определенно заявлена С.Л. Рубинштейном еще в ранней его работе «Принцип творческой самодеятельности»: личность не просто проявляется, но *созидается и определяется* в деятельности

(Рубинштейн, 1986). Деяние входит в построение самого субъекта. При этом речь идет, прежде всего, о внешней практической деятельности как генетически первичной. И в этом суть деятельностного подхода. В его основе лежит примат деятельности над личностью, которая в противном случае превращается, по словам С.Л. Рубинштейна, в «пучок» или «связку» представлений. По мнению С. Кьеркегора, рождение человеческой субъективности происходит не во внешнем, но *во внутреннем действии*. Развертывание ее во внешнем плане вторично. Он пишет: «Внешним проявлением действия Лютера было то, что он вышел к ратуше в Вормсе, однако начиная с того самого момента, когда он *со всей страстной решимостью субъективности начал экзистировать в этом желании...* — с этого мгновения он уже начал действовать... Утверждение о том, что решение, принятое во внешнем мире, важнее решения во внутреннем, — это достойная презрения болтовня слабых, трусливых и хитрых людей» (курсив мой. — М.Ч.) (Кьеркегор, 2012, с. 333).

Механизм становления внутреннего С. Кьеркегор видит не во взаимодействии с внешним (внутреннее действует через внешние условия — А.Н. Леонтьев, внутреннее опосредует внешнее — С.Л. Рубинштейн), а, напротив, в *отталкивании* от внешнего и внутренней изоляции, в результате которой и достигается внутреннее углубление.

Отношение внешнего и внутреннего, по С. Кьеркегору, подчиняется не столько принципу *тождества* (принцип единства строения внешней и внутренней деятельности А.Н. Леонтьева),

сколько принципу *противоположности*. Эта противоположность проявляется как на уровне соотношения духовного и телесного — «внутренняя глубина духа всегда кажется чем-то посторонним и чужим для тела» (Там же, с. 234), так и на уровне поведения, деятельности, образа жизни. Чем меньше внешнего, тем больше внутреннего, замечает С. Кьеркегор. Внутреннее без внешнего — самое трудное внутреннее. Легко поклоняться Богу, отгородившись от всего мира в монастыре, развивает он свою мысль. Значительно сложнее постоянно удерживать в себе мысль о Боге, соотнося с ней каждое даже самое незначительное свое действие во внешнем мире. Последнее есть путь *углубления* своей внешней деятельности. Оно выражается в том, *как, каким образом* человек делает нечто. Это «как» и есть *способ существования внутреннего*.

Отношение внешнего и внутреннего глубоко *диалектично*. Выражением этой диалектики является то, что *на разных уровнях существования* соотношение внешнего и внутреннего меняется. Так, *совпадение* внешнего и внутреннего свойственно, по мнению С. Кьеркегора, только первой, начальной стадии развития человеческого духа — *эстетической*. На втором уровне — *этическом* уже закладывается *противоположность* внешнего и внутреннего. Наконец для третьей — *религиозной* стадии характерно *противостояние* внешнего и внутреннего.

В зависимости от того, на какой стадии развития находится человек, одна и та же манера поведения может иметь разное *внутреннее содержание*

и. Именно это внутреннее содержание и составляет подлинную действительность субъекта. Поворот к внутреннему содержанию мы находим и в рассуждениях С.Л. Рубинштейна о необходимости психологической интерпретации внешней деятельности, а также в разработанном А.Н. Леонтьевым методе *смыслового анализа* деятельности.

Особое внимание С. Кьеркегор уделяет проблеме *выражения* внутреннего. Так, он утверждает, что использование «готовых доступных форм повадки и поведения, слов и заверений» ведет к искажению внутреннего, которое в результате этого становится *неистинным*. Прямое выражение внутреннего (декларирование своих убеждений или рассказ о пережитом) также не может служить достаточным доказательством того, что соответствующее внутреннее содержание действительно имеется. Тем самым С. Кьеркегор выступает против как классического интроспективного, так и вульгарно объективного (о внутреннем нельзя судить по внешнему) способов познания внутреннего.

Адекватной формой выражения внутреннего, по мнению С. Кьеркегора, является так называемая *косвенная форма сообщения*, строящаяся на противоположности внешнего и внутреннего. Примером такой косвенной внутренне противоречивой формы духовного послания может служить эпизод из жизни С. Кьеркегора — разрыв помолвки при наличии глубоких чувств к покинутой девушке. *Контрастность*, внутренняя напряженность посылаемого сообщения является выражением внутренней глубины. Интересно, что

идея косвенного характера представления внутреннего вновь возникает лишь в XX в. в работах Л.С. Выготского, выдвинувшего представление о *косвенном методе* познания психического как реконструкции внутреннего по его следам во внешнем мире.

Внутренняя глубина — это то, что реально разделяет людей и делает невозможным прямое общение между ними, утверждает С. Кьеркегор. Форма сообщения как обращения к внутреннему другому человека должна быть построена таким образом, чтобы на ее основе можно было действовать. Сообщение должно открывать *возможность для действия*, которой человек может воспользоваться или не воспользоваться, по своему усмотрению. Через открытие этой возможности он *присваивает* внутреннюю реальность собеседника, его способ существования, его «как». Это присвоение происходит через развитие и преобразование *собственной субъективности* (своего внутреннего). Так, С. Кьеркегор связывает познание с действием, но не с рядовым действием, а с таким, в котором субъект с необходимостью *выходит за пределы себя*. Познание не умозрительно, подчеркивает С. Кьеркегор. Оно действительно. Но это действие особого рода. Хотя оно и связано или может быть связано с деятельностью во внешнем плане, однако его суть составляет создание новой внутренней действительности субъекта. Отсюда вывод С. Кьеркегора: *субъективность и есть истина* (Кьеркегор, 2012). Это истина бытия субъекта, а не одного только мышления.

Таким образом, внутреннее для С. Кьеркегора имеет абсолютный

приоритет перед внешним. Внешняя деятельность независимо от ее объективного результата не имеет никакой ценности, если она не сопровождается ростом и углублением внутреннего. Внешняя форма является только предпосылкой такого роста. «Внешнее — это зов трубы, который заставляет нас предпринять великое усилие» (Там же, с. 372). Наличие готовой внешней формы подчас затрудняет осознание того, что задача (обретение внутреннего содержания) не решена, а только поставлена. В этом случае субъект должен пройти этап преодоления формы ради обретения содержания. По сравнению с этим ситуация, когда внутреннее рождение субъекта и его готовность к действию предшествуют его развертыванию во внешнем мире, субъективно оказывается для индивида даже более легкой, поскольку внешнего, которое нужно преодолевать, еще нет, оно еще только может быть создано. В отечественной психологии проблема присвоения знаний и культурных форм поведения была поднята Л.С. Выготским, исследования продолжили А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин и др. Однако задолго до них С. Кьеркегор показал, что внешнее — поведение, деятельность, слово, — по сути, не более чем знаки, за которыми может стоять как нечто большее, так и меньшее по сравнению с тем, что явлено.

Сопоставительный анализ взглядов С. Кьеркегора и представителей деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева) выявляет определенные параллели в решении проблемы соотношения внешнего и внутреннего в экзистенциальной

и деятельностной парадигмах. Однако различия двух подходов, на наш взгляд, более принципиальны. Определим два основных момента.

Центральным понятием экзистенциальной философии является понятие *существования (экзистенции)*. Причем речь идет о существовании *внутреннего* — субъективного, Я, индивидуальности, которое у С. Кьеркегора противопоставляется существованию индивида во внешнем мире. Становление внутреннего составляет суть, дух и жизнь, подлинную действительность человека. Никакие внешние достижения — преобразование мира, интеллектуальная деятельность, творчество и т.д. не имеют значения, если при этом человек утратил свое внутреннее, потерял самого себя или, хуже, никогда и не был собой. Внутреннее, субъективное, индивидуальное обладает для экзистенциального философа единственной неоспоримой ценностью. Внешнее есть только повод для раскрытия внутреннего. Деятельностный подход имеет совершенно иную *ценностную ориентацию*. В ее основе лежит признание общественной и исторической значимости личности, которая, таким образом, оценивается, прежде всего, через ее объективные достижения. Подлинное существование личности для деятельностной психологии состоит в ее *деятельности*, общественной по своей природе. «Личность тем значительнее, чем больше ее сфера действия, тот мир, в котором она живет, и чем совершеннее этот последний, тем более совершенной является она сама... Завершенная индивидуальность не значит изолированная единичность» (Ру-

бинштейн, 1986, с. 107). Однако именно во внутренней изоляции рождается индивидуальность, по С. Кьеркегору. И способность удерживать свое внутреннее при всех перипетиях внешнего существования, не расплываясь в нем, является условием обретения своего Я перед Богом и перед миром. Борьба с собой за самого себя составляет основной пафос экзистенциальных размышлений С. Кьеркегора.

Деятельностный подход в психологии базируется на *принципе детерминизма*. Конкретные формулировки этого принципа (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев) могут различаться учетом в них роли и «удельного веса» внутреннего, однако это не отменяет исходной посылки — признания факта детерминации внутреннего. По С. Кьеркегору, внутреннее не имеет внешней детерминации. Рождение субъективности (Я) для самого человека обусловлено только его собственной решимостью быть, существовать в этом мире как единичному и неповторимому, являть миру свое Лицо. И это решение представляет собой свободное выражение *духа*. Развитие индивидуальности — это не подготовленное, внешне обусловленное движение, это всегда риск и вызов, в том числе своей собственной детерминации. Используя терминологию С. Кьеркегора, можно сказать, что позиция деятельностного подхода соответствует *этическому*, а позиция самого С. Кьеркегора — *религиозному мировоззрению*.

Развитие экзистенциализма в XX в., несомненно, изменило облик этого учения, придав ему новые черты. Возник атеистический экзистенциализм

(Ж.-П. Сартр). Однако основные постулаты экзистенциализма (ценность индивидуальности, принцип свободы и ответственности человека за свое существование, «экзистенция» как живой момент деятельности, взятый субъективно, и др.) остались прежними. И это вынуждает с большой осторожностью сопоставлять деятельностный и экзистенциальный подходы в психологии и тем более говорить об их родстве.

Субъективный мыслитель против объективного наблюдателя

Особо стоит остановиться на той стороне взглядов С. Кьеркегора, которая отличает его философию от близких экзистенциализму течений философской мысли, таких как философия жизни и феноменологический подход. Отличие это заключается в том, что, несмотря на резкую критику систем рационализма, растворивших индивида в неотвратимой логике развития истории и духа, С. Кьеркегор не обесценивает человеческую способность мыслить, осмыслять действительность. Его субъект — это не декартовский субъект мышления, но и не дильтеевский субъект переживания. Субъект С. Кьеркегора — это субъект, существующий и *осмысляющий* свое существование. Переживания страха, страдания, отчаяния, вины и т.д. в его понимании ценны не сами по себе, а как знаки, сигнализирующие о переломных моментах внутреннего движения, становления субъективности. Человек должен не растворяться в своих переживаниях, а проходить их насквозь, не созерцать, а принимать решения, не наблюдать за

жизнью внешней или внутренней, а жить. Критерием подлинного существования является не столько полнота переживания настоящего, сколько движение вперед, качественное преобразование самого себя, своей субъективности. Собственное Я, считает С. Кьеркегор, должно стать первейшим объектом *заботы* человека. Рефлексия процесса становления собственного Я составляет суть особого — субъективного мышления. С. Кьеркегор подробно анализирует особенности *субъективного мышления*, его отличия от объективного (научного) мышления (Кьеркегор, 2012). Они заключаются в следующем.

Объективное мышление безразлично к *субъекту познания*. Предметом размышлений субъективного мыслителя является само его существование.

Объективное мышление — это всегда некий разговор о чем-то, отличном от себя. Ядро субъективного мышления составляет *внутреннее действие, акт самоопределения*, происходящий через соотнесение и приведение себя в соответствие с определенной идеей. Так, одно дело — рассуждать о том, что есть добро, другое — самому совершить добрый поступок.

Объективное мышление пытается понять *конкретное абстрактным образом*. Субъективное мышление стремится понять *абстрактное конкретно*. Подлинной индивидуальностью, по мнению С. Кьеркегора, является не тот, кто противопоставляет себя и свою жизнь общечеловеческим ценностям, но кто наиболее полно воплощает их собой и своей жизнью.

Объективное мышление *общезначимо*. Свидетельством истинности

той или иной идеи является количество ее приверженцев. Субъективное мышление является актом изоляции. Первым шагом субъективного мыслителя является отказ от поиска готовых ответов, помощи наставников и проводников на пути к истине. Субъективного мыслителя отличает «диалектическое бесстрашие», проявляющееся в *решимости* остаться один на один со своей проблемой.

Объективное мышление нацелено на получение результата. Субъективное мышление — это *становящееся* мышление становящейся субъективности (Я).

Результаты объективного мышления легко отчуждаются от субъекта познания и могут быть переданы другому в словесной форме. Формальная передача объективной истины на словах не играет существенной роли, если воспринимающий ее индивид никак не меняется под ее влиянием, считает С. Кьеркегор. Истину можно считать усвоенной только тогда, когда ученик в своем мышлении и существовании проделал путь, аналогичный тому, который прошел до него учитель.

Объективное мышление передает *знания*. Субъективное мышление — *способ существования*.

Внешняя форма объективной мысли легко может быть *скопирована*. Субъективное мышление абсолютно индивидуально. Понять субъективность другого — значит принять его способ существования как возможность для себя (и я могу жить и поступать так же). Присвоить чужую субъективность — значит реализовать ее способ существования в своей жизни, повторить ее путь в своих обстоятельствах.

Объективное мышление исходит из того, что *знание* истины автоматически ведет к ее *присвоению*. Объективная истина — категория мышления, сознания. Сутью субъективного мышления является приведение себя, своей жизни в соответствие с истиной. Достижение этого соответствия и есть *присвоение* истины. А обретение такого соответствия — сама *субъективная истина*. Одно только знание объективной истины не гарантирует ее присвоения. Более того, сам способ ее присвоения может быть как истинным (достижение субъективной истины), так и ложным, утверждает С. Кьеркегор.

Рефлексия объективного мышления в принципе *бесконечна*. Она не имеет прямого выхода в действие, в *наличное существование*. Чтобы осуществить что-то во внешнем мире, рефлексия должна быть прервана, процесс мышления остановлен. Оставаясь же внутри мышления как такового, человек, по мнению С. Кьеркегора, способен мыслить только *прошлое*. Настоящее он может мыслить только в «снятом» виде. Систематизация, к которой стремится объективное мышление, возможна только по отношению к тому, что уже обрело свою завершенность. То, что само находится в процессе *становления*, систематизировано быть не может.

В отличие от объективного, субъективное мышление, связанное с решением и действием, относится именно к наличному существованию. Оно обращено не к прошлому, а к *будущему*, определяя, кем я как человек становлюсь в результате этого действия.

Объективное мышление не может развиваться внутри *противоречия*.

Оно стремится либо «снять», либо объяснить его. Однако, как отмечает С. Кьеркегор, фактически такое объяснение оборачивается лишь попыткой свести реальное противоречие к чему-то другому, отличному от него, иначе говоря, показать, что никакого противоречия здесь вообще нет.

Субъективное мышление только и рождается в условиях объективного противоречия наличного существования (например, нечто крайне привлекательное для меня может быть достигнуто мной только путем причинения ущерба другим). Необходимость продолжать существование требует от индивида преодоления — «прохождения» этого противоречия «насквозь». Размышляя об одном, он должен постоянно удерживать в сознании его противоположность, соединяя их внутри своего существования.

Критерий объективности знания ставит *мышление* выше чувств, веры и действия, которые уже вторично получают свое определение посредством мышления. В сфере экзистенции (здесь и сейчас), которой подчинено субъективное мышление, все эти элементы наличествуют одновременно.

Объективное мышление беспристрастно. Оно исходит из противоположности *аффекта и интеллекта*, делая выбор в пользу последнего. Субъективное мышление строится на *противоречии* между *страстной заинтересованностью* индивида в собственном существовании и *объективной неопределенностью* (порой невозможностью) этого существования, фиксируемой разумом. В этом противоречии аффекта и интеллекта

и рождается *вера* как основа решения и действия индивидуального субъекта.

Объективное мышление как общезначимое всегда стремится обрести внешнюю доступную для всех форму выражения. Субъективное мышление неразрывно связано с преобразованием субъекта, обретением внутренней глубины при минимуме внешних проявлений.

Анализ особенностей субъективного и объективного мышления, осуществленный С. Кьеркегором, обладает, на наш взгляд, несомненной ценностью для психологии. Современная психология хорошо знает различия между теоретическим и практическим интеллектом (исследования Б.М. Теплова). Субъективное мышление С. Кьеркегора наряду с признаками *практического* мышления (связь с решением и действием) имеет свои неповторимые черты, связанные с необходимостью соотнесения внешних событий с собой и своим существованием в контексте общего становления собственной субъективности, что одновременно придает этому мышлению *прогностический* и ярко выраженный *творческий* характер. Неслучайно С. Кьеркегор сравнивает человеческую жизнь с созданием произведения искусства. В противоположность гносеологической трактовке субъективного мышления, имеющего критерием соответствие объективной истине, С. Кьеркегор показывает, что индивидуальность субъекта — это не просто ничего не значащий довесок к универсальной способности человека мыслить, а то, что собственно и развивается одновременно и в зависимости от того,

как человек мыслит. Кьеркегоровский анализ специфики субъективного мышления заставляет по-новому взглянуть на историю психологической науки и переосмыслить некоторые оценки и представления, утвердившиеся в ней. В частности, иначе оценить место и значение так называемой субъективной (интроспективной) психологии. Если принимать логику С. Кьеркегора и его понимание сущности субъективного мышления, то придется признать, что психология XIX в., по сути, никогда и не была по настоящему субъективной наукой, поскольку даже внутренние состояния сознания она пыталась рассматривать и анализировать объективно, безотносительно к их роли в жизни человека, в процессе его самоосуществления. Как и объективная наука, она стояла на позиции бесстрастного наблюдателя, а не заинтересованного субъективно мыслителя. В современной методологии эта метапозиция нейтрального наблюдателя рассматривается как отличительная особенность классического типа рациональности, которая преодолевается в неклассическом и постнеклассическом типах мышления. Однако, как мы видим, дух *неклассичности* возникает в философской психологии значительно раньше, чем это принято полагать, и развивается параллельно с утверждением *классической* интроспективной парадигмы в психологии.

Рассуждения С. Кьеркегора о различиях субъективного и объективного мышления позволили ему выйти на ряд проблем, к которым научная психология обратилась только в XX в. Это проблема абстрактности и нежизнеспособности общей психо-

логии, изучающей абстрактные способности абстрактного индивида (критика А.Р. Лурии, Л.С. Выготского, Ж. Политцера). Это также проблема присвоения научного знания (исследования Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова), проблема отношения аффекта и интеллекта (исследования К. Левина, Л.С. Выготского), проблема отношения знания и веры (христианская психология) и др.

Анализ становления человеческой субъективности и специфики субъективного мышления имеет важное значение в контексте констатируемого в науке схизиса академической и практической психологии (Василюк, 1996). Присутствие живой человеческой субъективности составляет неустранимый момент, который отличает работу практического психолога от исследовательской деятельности академического психолога и теоретика. Работая с клиентом, практический психолог всегда имеет дело с человеком переживающим, страдающим и отчаивающимся, стремящимся осмыслить свое существование и верящим в лучшее будущее для себя. При этом практический психолог имеет дело не просто с сознанием клиента, но с целостным человеком. Критерием успешности терапии является обретение клиентом того внутреннего стержня и способности к *самостоянию*, о которой и писал С. Кьеркегор. На наш взгляд, схизис академической и практической психологии во многом проистекает из различия их исходных ориентаций — академической психологии на объективное мышление, а практической психологии на субъективное мышление

клиента. Методологическое осмысление представлений С. Кьеркегора о двух типах мышления — объективном и субъективном, возможно, позволит лучше понять как эту, так и другие проблемы и тенденции современной психологии.

Выводы

В течение длительного времени вклад С. Кьеркегора в историю психологической науки неоправданно игнорировался. Его идеи оставались как бы на периферии генеральной линии развития психологии. Критика рационализма и религиозная окраска его идей, непривычный диалектический способ рассуждения, как будто нацеленный на максимальное усложнение решения рассматриваемых проблем, заземленность в конкретику и интерес к отдельному индивиду в ускользающе противоречивой диалектике его становления с самого начала определили *опозиционное* положение С. Кьеркегора по отношению к оформляющейся психологии, складывающейся как эмпирическая, антидиалектическая, абстрактная наука о сознании. Неприятие С. Кьеркегором философской основы интроспективной психологии, прежде всего системы Р. Декарта, возможно, стало одной из

главных причин невосприимчивости психологии к его идеям на ранних этапах развития науки. Однако, пройдя мимо экзистенциальной философии С. Кьеркегора, академическая научная психология упустила ряд ценных идей, на которые она смогла выйти лишь спустя значительное время, столкнувшись с серьезными противоречиями, кризисами и расколом внутри науки. И сегодня отсутствие должной представленности творчества С. Кьеркегора в картине истории развития психологии искажает наше понимание логики ее развития. Многие актуальные тренды современной психологии (развитие качественной методологии, неклассической и постнеклассической парадигм в психологии, преодоление жесткого детерминизма в пользу принципа свободы, постулат принципиальной неопределенности бытия, а также успешное развитие экзистенциальной психологии) заложены в неклассических экзистенциальных воззрениях С. Кьеркегора. На фоне этих тенденций мы высоко оцениваем тот факт, что психологическая наука в начале XXI в., хоть и с большим запозданием, обращается к небесспорным, но, безусловно, интересным для психологии идеям диалектически мыслящего философа XIX в. Серена Кьеркегора.

Литература

- Асмолов, А. Г. (2003). Неодетельностная парадигма в мышлении XXI века: деятельность как существование. *Мир психологии*, 2(34), 155–158.
- Братусь, Б. С. (2003). Логотерапия как искусство быть. В кн. А. Лэнгле, *Жизнь, наполненная смыслом: Прикладная логотерапия* (с. 5–13). М.: Генезис.
- Василюк, Ф. Е. (1996). Методологический смысл психологического схизиса. *Вопросы психологии*, 6, 25–40.

- Василюк, Ф. Е. (2003). «Вы понимаете...». *Журнал практического психолога*, 1–2, 232–240.
- Иванченко, Г. В. (2009). *Забота о себе: история и современность*. М.: Смысл.
- Ковалевская, О. Б., Лызлов, А. В., Серавина, О. Ф. (2011). Тревога как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа. *Вопросы психологии*, 4, 66–77.
- Ковалевская, О. Б., Лызлов, А. В., Серавина, О. Ф. (2012). Тоска как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа. *Вопросы психологии*, 5, 62–72.
- Ковалевская, О. Б., Лызлов, А. В., Серавина, О. Ф. (2013). Апатия как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа. *Вопросы психологии*, 2, 65–79.
- Кривцова, С. В. (2013). Диалог в ситуации провокации: беседем по Кьеркегору. *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*, 1(22), 54–62.
- Кьеркегор, С. (2012). *Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»*. М.: Академический Проект.
- Лелик, А. (2012). Архипелаг Кьеркегора. *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*, 1(20), 30–40.
- Леонтьев, Д. А. (2008). *Теория личности А.Н. Леонтьева*. Режим доступа: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-961.html/2008/02>
- Леонтьев, Д. А. (2011). Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному. *Вопросы психологии*, 1, 3–27.
- Марцинковская, Т. Д. (2008). *История психологии: Учебник*. М.: Издательский центр «Академия».
- Рубинштейн, С. Л. (1973). *Человек и мир. Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика.
- Рубинштейн, С. Л. (1986). Принцип творческой самостоятельности. *Вопросы психологии*, 4, 101–107.
- Субботский, Е. В. (2003). «Алексей Николаевич... фактически был экзистенциалистом в советской психологии». *Журнал практического психолога*, 1–2, 181–198.
- Чеснокова, М. Г. (2013). Значение идей С. Кьеркегора для теории и практики психологии индивидуальности (к 200-летию С. Кьеркегора). *Вопросы психологии*, 5, 102–109.
- Чеснокова, М. Г. (2014). Методологическое значение идей С. Кьеркегора в контексте развития психологической науки. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(2), 120–135.

Чеснокова Милена Григорьевна — старший научный сотрудник, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.
Сфера научных интересов: история и методология психологии, психология индивидуальности, психология здоровья.
Контакты: milen-ches@bk.ru

The Category of the Subjective and the Issue of the Relation of the External and the Internal in S. Kierkegaard

M.G. Chesnokova^a

^a*Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract

The article poses an attempt to define place and meaning of S. Kierkegaard's ideas in the general context of history of psychological science. The justification is made for understanding the works by S. Kierkegaard as an independent, original program of psychology, along with the programs by W. Wundt, F. Brentano, I.M. Sechenov. The role of existential philosophy and psychology of S. Kierkegaard is underlined as a methodological platform of the modern existential psychology. The subject of the study is the understanding by S. Kierkegaard of category 'subjective'. The thesis by S. Kierkegaard is explored about the subjective as the 'inner hidden' of the becoming subject, as well as his notion about the characteristic of the relationship between the outer and the inner. The conception of the subjective by S. Kierkegaard is compared with the understanding of the subjective in the classic introspective and objective psychology. The comparative analysis is given for the problem of correspondence between the outer and the inner in S. Kierkegaard's existential psychology and in activity approach. Similarity (the pathos of the inner by S.L. Rubinstein) and differences of both approaches are noted, associated with consistent determinism and socio-historical understanding of the nature of personality and individuality in works by representatives of activity approach. The S. Kierkegaard's position is clarified on the issue of method of cognition of the inner Other. The S. Kierkegaard's characteristics of subjective and objective thinking is reconstructed, the importance for psychology of differentiation between these two types of cognition is substantiated. The relationship of S. Kierkegaard's ideas with topical tendencies of the modern psychology is traced: with the development of qualitative methodology, non-classical and post-non-classical paradigms in psychology, with overcoming of strict determinism in favor of principle of freedom, postulate of principal uncertainty of being and successful development of existential psychology.

Keywords: existence, subjectivity, inner and outer, freedom, determinism, subjective and objective thinking, existential psychology, activity approach.

References

- Asmolv, A. G. (2003). Neodeyatel'nostnaya paradigma v myshlenii XXI veka: deyatel'nost' kak sushchestvovanie [Neoactivity paradigm in the XXI century thinking: Activity as existence]. *Mir Psikhologii*, 2(34), 155–158.
- Bratus, B. S. (2003). Logoterapiya kak iskusstvo byt' [Logotherapy as art of being]. In A. Längle, *Zhizn', napolnennaya smyslom: Prikladnaya logoterapiya* [Life, filled with meaning: Applied logotherapy] (pp. 5–13). Moscow: Genezis.

- Chesnokova, M. G. (2013). Importance of S. Kierkegaard's ideas for the theory and practice of psychology of individuality (towards the 20-th anniversary of S. Kierkegaard). *Voprosy Psikhologii*, 5, 102–110.
- Chesnokova, M. G. (2014). Methodological importance of the ideas of S. Kierkegaard for the development of psychological science. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(2), 120–135. (in Russian)
- Ivanchenko, G. V. (2009). *Zabota o sebe: Istoriya i sovremennost'* [Self-care: History and modernity]. Moscow: Smysl.
- Kierkegaard, S. (2012). *Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k "Filosofskim krokhham"* [Concluding unscientific postscript to "Philosophical fragments"]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Kovalevskaya, O. B., Lyzlov, A. V., & Seravina, O. F. (2011). The anxiety as a nuclear affect: An experience of structural-psychological analysis. *Voprosy Psikhologii*, 4, 66–77.
- Kovalevskaya, O. B., Lyzlov, A. V., & Seravina, O. F. (2012). Longing as a nuclear affect: An attempt at a structural psychological analysis. *Voprosy Psikhologii*, 5, 62–72.
- Kovalevskaya, O. B., Lyzlov, A. V., & Seravina, O. F. (2013). Apathy as a nuclear affect: A structural psychological analysis. *Voprosy Psikhologii*, 2, 65–79.
- Krivtsova, S. V. (2013). Dialog v situatsii provokatsii: beseduem po K'erkegoru [A dialog in situation of provocation: a Kierkegaard's talk]. *Ekzistentsial'naya Traditsiya: Filosofiya, Psikhologiya, Psikhoterapiya*, 1(22), 54–62.
- Lelik, A. (2012). Arkhipelag K'erkegora [Kierkegaard's archipelago]. *Ekzistentsial'naya Traditsiya: Filosofiya, Psikhologiya, Psikhoterapiya*, 1(20), 30–40.
- Leontiev, D. A. (2008). *Teoriya lichnosti A.N. Leontieva* [A.N. Leontiev's theory of personality]. Retrieved from <http://www.psychology-online.net/articles/doc-961.html/2008/02>
- Leontiev, D. A. (2011). New reference points for understanding personality in psychology: From the necessary towards the possible. *Voprosy Psikhologii*, 1, 3–27.
- Martsinkovskaya, T. D. (2008). *Istoriya psikhologii: uchebnik* [History of psychology: A textbook] (8th ed., revised). Moscow: Izdatel'skii Tsentr "Akademiya".
- Rubinstein, S. L. (1973). *Chelovek i mir. Problemy obshchei psikhologii* [A man and the world: Issues of general psychology]. Moscow: Pedagogika.
- Rubinstein, S. L. (1986). Printsip tvorcheskoi samodeyatelnosti [The principle of creative self-activity]. *Voprosy Psikhologii*, 4, 101–107.
- Subbotky, E. V. (2003). "Aleksi Nikolaevich... fakticheski byl ekzistentsialistom v sovetskoj psikhologii" [Aleksy Nikolaevich... actually was an existentialist in the Soviet psychology]. *Zhurnal Prakticheskogo Psikhologa*, 1–2, 181–198.
- Vasiliuk, F. E. (1996). Metodologicheskii smysl psikhologicheskogo skhizisa [Methodological sense of psychological schisis]. *Voprosy Psikhologii*, 6, 25–40.
- Vasilyuk, F. E. (2003). "Vy ponimaete..." ["Do you understand..."]. *Zhurnal Prakticheskogo Psikhologa*, 1–2, 232–240.

Milena G. Chesnokova — senior research fellow, Faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University; Ph.D.
Research areas: history and methodology of psychology, psychology of individuality, health psychology.
E-mail: milen-ches@bk.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТИ И КРАТКОВРЕМЕННОЙ ПАМЯТИ: РОЛЬ ЧЕРТ И РЕФЛЕКСИВНЫХ АДАПТАЦИЙ ХАРАКТЕРА

С. А. ЩЕБЕТЕНКО^а

^а Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, д. 15

Резюме

Хотя взаимосвязь познавательной и личностно-мотивационной сфер традиционно привлекает внимание исследователей, анализ литературы показывает, что связи черт личности с кратковременной памятью уделяется крайне мало внимания — в сравнении с исследованиями роли центральных исполнительных структур рабочей памяти (Baddeley, 2003). Кроме того, в этих исследованиях речь преимущественно идет об отдельных чертах личности или о традиционных личностных таксономиях, но не об их производных. В этой связи в работе рассматривается роль рефлексивных адаптаций характера как структурного элемента системы личности в терминах пятифакторной теории (McCrae, Costa, 1996, 2013). На выборке в 1030 человек было установлено, что пространственная кратковременная память, измеренная тестом Корси, коррелировала с нейротизмом и низкой открытостью опыту. Напротив, вербальная кратковременная память, измеренная задачей Стернберга, коррелировала с низкими значениями добросовестности и доброжелательности. Таким образом, в отличие от центрального исполнителя рабочей памяти увеличение значений ее подчиненных систем — пространственной и вербальной кратковременной памяти — сопровождалось низкими значениями доброжелательности, добросовестности и открытости опыту. Кроме того, кратковременная память демонстрировала прямые, опосредованные чертами личности и компенсаторные (в сравнении с чертами) связи с рефлексивными адаптациями характера. В частности, хотя нейротизм не коррелировал с вербальной кратковременной памятью, с последней была связана отрицательная установка на эту черту личности. Аналогично, хотя доброжелательность не коррелировала с пространственной кратковременной памятью, с ней коррелировало отрицательное отношение к доброжелательности, приписываемое родителям (отраженная установка на доброжелательность). Отрицательная связь добросовестности с вербальной кратковременной памятью дополнялась положительной отраженной установкой на эту черту личности. В статье осуществляется анализ результатов в сопоставлении с результатами ранее проведенных исследований и определяются дальнейшие перспективы.

Ключевые слова: пятифакторная теория личности, черты личности, адаптации характера, кратковременная память, рабочая память.

Индивидуальные различия в поведении могут характеризоваться не только личностными и темпераментальными особенностями, но и вариативностью в познавательной сфере. В частности, кратковременная память может демонстрировать разную эффективность у разных людей (Gathercole, 1999), и потенциально эта вариативность может быть сопряжена с вариативностью в чертах личности. Несмотря на очевидность проблемы, обзор литературы показал, что крайне мало исследований посвящено связи личности с подчиненными системами (slave systems) рабочей памяти (Baddeley, 2003; Baddeley, Hitch, 1974) — фонологической петлей и зрительно-пространственным наброском, — а также со сближающимися с ними в трактовке видами кратковременной памяти¹ — вербальной и пространственной. Более того, под личностными структурами в существующих исследованиях понимаются обычно черты или свойства личности и не рассматривается роль иных производных структуры личности. Изучению этих проблем посвящена данная работа.

Черты личности, рабочая и кратковременная память

Способность когнитивной системы к первичной обработке стимулов,

поступающих из внешней среды, к хранению и манипулированию релевантной им информацией ограниченного объема в короткие промежутки времени (до 30 с) называется кратковременной памятью (КП) (Зайка, Кузнецов, 1989; Солсо, 2006). Хранение и обработка информации в таком режиме являются достаточно затратной функцией с точки зрения ресурсов когнитивной системы, предполагающей большой процент брака, особенно при высокой когнитивной нагрузке (Gathercole, 1999). Индивидуальная вариативность КП может быть связана с самыми различными факторами — от возраста индивида (Там же) и нейронной активности в передней поясной коре (Gray, Braver, 2002) до малоимпульсивного стиля принятия решений (Hinson et al., 2003). Вносят ли черты личности вклад в вариативность КП, и если да, то какой?

Обзор литературы показал, что в подавляющем большинстве случаев исследователей интересует вопрос о связи черт личности с исполнительными функциями, или с так называемым центральным исполнителем (central executive) рабочей памяти (Baddeley, 2003; Baddeley, Hitch, 1974). Так, отдельные авторы предполагают, что импульсивность как черта личности и когнитивные исполнительные функции образуют два полюса единого конструкта

¹ Далее в статье преимущественно используются понятия пространственной и вербальной кратковременной памяти, но предполагается их идентичность с указанными выше подчиненными системами рабочей памяти. В литературе термин «рабочая (оперативная) память» может использоваться как синоним КП (например: Аведисова и др., 2004), либо, в сравнении с КП, как более инклюзивное, комплексное явление (Gathercole, 1999; Nairne, 1996), либо как явление более высокого порядка с точки зрения управления обработкой информации (Baddeley, 2003).

(Bickel et al., 2012). Действительно, ранее были получены данные об отрицательной связи исполнительных функций с нейротизмом (Williams et al., 2010). При этом дифференциальный анализ исполнительных функций показал, что нейротизм связан с корректировкой/мониторингом в рабочей памяти (Linnenbrink et al., 1999; Murdock et al., 2013), когнитивной гибкостью (Compton, 2000) и торможением нерелевантной информации (Muris et al., 2009).

В литературе периодически сообщается о связях и других черт личности с исполнительным компонентом рабочей памяти. В частности, экстраверсия положительно коррелировала с корректировкой/мониторингом (Campbell et al., 2011; Lieberman, Rosenthal, 2001; Murdock et al., 2013), а открытость опыту — с когнитивной гибкостью и корректировкой/мониторингом (DeYoung et al., 2005; Murdock et al., 2013; Savine et al., 2012). Доброжелательность была положительно связана с когнитивной гибкостью и торможением нерелевантной информации (Jensen-Campbell et al., 2002), а добросовестность — с корректировкой/мониторингом (Fleming et al., 2015; Jensen-Campbell et al., 2002). В то же время Н. Ансворт с коллегами (Unsworth et al., 2009) представили противоречащие приведенным выше фактам данные об отрицательных, но незначимых корреляциях между рабочей памятью и добросовестностью, $r = -0.16$, доброжелательностью, $r = -0.18$, и экстраверсией, $r = -0.19$.

Таким образом, исследователи обращаются к интуитивно понятной проблеме — связи черт личности с

центральным исполнителем. Как же обстоят дела с ролью систем рабочей памяти, которые считают подчиненными, а именно — зрительно-пространственным наброском и фонологической петлей (Baddeley, 2003)? Связаны ли черты личности с пространственной и зрительной КП? Хотя взаимосвязь познавательной и личностно-мотивационной сфер традиционно привлекает внимание исследователей (см., например, обзор: Семяшкин, 2010), анализ литературы показывает, что обсуждаемой здесь проблеме уделяется крайне мало внимания.

Редкое исключение составляют работы, выполненные в рамках теории контроля внимания (attentional control theory — Derakshan, Eysenck, 2009; Eysenck et al., 2005). Надо отметить, что и здесь речь идет не о личностных таксономиях, а о вкладе диспозициональной тревожности (trait anxiety) в рабочую память, в том числе — в ее подчиненные системы. В то же время в отношении прочих параметров личности нам не удалось обнаружить каких-либо релевантных исследований — как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Другой аспект рассматриваемой проблемы связан с трактовкой личности в опубликованных работах. Преимущественно речь в них идет об отдельных чертах, вроде тревожности (Eysenck et al., 2005) и шизотипии (Park, McTigue, 1997), или о традиционных таксономиях, таких как пятифакторная модель (например: Unsworth et al., 2009). Однако можно предположить, что варьирование КП связано не только с конвенциональными чертами, но и их производными,

существование которых допускает, в частности, пятифакторная теория личности (ПФТ — McCrae, Costa, 1996, 2013). Так, в терминах ПФТ такие производные могут быть отнесены к разряду адаптаций характера.

Рефлексивные адаптации характера

ПФТ предполагает, что структуры личности могут быть дифференцированы на два больших подкласса: базовые тенденции (basic tendencies) и характерные адаптации, или адаптации характера (characteristic adaptations — McCrae, Costa, 1996, 2013). «Большая пятерка» черт личности относится к базовым тенденциям и в этом смысле имеет прямую биологическую детерминацию, содержательно сближаясь с понятием темперамента (McCrae, Costa, 2013, p. 18). Напротив, адаптации характера обладают преимущественно социокультурным происхождением и включают в себя потенциально широкий (но не очерченный теоретически) круг личностных феноменов. Среди них можно выделить отдельный подкласс, связанный со способностью индивида рефлексировать черты личности. Этот подкласс можно назвать рефлексивными адаптациями характера, которые дифференцируются как минимум на четыре вида (Щебетенко, 2015б): диспозициональную эффективность, установки на черты, отраженные черты и отраженные установки на черты. *Диспозициональная эффективность* определяется как суждения индивида о своей эффективности в ситуациях, стимулирующих проявление данной черты. *Установка*

на черту понимается как валентная (положительная/отрицательная) оценка индивидом данной черты — без прямого ее отнесения к собственной личности (Shchebetenko, 2014). *Отраженная черта* понимается как мнение индивида о том, как его черта воспринимается значимыми другими. Наконец, *отраженная установка на черту* трактуется как мнение индивида о том, какими установками на данную черту обладают значимые другие (Щебетенко, 2015а).

Рефлексивные адаптации характера могут вносить уникальный вклад в объяснение взаимосвязей черт личности с такими внешними критериями, как восприятие живописи (Щебетенко, Тютикова, 2015), успеваемость (Щебетенко, 2015а) и социометрический статус (Балабина, 2015). В этой связи можно предположить, что рефлексивные адаптации характера продемонстрируют связи с КП, независимые или инкрементные в отношении черт личности.

Структурная конфигурация рассматриваемых в данном исследовании переменных определяется следующими соображениями. Теоретически в терминах пятифакторной модели КП не является внешним продуктом ключевых элементов системы личности, так называемой объективной биографией (objective biography). Напротив, КП скорее можно интерпретировать как базовую тенденцию, альтернативную чертам личности. Р. Мак-Крей и П. Коста (McCrae, Costa, 2013) отмечают, что базовые тенденции не сводятся исключительно к «большой пятерке» черт. Напротив, базовые тенденции могут включать в себя и другие индивидуальные параметры, имеющие

ярко выраженную биологическую детерминацию. Предположительно таковыми могут быть и мнестические процессы вроде КП (например: Bishop et al., 2006). В таком случае следует предположить, что варьирование КП может влиять на адаптации характера, в том числе рефлексивные. Черты личности как базовые тенденции потенциально могут опосредовать эти эффекты в той мере, в которой КП может быть частной причиной варьирования (или ковариатой) черт личности.

Пространственная и вербальная кратковременная память

Согласно классической версии теории А. Бэддли (Baddeley, 2003), структура рабочей памяти включает в себя две подчиненные системы — зрительно-пространственный набросок (*visuospatial sketchpad*) и фонологическую петлю (*phonological loop*), соответствующие пространственной и вербальной КП, и могут иметь различные нейрогенетические основания (Baddeley, Hitch, 1974; Smith, Jonides, 1997; Wang, Bellugi, 1994). Эти основания, в частности, выражаются в межполушарной асимметрии (Gathercole, 1999) и в дифференциации симптомов при генетических патологиях (Jarrold, Baddeley, 1997). В данном исследовании для измерения пространственной и вербальной КП использовались тест П. Корси (Corsi, 1972) и задача С. Стернберга (Sternberg, 1966) соответственно. В терминах модели А. Бэддли и Г. Хитча (Baddeley, Hitch, 1974) результаты теста Корси адекватны зрительно-про-

странственному наброску (McLean, Hitch, 1999), а задачи Стернберга — фонологической петле (Gathercole, 1999). Ранее тест Корси использовался при измерении КП (Ferini-Strambi et al., 2003; Feuerstein et al., 1997), рабочей памяти (Naegele et al., 1998), мнемической эффективности (Feuerstein et al., 1997). Тест Корси чувствителен к кратковременной памяти индивида с минимальным обращением к его долговременной памяти (Bull et al., 2008).

Классическая парадигма (задача) С. Стернберга (Sternberg, 1966) использовалась для изучения времени воспроизведения вербальной информации из КП. Основной результат парадигмы заключается в том, что среднее время реакции линейно возрастает в связи с числом пунктов в серии предъявляемых вербальных стимулов (букв или цифр).

Целью данного исследования было изучение того, как связаны между собой КП и личностные структуры, определенные в ПФТ. Поскольку для постановки эксплицитных гипотез, судя по обзору литературы, недостаточно фактологического и теоретического материала, я ограничился формулированием двух исследовательских вопросов.

Q1: Демонстрируют ли пространственная и вербальная разновидности кратковременной памяти различные паттерны связи с чертами личности?

Q2: Оказывает ли кратковременная память прямые воздействия на рефлексивные адаптации характера или они опосредованы чертами личности как базовыми тенденциями?

Метод

Участники исследования

В исследовании приняли участие 1030 студентов одного из российских университетов в возрасте от 17 до 38 лет ($M = 19.65$, $SD = 1.72$). Одна участница не сообщила своего возраста. Среди участников была 691 женщина (67.1%).

Измерение

Личностные характеристики. Участники заполняли русскую версию (Shchebetenko, 2014) 44-пунктного «Вопросника Большой Пятерки» (Big Five Inventory, BFI — John et al., 1991, 2008), а также ряд его модификаций, измеряющих рефлексивные адаптации характера. В части отраженных черт и отраженных установок участников просили обратиться к образу их родителей, поскольку последние могут быть эффективной формой значимого другого для студентов (Malloy et al., 1997). Подшкалы всех вопросников продемонстрировали приемлемый уровень внутренней согласованности, $0.66 < \alpha < 0.87$. Исключение составили подшкалы «Установка на экстраверсию» и «Отраженная установка на экстраверсию», $\alpha = 0.57$ и 0.51 соответственно. Для увеличения надежности из этих подшкал были исключены три пункта: «сдержанность», «порождение энтузиазма» и

«застенчивость», в результате чего внутренняя согласованность увеличилась до $\alpha = 0.69$ и 0.65 соответственно.

Кратковременная память. Участники индивидуально выполняли тест Корси и задачу Стернберга в лаборатории, работая в группах от 3 до 15 человек. Использовались скрипты этих тестов для программы Inquisit 3.0 компании Millisecond (Inquisit 3.0, 2015). Инструкции тестов предварительно переводились на русский язык.

В тесте Корси участникам предъявлялись девять квадратов, размещенных в произвольном порядке на плоскости (экране). Квадраты в случайной последовательности меняли свой цвет (с синего на желтый и обратно), образуя серию. После этого участник должен был воспроизвести эту серию посредством курсора и мышки. Размер серии постепенно увеличивался: задание начиналось с серии в два квадрата и продолжалось до тех пор, пока участник не совершал ошибки в двух последовательных попытках для серии одинаковой длины или не достигал предельного максимума в девять квадратов. В таком виде тест Корси измеряет пространственную КП, показателем которой является количество баллов, рассчитываемых от количества успешно выполненных серий².

В задаче Стернберга участники изучали список из временной серии вербальных пунктов (цифры), после

² Возможен также реверсивный порядок, валидный замеру комплексной *рабочей* памяти: в этом случае участник должен воспроизвести серию в порядке, обратном тому, который предъявил экспериментатор, т.е. активно обработать информацию из пространственной КП (Bull et al., 2008). Этот показатель в настоящем исследовании не измерялся.

которого следовал тестовый стимул. Участник должен был как можно быстрее определить, был ли тестовый стимул представлен в изначальной временной серии. Задание повторялось 18 раз, а длина каждого стимульного блока случайно варьировалась от двух до семи элементов: таким образом, каждый участник выполнял по три попытки для серий каждого из шести возможных размеров. В качестве показателя, релевантного вербальной КП, использовалось обратное число допущенных ошибок при воспроизведении стимула.

Данные пяти участников по тесту Корси и двух участников по задаче Стернберга были утеряны. По всей видимости, это произошло случайно относительно значений их КП в генеральной совокупности, и, соответственно, отсутствующие значения заменялись методом линейного тренда к точке.

Показатель пространственной КП имел умеренную положительную асимметрию, $g_1 = 0.87$, и существенный положительный эксцесс, $g_2 = 1.22$. Показатель вербальной КП имел существенные отрицательную асимметрию, $g_1 = -2.38$, и положительный эксцесс, $g_2 = 5.43$. Для сокращения отрицательной асимметрии показатель вербальной КП возводился в куб (Revelle, 2012), что привело к значительному сокращению асимметрии и эксцесса, $g_1 = -1.31$ и $g_2 = 1.42$. Однако поскольку эти значения тем не менее выходят за пределы рекомендуемых, в дополнение для оценки статистической достоверности использовалась робастная статистика бутстраппинг. Ранее было показано, что бутстраппинг является эффективным сред-

ством контроля ошибки I рода при нарушениях нормальности распределения (Berkovits et al., 2000; Wilcox et al., 2013).

Результаты

*Кратковременная память:
дифференцированный паттерн
корреляций со структурами личности*

Пространственная КП слабо и отрицательно коррелировала с нейротизмом и открытостью опыту (таблица 1). Вербальная КП отрицательно коррелировала с добросовестностью и доброжелательностью. Кроме того, пространственная КП отрицательно коррелировала с диспозициональной эффективностью в нейротизме, отраженным нейротизмом и отраженной установкой на доброжелательность. Вербальная КП отрицательно коррелировала с диспозициональной эффективностью в добросовестности, отраженными добросовестностью и доброжелательностью, а также установкой на нейротизм. Кроме того, корреляции вербальной КП с двумя отраженными установками приблизились к конвенциональным уровням значимости. При этом с отраженной установкой на добросовестность вербальная КП коррелировала положительно, а с отраженной установкой на нейротизм — отрицательно.

*Кратковременная память и
рефлексивные адаптации
характера: прямые эффекты и
опосредования чертами личности*

*Пространственная КП. Черта
нейротизма опосредовала связь про-*

Таблица 1

Корреляции показателей кратковременной памяти с характеристиками личности

Характеристики личности	Кратковременная память	
	Пространственная (Корси)	Вербальная (Стернберг)
Черты личности		
Экстраверсия	-0.03 [-0.09; 0.03]	-0.01 [-0.06; 0.05]
Доброжелательность	0.01 [-0.05; 0.07]	-0.07 [-0.13; -0.02]
Добросовестность	-0.03 [-0.10; 0.04]	-0.11 [-0.16; -0.05]
Нейротизм	-0.09 [-0.16; -0.03]	-0.01 [-0.07; 0.04]
Открытость опыту	-0.07 [-0.13; -0.01]	0.02 [-0.04; 0.08]
Установки на черты		
Экстраверсия	-0.01 [-0.07; 0.05]	-0.05 [-0.10; 0.01]
Доброжелательность	-0.02 [-0.08; 0.03]	-0.05 [-0.10; 0.01]
Добросовестность	0.01 [-0.05; 0.07]	-0.04 [-0.10; 0.03]
Нейротизм	-0.04 [-0.09; 0.02]	-0.11 [-0.18; -0.05]
Открытость опыту	-0.04 [-0.09; 0.02]	0.02 [-0.04; 0.08]
Диспозициональная эффективность		
Экстраверсия	-0.01 [-0.08; 0.05]	-0.03 [-0.09; 0.03]
Доброжелательность	-0.01 [-0.07; 0.05]	-0.04 [-0.10; 0.02]
Добросовестность	0.00 [-0.06; 0.06]	-0.08 [-0.14; -0.02]
Нейротизм	-0.12 [-0.18; -0.06]	0.02 [-0.04; 0.08]
Открытость опыту	-0.03 [-0.09; 0.03]	0.03 [-0.03; 0.09]
Отраженные черты		
Экстраверсия	-0.04 [-0.10; 0.02]	-0.04 [-0.10; 0.02]
Доброжелательность	0.03 [-0.02; 0.09]	-0.08 [-0.13; -0.02]
Добросовестность	-0.04 [-0.10; 0.02]	-0.11 [-0.17; -0.05]
Нейротизм	-0.09 [-0.15; -0.03]	-0.01 [-0.07; 0.05]
Открытость опыту	-0.06 [-0.12; 0.01]	0.04 [-0.02; 0.10]
Отраженные установки на черты		
Экстраверсия	0.03 [-0.04; 0.09]	0.01 [-0.06; 0.07]
Доброжелательность	-0.07 [-0.13; -0.01]	0.01 [-0.05; 0.07]
Добросовестность	-0.01 [-0.06; 0.05]	0.06 [0.00; 0.14]
Нейротизм	0.00 [-0.06; 0.06]	-0.06 [-0.12; 0.00]
Открытость опыту	-0.05 [-0.11; 0.01]	-0.01 [-0.07; 0.05]

Примечание. Показатель вербальной памяти (число ошибок в задаче Стернберга) реверсирован. Полужирным выделены значения, при которых границы доверительных интервалов не включали в себя ноль, что эквивалентно отвержению нулевой гипотезы на уровне $\alpha = 0.05$.

странственной КП с диспозиционной эффективностью в нейротизме, непрямым эффектом (IE) [95%-й доверительный интервал, полученный на 5000 бутстрап-выборок] = -0.045 [-0.076 ; -0.012], $Z = 2.67$, $p = 0.008$, а также с отраженным нейротизмом, IE = -0.046 [-0.080 ; -0.013], $Z = 2.67$, $p = 0.008$.

Вербальная КП. Черта добросовестности опосредовала связь вербальной КП с диспозиционной эффективностью в добросовестности, IE = -0.027 [-0.042 ; -0.012], $Z = 3.49$, $p = 0.001$, а также с отраженной добросовестностью, IE = -0.033 [-0.052 ; -0.015], $Z = 3.49$, $p = 0.001$. Аналогично, черта доброжелательности опосредовала связь вербальной КП с отраженной доброжелательностью, IE = -0.018 [-0.032 ; -0.004], $Z = 2.35$, $p = 0.019$.

Поскольку добросовестность и отраженная установка на эту черту коррелировали с вербальной КП с противоположными знаками, мы оценили не медиацию, а совместный вклад вербальной КП и добросовестности в отраженную установку посредством множественного регрессионного анализа, $R^2 = 0.019$, $F(2, 1027) = 9.85$, $p < 0.001$. Вклад обоих предикторов в отраженную установку на добросовестность оставался существенным и независимым друг от друга: В [95%-й CI для 5000 бутстрап-выборок] = 0.015 [0.001 ; 0.031], $\beta = 0.08$, $p = 0.015$, и В = 0.070 [0.033 ; 0.110], $\beta = 0.12$, $p < 0.001$, для вербальной КП и добросовестности соответственно. Таким образом, более положительная установка на добросовестность может быть как продуктом собственно добросовестности, так и альтернативно увели-

ченной вербальной КП; при этом, напомним, сама добросовестность отрицательно коррелировала с вербальной КП.

Обсуждение

Связь черт личности с кратковременной памятью

В настоящем исследовании впервые изучается связь черт личности с двумя видами кратковременной памяти (КП): вербальной и пространственной. Предыдущие исследования касались связи черт личности с ключевым элементом рабочей памяти — центральным исполнителем, не уделяя при этом внимания двум подчиненным кратковременным системам — зрительно-пространственному наброску и фонологической петле. В этом плане представленное исследование восполняет эмпирический пробел.

Пространственная и вербальная КП продемонстрировали различный паттерн связи с чертами личности. Тем самым был получен утвердительный ответ на первый исследовательский вопрос: в то время как пространственная КП отрицательно коррелировала с нейротизмом и открытостью опыту, вербальная КП отрицательно коррелировала с доброжелательностью и добросовестностью.

Отрицательная связь пространственной КП с нейротизмом согласуется с существующими теориями и полученными ранее данными (Eysenck et al., 2005; Unsworth et al., 2009), которые поддерживают предположение о том, что нейротизм и ограничения рабочей памяти могут

считаться симптомами расстройства личности. Сравнительный анализ нейropsychологических данных показывает, что они отчасти согласуются с полученным результатом. В частности, в то время как нейротизм отрицательно коррелировал с активностью в дорсолатеральной зоне префронтального кортекса и правой прецентральной извилине (DeYoung et al., 2010), пространственная КП положительно коррелировала с активностью в нижней зоне префронтального кортекса и премоторной коре (Gathercole, 1999).

Представленное исследование показывает, что в отличие от центрального исполнителя рабочей памяти увеличение ее подчиненных систем — пространственной и вербальной КП — может сопровождаться низкими значениями в доброжелательности, добросовестности и открытости опыту. Эти данные скорее согласуются с приведенными выше результатами исследования Н. Ансворт с соавт. (Unsworth et al., 2009): как отмечалось, ими были получены отрицательные корреляции рабочей памяти с экстраверсией, добросовестностью и доброжелательностью, которые в силу сравнительно низкой мощности их исследования ($N = 138$) были, однако, проинтерпретированы как незначимые.

В частности, в данном исследовании добросовестность и доброжелательность отрицательно коррелировали с вербальной КП. Это свидетельствует о том, что добросовестность и доброжелательность могут выполнять компенсаторную функцию при ограничениях в вербальной КП, что согласуется с ранее

предоставленными данными об отрицательной связи добросовестности с интеллектом (Allik, Realo, 1997; Moutafi et al., 2004). В плане интерпретации такой связи Дж. Мутафи с коллегами (Moutafi et al., 2004, p. 1015) предполагают, что менее интеллектуальные индивиды становятся более добросовестными, чтобы справиться со своими когнитивными ограничениями, а более интеллектуальные индивиды становятся менее добросовестными, поскольку они могут полагаться при решении когнитивных задач в основном на свой интеллект. Возможно, добросовестность находится в аналогичных отношениях с вербальной КП. Аналогичным образом ограничения вербальной КП могут стимулировать просоциальное поведение, вызываемое доброжелательностью.

Дж. Костантини с соавт. (Costantini et al., 2015) обнаружили отрицательные корреляции одного из аспектов добросовестности — упорядоченности (orderliness facet), измеренной как самоотчетным эксплицитным, так и имплицитным тестами, с рабочей памятью, измеренной Automated Operation Span Task (Unsworth et al., 2005). Специфика этого теста указывает на то, что он валиден фонологической петле. Таким образом, результаты Костантини с соавт. согласуются с данными настоящего исследования. Однако, поскольку в моем случае анализ аспектов добросовестности не осуществлялся, нельзя определить то, насколько ключевую роль в этой корреляции исполняет аспект упорядоченности. Авторы предлагают двоякую интерпретацию полученных корреляций. Во-первых, они

также видят сходство их результата с данными об отрицательной связи между добросовестностью и интеллектом. Во-вторых, они предполагают, что организованность и упорядоченность среды может снижать потребность индивида в больших объемах рабочей памяти. Тем самым добросовестность выступает в роли своеобразного ингибитора этого когнитивного ресурса.

Мое исследование не подтверждает предыдущих данных о том, что КП связана с повышенной экстраверсией (Lieberman, Rosenthal, 2001) или открытостью опыту (DeYoung et al., 2005). В более широком смысле, не было найдено свидетельств и тому, что КП необходима для обеспечения пластичности (DeYoung, 2006) в системе личности. Был получен скорее опровергающий факт — отрицательная связь пространственной КП с открытостью опыту. Используемая выше компенсаторная логика может пригодиться и в данном случае: ограничения в пространственной КП могут способствовать дополнительным усилиям индивида по изучению окружающего мира и большей любознательности. Гипотетически возможно, что открытость положительно связана с центральным исполнителем рабочей памяти (согласно предположениям и данным К. ДеЯнга — DeYoung, 2006) — при ограничениях в подчиненном ее компоненте — пространственной КП.

Роль рефлексивных адаптаций характера

Результаты исследования показывают, что КП может влиять на рефлексивные адаптации характера либо

напрямую, либо опосредованно чертами личности. В плане прямых эффектов было установлено, что хотя нейротизм не коррелировал с вербальной КП, тем не менее с последней была связана отрицательная установка на эту черту личности. Иными словами, ограничения вербальной КП не связаны с нейротизмом, но, вероятно, приводят к положительному отношению к нему. Аналогично, хотя доброжелательность не коррелировала с пространственной КП, с последней коррелировало отрицательное отношение к доброжелательности, приписываемое родителям.

С другой стороны, был получен ряд не прямых эффектов, свидетельствующих о том, что связь рефлексивных адаптаций характера с КП объясняется их связью с соответствующими чертами личности. Так, ограничения в пространственной КП приводили к увеличению диспозициональной эффективности в нейротизме и отраженному нейротизму. Однако эти эффекты не были самостоятельными, а, напротив, опосредованными повышенным нейротизмом как чертой. Иными словами, ограничения в пространственной КП влияли на увеличение нейротизма, а повышенный нейротизм, в свою очередь, влиял на диспозициональную эффективность в нейротизме и отраженный нейротизм. Аналогичная ситуация наблюдалась в части связи вербальной КП с добросовестностью, доброжелательностью и их производными.

Исключением явилась специфическая связь вербальной КП с отраженной установкой на добросовестность. В данном случае негативная

связь добросовестности с вербальной КП дополнялась положительным отношением к этой черте, приписываемым родителям. Иными словами, высокие значения вербальной КП могут приводить к снижению добросовестности или пониманию, что эта черта является положительной. Правда, это мнение проецируется на значимых других. Этот факт является примером того, что рефлексивные адаптации характера могут не только производить самостоятельные воздействия или опосредовать эффекты черт личности на внешние критерии, но и выполнять компенсаторную функцию в отношении соответствующей черты.

К очевидным ограничениям полученных результатов относится следующее. Во-первых, исследование носило кросс-секционный характер, поэтому суждения о влиянии КП на черты личности и рефлексивные адаптации являются гипотетическими, хотя и обусловленными теоретическими соображениями. Во-вторых, несмотря на внушительный размер, задействованная выборка была студенческой. Тем самым достоверность полученных результатов ограничена возрастными и образовательными факторами. В-третьих, в силу того,

что многие результаты противоречат ранее полученным данным, в дальнейших исследованиях стоит включить в расчеты показатель центрального исполнителя — наряду с показателями служебных систем. В-четвертых, судя по полученным коэффициентам корреляции, связи КП с характеристиками личности имеют слабый характер, значительность которых можно зафиксировать только при выборках достаточной мощности, вроде той, которая была использована в данном исследовании. Иными словами, в исследованиях с выборками сравнительно небольшого размера авторы будут склонны принимать нулевую гипотезу, пример чему обсуждался выше. Это обстоятельство, с другой стороны, увеличивает вероятность угрозы ошибки первого рода и, соответственно, повышает необходимость репликации полученных эффектов. В случае дальнейшего подтверждения представленных в этой работе результатов можно заключить, что КП и характеристики личности связаны между собой слабо, но существенно (о роли слабых эффектов в психологии и необходимости их фиксации см., например: Cumming, 2014).

Литература

- Аведисова, А. С., Файзуллоев, А. А., Бугаева, Т. П. (2004). Динамика когнитивных функций у больных с эмоционально-лабильными расстройствами сосудистого генеза при лечении вазобралом. *Клиническая фармакология и терапия*, 13(2), 1–4.
- Балабина А. Д. (2015). Рефлексивные адаптации характера и социометрический статус. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 2(22), 55–64.
- Заика, Е. В., Кузнецов, М. А. (1989). Кратковременная память и усвоение практических умений. *Вопросы психологии*, 2, 120–123.

- Семяшкин, А. А. (2010). *Соотношение когнитивных стилей и индивидуально-психологических особенностей личности* (Кандидатская диссертация, Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Москва).
- Солсо, Р. (2006). *Когнитивная психология*. СПб.: Питер.
- Щебетенко, С. А. (2015а). Отраженные установки на черты личности как предиктор успеваемости студентов. *Психология и психотехника*, 1(76), 70–82. doi:10.7256/2070-8955.2015.1.13526
- Щебетенко, С. А. (2015б). Рефлективные адаптации характера в пятифакторной теории личности. *Психологический журнал*, 36(6), 55–65.
- Щебетенко, С. А., Тютикова, Е. А. (2015). «Картина хороша, потому что хороша открытость опыту»: опосредующая роль установок на черты личности в индивидуальных различиях отношения к живописи. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 12(4), 122–141.
- Allik, J., & Realo, A. (1997). Intelligence, academic abilities, and personality. *Personality and Individual Differences*, 23, 809–814. doi:10.1016/S0191-8869(97)00103-7
- Baddeley, A. (2003). Working memory: Looking back and looking forward. *Nature Reviews Neuroscience*, 4, 829–839. doi:10.1038/nrn1201
- Baddeley, A. D., & Hitch, G. (1974). Working memory. In G. H. Bower (Ed.), *Psychology of learning and motivation: Advances in research and theory* (Vol. 8, pp. 47–89). New York: Academic Press.
- Berkovits, I., Hancock, G. R., & Nevitt, J. (2000). Bootstrap resampling approaches for repeated measure designs: Relative robustness to sphericity and normality violations. *Educational and Psychological Measurement*, 60, 877–892. doi:10.1177/00131640021970961
- Bickel, W. K., Jarmolowicz, D. P., Mueller, E. T., Gatchalian, K. M., & McClure, S. M. (2012). Are executive function and impulsivity antipodes? A conceptual reconstruction with special reference to addiction. *Psychopharmacology*, 221, 361–387. doi:10.1007/s00213-012-2689-x
- Bishop, D. V. M., Adams, C. V., & Norbury, C. F. (2006). Distinct genetic influences on grammar and phonological short-term memory deficits: evidence from 6-year-old twins. *Genes, Brain and Behavior*, 5, 158–169. doi:10.1111/j.1601-183X.2005.00148.x
- Bull, R., Espy, K. A., & Wiebe, S. A. (2008). Short-term memory, working memory, and executive functioning in preschoolers: Longitudinal predictors of mathematical achievement at age 7 years. *Developmental Neuropsychology*, 33, 205–228. doi:10.1080/87565640801982312
- Campbell, A. M., Davalos, D. B., McCabe, D. P., & Troup, L. J. (2011). Executive functions and extraversion. *Personality and Individual Differences*, 51, 720–725. doi:10.1016/j.paid.2011.06.018
- Compton, R. J. (2000). Ability to disengage attention predicts negative affect. *Cognition and Emotion*, 14, 401–415. doi:10.1080/026999300378897
- Corsi, P. M. (1972). Human memory and the medial temporal region of the brain. *Dissertation Abstracts International*, 34(02), 891B. (University Microfilms No. AAI05–77717).
- Costantini, G., Richetin, J., Borsboom, D., Fried, E. I., Rhemtulla, M., & Perugini, M. (2015). Development of indirect measures of conscientiousness: Combining a facets approach and network analysis. *European Journal of Personality*, 29, 548–567. doi:10.1002/per.2014.
- Cumming, G. (2014). The new statistics: Why and how. *Psychological Science*, 25, 7–29. doi:10.1177/0956797613504966
- Derakshan, N., & Eysenck, M. W. (2009). Anxiety, processing efficiency, and cognitive performance. *European Psychologist*, 14, 168–176. doi:10.1027/1016-9040.14.2.168
- DeYoung, C. G. (2006). Higher-order factors of the Big Five in a multi-informant sample. *Journal of Personality and Social Psychology*, 91, 1138–1151. doi:10.1037/0022-3514.91.6.1138

- DeYoung, C. G., Hirsh, J. B., Shane, M. S., Papademetris, X., Rajeevan, N., & Gray, J. R. (2010). Testing predictions from personality neuroscience: Brain structure and the Big Five. *Psychological Science, 21*, 820–828. doi:10.1177/0956797610370159
- DeYoung, C. G., Peterson, J. B., & Higgins, D. M. (2005). Sources of openness/intellect: Cognitive and neuropsychological correlates of the fifth factor of personality. *Journal of Personality, 73*, 825–858. doi:10.1111/j.1467-6494.2005.00330.x
- Eysenck, M., Payne, S., & Derakshan, N. (2005). Trait anxiety, visuospatial processing, and working memory. *Cognition and Emotion, 19*, 1214–1228. doi:10.1080/02699930500260245
- Ferini-Strambi, L., Baietto, C., Di Gioia, M. R., Castaldi, P., Castronovo, C., Zucconi, M., & Cappa, S. F. (2003). Cognitive dysfunction in patients with obstructive sleep apnea (OSA): partial reversibility after continuous positive airway pressure (CPAP). *Brain Research Bulletin, 61*, 87–92. doi:10.1016/S0361-9230(03)00068-6
- Feuerstein, C., Nalgele, B., Pepin, J.-L., & Levy, P. (1997). Frontal lobe-related cognitive functions in patients with Sleep Apnea Syndrome before and after treatment: The relationship between sleep and cognitive functions during wakefulness. *Acta Neurologica Belgica, 97*, 96–107. Retrieved from <http://cat.inist.fr/?aModele=afficheN&cpsidt=2714326>
- Fleming, K. A., Heintzelman, S. J., & Bartholow, B. D. (2015). Specifying associations between conscientiousness and executive functioning: Mental set shifting, not prepotent response inhibition or working memory updating. *Journal of Personality*. Advanced online publication. doi:10.1111/jopy.12163
- Gathercole, S. E. (1999). Cognitive approaches to the development of short-term memory. *Trends in Cognitive Sciences, 3*, 410–419. doi:10.1016/S1364-6613(99)01388-1
- Gray, J. R., & Braver, T. S. (2002). Personality predicts working-memory-related activation in the caudal anterior cingulate cortex. *Cognitive, Affective, and Behavioral Neuroscience, 2*, 64–75. doi:10.3758/CABN.2.1.64
- Hinson, J. M., Jameson, T. L., & Whitney, P. (2003). Impulsive decision making and working memory. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 29*, 298–306. doi:10.1037/0278-7393.29.2.298
- Inquisit 3.0. (2015). Computer software. Seattle, WA: Millisecond Software.
- Jarrold, C., & Baddeley, A. D. (1997). Short-term memory for verbal and visuospatial information in Down's syndrome. *Cognitive Neuropsychiatry, 2*, 101–122. doi:10.1080/135468097396351
- Jensen-Campbell, L. A., Rosselli, M., Workman, K. A., Santisi, M., Rios, J. D., & Bojan, D. (2002). Agreeableness, conscientiousness, and effortful control processes. *Journal of Research in Personality, 36*, 476–489. doi:10.1016/S0092-6566(02)00004-1
- John, O. P., Donahue, E. M., & Kentle, R. L. (1991). *The Big Five Inventory – Versions 4a and 5a*. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research.
- John, O. P., Naumann, L. P., & Soto, C. J. (2008). Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy: History, measurement, and conceptual issues. In O. P. John, R. W. Robins, & L. A. Pervin (Eds.), *Handbook of personality: Theory and research* (pp. 114–158). New York: Guilford Press.
- Lieberman, M. D., & Rosenthal, R. (2001). Why introverts can't always tell who likes them: Multitasking and nonverbal decoding. *Journal of Personality and Social Psychology, 80*, 294–310. doi:10.1037/0022-3514.80.2.294
- Linnenbrink, E. A., Ryan, A. M., & Pintrich, P. R. (1999). The role of goals and affect in working memory functioning. *Learning and Individual Differences, 11*, 213–230. doi:10.1016/S1041-6080(00)80006-0

- Malloy, T. E., Albright, L., Kenny, D. A., Agatstein, F., & Winquist, L. (1997). Interpersonal perception and metaperception in nonoverlapping social groups. *Journal of Personality and Social Psychology*, *72*, 390–398. doi:10.1037/0022-3514.72.2.390
- McCrae, R. R., & Costa, P. T., Jr. (1996). Toward a new generation of personality theories: Theoretical contexts for the five-factor model. In J. S. Wiggins (Ed.), *The Five-factor model of personality: Theoretical perspectives* (pp. 51–87). New York: Guilford Press.
- McCrae, R. R., & Costa, P. T., Jr. (2013). Introduction to the empirical and theoretical status of the five-factor model of personality traits. In T. A. Widiger & P. T. Costa, Jr. (Eds.), *Personality disorders and the five-factor model of personality* (3rd ed., pp. 15–27). Washington, DC: American Psychological Association.
- McLean, J. F., & Hitch, G. J. (1999). Working memory impairments in children with specific arithmetic learning difficulties. *Journal of Experimental Child Psychology*, *74*, 240–260. doi:10.1006/jecp.1999.2516
- Moutafi, J., Furnham, A., & Paltiel, L. (2004). Why is conscientiousness negatively correlated with intelligence? *Personality and Individual Differences*, *37*, 1013–1022. doi:10.1016/j.paid.2003.11.010
- Murdock, K. W., Oddi, K. B., & Bridgett, D. J. (2013). Cognitive correlates of personality: Links between executive functioning and the big five personality traits. *Journal of Individual Differences*, *34*, 97–104. doi:10.1027/1614-0001/a000104
- Muris, P., Bos, A. E. R., Mayer, B., Verkade, R., Thewissen, V., & Dell’Avvento, V. (2009). Relations among behavioral inhibition, Big Five personality factors, and anxiety disorder symptoms in non-clinical children. *Personality and Individual Differences*, *46*, 525–529. doi:10.1016/j.paid.2008.12.003
- Naegele, B., Pepin, J. L., Levy, P., Bonnet, C., Pellat, J., & Feuerstein, C. (1998). Cognitive executive dysfunction in patients with obstructive sleep apnea syndrome (OSAS) after CPAP treatment. *Sleep*, *21*, 392–397.
- Nairne, J. S. (1996). Short-term/working memory. In E. L. Bjork & R. A. Bjork (Eds.), *Memory* (pp. 101–128). San Diego, CA: Academic Press.
- Park, S., & McTigue, K. (1997). Working memory and the syndromes of schizotypal personality. *Schizophrenia Research*, *26*, 213–220. doi:10.1016/S0920-9964(97)00051-0
- Revelle, W. (2012). *An introduction to psychometric theory with applications in R*. Retrieved from <http://www.personality-project.org/>
- Savine, A. C., McDaniel, M. A., Shelton, J. T., & Scullin, M. K. (2012). A characterization of individual differences in prospective memory monitoring using the Complex Ongoing Serial Task. *Journal of Experimental Psychology: General*, *141*, 337–362. doi:10.1037/a0025753
- Shchebetenko, S. (2014). “The best man in the world”: Attitudes toward personality traits. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, *11*(3), 129–148.
- Smith, E. E., & Jonides, J. (1997). Working memory: A view from neuroimaging. *Cognitive Psychology*, *33*, 5–42. doi:10.1006/cogp.1997.0658
- Sternberg, S. (1966). High-speed scanning in human memory. *Science*, *153*(3736), 652–654. doi:10.1126/science.153.3736.652
- Unsworth, N., Heitz, R. P., Schrock, J. C., & Engle, R. W. (2005). An automated version of the operation span task. *Behavior Research Methods*, *37*, 498–505. doi:10.3758/BF03192720
- Unsworth, N., Miller, J. D., Lakey, C. E., Young, D. L., Thadeus, J., Keith, W., & Goodie, A. S. (2009). Exploring the relations among executive functions, fluid intelligence, and personality. *Journal of Individual Differences*, *30*, 194–200. doi:10.1027/1614-0001.30.4.194

- Wang, P. P., & Bellugi, U. (1994). Evidence from two genetic syndromes for a dissociation between verbal and visual-spatial short-term memory. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, *16*, 317–322. doi:10.1080/01688639408402641
- Wilcox, R., Carlson, M., Azen, S., & Clark, F. (2013). Avoid lost discoveries, because of violations of standard assumptions, by using modern robust statistical methods. *Journal of Clinical Epidemiology*, *66*, 319–329. doi:10.1016/j.jclinepi.2012.09.003
- Williams, P. G., Suchy, Y., & Kraybill, M. L. (2010). Five-Factor Model personality traits and executive functioning among older adults. *Journal of Research in Personality*, *44*, 485–491. doi:10.1016/j.jrp.2010.06.002

Щебетенко Сергей Александрович —старший научный сотрудник, кафедра психологии развития, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: психология личности и индивидуальных различий, стереотипы и предубеждения, имплицитные установки, психометрика, прикладная статистика в психологии.

Контакты: shebetenko@rambler.ru

The Relationship between Personality and Short-Term Memory: The Role of Traits and Reflexive Characteristic Adaptations

Sergei A. Shchebetenko^a

^a Perm State University, 15 Bukireva str., Perm, 614990, Russian Federation

Abstract

Although investigators traditionally pay attention to the relationship between cognitive processes and personality, the review of the existing literature uncovers a lack of research on the links between personality traits and short-term memory, as compared to the ample studies of the role which the working memory's central executive (Baddeley, 2003) plays regarding personality. In addition, these studies mostly examined particular traits or conventional personality taxonomies rather than their possible derivatives. In this regard, the present study addresses the role of reflexive characteristic adaptations as a structural element of personality system in terms of the five-factor theory (McCrae & Costa, 1996, 2013). Spatial short-term memory, measured with Corsi test, correlated ($N = 1,030$) with neuroticism and low openness to experience. On the contrary, verbal short-term memory, measured with the Sternberg task, correlated negatively with conscientiousness and agreeableness. Therefore, as compared to central executive, an increase in its slave subsystems spatial short-term memory and verbal short-term memory correlated with decreased agreeableness, conscientiousness, openness, and emotional stability.

Moreover, short-term memory demonstrated a range of links with reflexive characteristic adaptations including direct, indirect (mediated by traits), and compensatory (compared to traits) correlations. In particular, although neuroticism did not relate to verbal short-term memory, a negative attitude toward neuroticism did relate to this type of memory. In a similar fashion, although agreeableness did not relate to spatial short-term memory, a negative meta-attitude toward agreeableness (i.e., an attitude ascribed to one's parents) did relate to this type of memory. A negative link between conscientiousness and verbal short-term memory was supplemented with a positive attitude toward conscientiousness. The present findings are analysed in the context of previous studies, future implications and perspectives are discussed.

Keywords: five-factor theory; personality traits; characteristic adaptations; short-term memory; working memory.

References

- Allik, J., & Realo, A. (1997). Intelligence, academic abilities, and personality. *Personality and Individual Differences, 23*, 809–814. doi:10.1016/S0191-8869(97)00103-7
- Avedisova, A. S., Fajzulloev, A. A., & Bugaeva, T. P. (2004). Dinamika kognitivnykh funktsii u bol'nykh s emotsional'no-labil'nymi rasstroistvami sosudistogo geneza pri lechenii vazobralom [The dynamics of cognitive functions in patients with organic emotionally labile disorder of vascular genesis treated with Vasobral]. *Klinicheskaya Farmakologiya i Terapiya, 13*(2), 1–4.
- Baddeley, A. (2003). Working memory: Looking back and looking forward. *Nature Reviews Neuroscience, 4*, 829–839. doi:10.1038/nrn1201
- Baddeley, A. D., & Hitch, G. (1974). Working memory. In G. H. Bower (Ed.), *Psychology of learning and motivation: Advances in research and theory* (Vol. 8, pp. 47–89). New York: Academic Press.
- Balabina, A. D. (2015). Refleksivnyie adaptatsii kharaktera i soziometricheskii status [Reflexive characteristic adaptations and sociometric status]. *Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology", 2*(22), 55–64.
- Berkovits, I., Hancock, G. R., & Nevitt, J. (2000). Bootstrap resampling approaches for repeated measure designs: Relative robustness to sphericity and normality violations. *Educational and Psychological Measurement, 60*, 877–892. doi:10.1177/00131640021970961
- Bickel, W. K., Jarmolowicz, D. P., Mueller, E. T., Gatchalian, K. M., & McClure, S. M. (2012). Are executive function and impulsivity antipodes? A conceptual reconstruction with special reference to addiction. *Psychopharmacology, 221*, 361–387. doi:10.1007/s00213-012-2689-x
- Bishop, D. V. M., Adams, C. V., & Norbury, C. F. (2006). Distinct genetic influences on grammar and phonological short-term memory deficits: evidence from 6-year-old twins. *Genes, Brain and Behavior, 5*, 158–169. doi:10.1111/j.1601-183X.2005.00148.x
- Bull, R., Espy, K. A., & Wiebe, S. A. (2008). Short-term memory, working memory, and executive functioning in preschoolers: Longitudinal predictors of mathematical achievement at age 7 years. *Developmental Neuropsychology, 33*, 205–228. doi:10.1080/87565640801982312
- Campbell, A. M., Davalos, D. B., McCabe, D. P., & Troup, L. J. (2011). Executive functions and extraversion. *Personality and Individual Differences, 51*, 720–725. doi:10.1016/j.paid.2011.06.018

- Compton, R. J. (2000). Ability to disengage attention predicts negative affect. *Cognition and Emotion*, *14*, 401–415. doi:10.1080/026999300378897
- Corsi, P. M. (1972). Human memory and the medial temporal region of the brain. *Dissertation Abstracts International*, *34*(02), 891B. (University Microfilms No. AAI05–77717).
- Costantini, G., Richetin, J., Borsboom, D., Fried, E. I., Rhemtulla, M., & Perugini, M. (2015). Development of indirect measures of conscientiousness: Combining a facets approach and network analysis. *European Journal of Personality*, *29*, 548–567. doi:10.1002/per.2014.
- Cumming, G. (2014). The new statistics: Why and how. *Psychological Science*, *25*, 7–29. doi:10.1177/0956797613504966
- Derakshan, N., & Eysenck, M. W. (2009). Anxiety, processing efficiency, and cognitive performance. *European Psychologist*, *14*, 168–176. doi:10.1027/1016-9040.14.2.168
- DeYoung, C. G. (2006). Higher-order factors of the Big Five in a multi-informant sample. *Journal of Personality and Social Psychology*, *91*, 1138–1151. doi:10.1037/0022-3514.91.6.1138
- DeYoung, C. G., Hirsh, J. B., Shane, M. S., Papademetris, X., Rajeevan, N., & Gray, J. R. (2010). Testing predictions from personality neuroscience: Brain structure and the Big Five. *Psychological Science*, *21*, 820–828. doi:10.1177/0956797610370159
- DeYoung, C. G., Peterson, J. B., & Higgins, D. M. (2005). Sources of openness/intellect: Cognitive and neuropsychological correlates of the fifth factor of personality. *Journal of Personality*, *73*, 825–858. doi:10.1111/j.1467-6494.2005.00330.x
- Eysenck, M., Payne, S., & Derakshan, N. (2005). Trait anxiety, visuospatial processing, and working memory. *Cognition and Emotion*, *19*, 1214–1228. doi:10.1080/02699930500260245
- Ferini-Strambi, L., Baietto, C., Di Gioia, M. R., Castaldi, P., Castronovo, C., Zucconi, M., & Cappa, S. F. (2003). Cognitive dysfunction in patients with obstructive sleep apnea (OSA): partial reversibility after continuous positive airway pressure (CPAP). *Brain Research Bulletin*, *61*, 87–92. doi:10.1016/S0361-9230(03)00068-6
- Feuerstein, C., Nalgele, B., Pepin, J.-L., & Levy, P. (1997). Frontal lobe-related cognitive functions in patients with Sleep Apnea Syndrome before and after treatment: The relationship between sleep and cognitive functions during wakefulness. *Acta Neurologica Belgica*, *97*, 96–107. Retrieved from <http://cat.inist.fr/?aModele=afficheN&cpsidt=2714326>
- Fleming, K. A., Heintzelman, S. J., & Bartholow, B. D. (2015). Specifying associations between conscientiousness and executive functioning: Mental set shifting, not prepotent response inhibition or working memory updating. *Journal of Personality*. Advanced online publication. doi:10.1111/jopy.12163
- Gathercole, S. E. (1999). Cognitive approaches to the development of short-term memory. *Trends in Cognitive Sciences*, *3*, 410–419. doi:10.1016/S1364-6613(99)01388-1
- Gray, J. R., & Braver, T. S. (2002). Personality predicts working-memory–related activation in the caudal anterior cingulate cortex. *Cognitive, Affective, and Behavioral Neuroscience*, *2*, 64–75. doi:10.3758/CABN.2.1.64
- Hinson, J. M., Jameson, T. L., & Whitney, P. (2003). Impulsive decision making and working memory. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, *29*, 298–306. doi:10.1037/0278-7393.29.2.298
- Inquisit 3.0. (2015). Computer software. Seattle, WA: Millisecond Software.
- Jarrold, C., & Baddeley, A. D. (1997). Short-term memory for verbal and visuospatial information in Down's syndrome. *Cognitive Neuropsychiatry*, *2*, 101–122. doi:10.1080/135468097396351

- Jensen-Campbell, L. A., Rosselli, M., Workman, K. A., Santisi, M., Rios, J. D., & Bojan, D. (2002). Agreeableness, conscientiousness, and effortful control processes. *Journal of Research in Personality, 36*, 476–489. doi:10.1016/S0092-6566(02)00004-1
- John, O. P., Donahue, E. M., & Kentle, R. L. (1991). *The Big Five Inventory – Versions 4a and 5a*. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research.
- John, O. P., Naumann, L. P., & Soto, C. J. (2008). Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy: History, measurement, and conceptual issues. In O. P. John, R. W. Robins, & L. A. Pervin (Eds.), *Handbook of personality: Theory and research* (pp. 114–158). New York: Guilford Press.
- Lieberman, M. D., & Rosenthal, R. (2001). Why introverts can't always tell who likes them: Multitasking and nonverbal decoding. *Journal of Personality and Social Psychology, 80*, 294–310. doi:10.1037/0022-3514.80.2.294
- Linnenbrink, E. A., Ryan, A. M., & Pintrich, P. R. (1999). The role of goals and affect in working memory functioning. *Learning and Individual Differences, 11*, 213–230. doi:10.1016/S1041-6080(00)80006-0
- Malloy, T. E., Albright, L., Kenny, D. A., Agatstein, F., & Winquist, L. (1997). Interpersonal perception and metaperception in nonoverlapping social groups. *Journal of Personality and Social Psychology, 72*, 390–398. doi:10.1037/0022-3514.72.2.390
- McCrae, R. R., & Costa, P. T., Jr. (1996). Toward a new generation of personality theories: Theoretical contexts for the five-factor model. In J. S. Wiggins (Ed.), *The Five-factor model of personality: Theoretical perspectives* (pp. 51–87). New York: Guilford Press.
- McCrae, R. R., & Costa, P. T., Jr. (2013). Introduction to the empirical and theoretical status of the five-factor model of personality traits. In T. A. Widiger & P. T. Costa, Jr. (Eds.), *Personality disorders and the five-factor model of personality* (3rd ed., pp. 15–27). Washington, DC: American Psychological Association.
- McLean, J. F., & Hitch, G. J. (1999). Working memory impairments in children with specific arithmetic learning difficulties. *Journal of Experimental Child Psychology, 74*, 240–260. doi:10.1006/jecp.1999.2516
- Moutafi, J., Furnham, A., & Paltiel, L. (2004). Why is conscientiousness negatively correlated with intelligence? *Personality and Individual Differences, 37*, 1013–1022. doi:10.1016/j.paid.2003.11.010
- Murdock, K. W., Oddi, K. B., & Bridgett, D. J. (2013). Cognitive correlates of personality: Links between executive functioning and the big five personality traits. *Journal of Individual Differences, 34*, 97–104. doi:10.1027/1614-0001/a000104
- Muris, P., Bos, A. E. R., Mayer, B., Verkade, R., Thewissen, V., & Dell'Avvento, V. (2009). Relations among behavioral inhibition, Big Five personality factors, and anxiety disorder symptoms in non-clinical children. *Personality and Individual Differences, 46*, 525–529. doi:10.1016/j.paid.2008.12.003
- Naegele, B., Pepin, J. L., Levy, P., Bonnet, C., Pellat, J., & Feuerstein, C. (1998). Cognitive executive dysfunction in patients with obstructive sleep apnea syndrome (OSAS) after CPAP treatment. *Sleep, 21*, 392–397.
- Nairne, J. S. (1996). Short-term/working memory. In E. L. Bjork & R. A. Bjork (Eds.), *Memory* (pp. 101–128). San Diego, CA: Academic Press.
- Park, S., & McTigue, K. (1997). Working memory and the syndromes of schizotypal personality. *Schizophrenia Research, 26*, 213–220. doi:10.1016/S0920-9964(97)00051-0
- Revelle, W. (2012). *An introduction to psychometric theory with applications in R*. Retrieved from <http://www.personality-project.org/>

- Savine, A. C., McDaniel, M. A., Shelton, J. T., & Scullin, M. K. (2012). A characterization of individual differences in prospective memory monitoring using the Complex Ongoing Serial Task. *Journal of Experimental Psychology: General*, *141*, 337–362. doi:10.1037/a0025753
- Semyashkin, A. A. (2010). *Sootnoshenie kognitivnykh stilei i individual'no-psikhologicheskikh osobennostei lichnosti* [The relationship between cognitive styles and individual characteristics of personality] (PhD dissertation, Sholokhov Moscow State University for Humanities, Moscow).
- Shchebetenko, S. (2014). “The best man in the world”: Attitudes toward personality traits. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, *11*(3), 129–148.
- Shchebetenko, S. A. (2015a). Otrazhennyye ustanovki na cherty lichnosti kak prediktor uspevaemosti studentov [Meta-attitudes toward personality traits as a predictor of academic achievement]. *Psikhologiya i Psikhotehnika*, *1*(76), 70–82. doi:10.7256/2070-8955.2015.1.13526
- Shchebetenko, S. (2015b). Refleksivnyye adaptatsii kharaktera v pyatifaktornoj teorii lichnosti [Reflexive characteristic adaptations within the five-factor theory of personality framework]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, *36*(6), 55–65.
- Shchebetenko, S. A., & Tutikova, E. A. (2015). “The picture is good because openness to experience is good”: The mediating role of attitudes toward personality traits in individual differences in painting preferences. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, *12*(4), 122–141. (in Russian)
- Smith, E. E., & Jonides, J. (1997). Working memory: A view from neuroimaging. *Cognitive Psychology*, *33*, 5–42. doi:10.1006/cogp.1997.0658
- Solso, R. (2006). *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. Saint Petersburg: Piter. (Transl. of: Solso, R. (1995). *Cognitive psychology* (4th ed.). Boston: Allyn and Bacon).
- Sternberg, S. (1966). High-speed scanning in human memory. *Science*, *153*(3736), 652–654. doi:10.1126/science.153.3736.652
- Unsworth, N., Heitz, R. P., Schrock, J. C., & Engle, R. W. (2005). An automated version of the operation span task. *Behavior Research Methods*, *37*, 498–505. doi:10.3758/BF03192720
- Unsworth, N., Miller, J. D., Lakey, C. E., Young, D. L., Thadeus, J., Keith, W., & Goodie, A. S. (2009). Exploring the relations among executive functions, fluid intelligence, and personality. *Journal of Individual Differences*, *30*, 194–200. doi:10.1027/1614-0001.30.4.194
- Wang, P. P., & Bellugi, U. (1994). Evidence from two genetic syndromes for a dissociation between verbal and visual-spatial short-term memory. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, *16*, 317–322. doi:10.1080/01688639408402641
- Wilcox, R., Carlson, M., Azen, S., & Clark, F. (2013). Avoid lost discoveries, because of violations of standard assumptions, by using modern robust statistical methods. *Journal of Clinical Epidemiology*, *66*, 319–329. doi:10.1016/j.jclinepi.2012.09.003
- Williams, P. G., Suchy, Y., & Kraybill, M. L. (2010). Five-Factor Model personality traits and executive functioning among older adults. *Journal of Research in Personality*, *44*, 485–491. doi:10.1016/j.jrp.2010.06.002
- Zaika, E. V., & Kuznetsov, M. A. (1989). Kratkovremennaya pamyat' i usvoenie prakticheskikh umenii [Short-term memory and practical skills learning]. *Voprosy Psikhologii*, *2*, 120–123.

Sergei A. Shchebetenko — senior research fellow, Department of Developmental Psychology, Perm State University, Ph.D.
E-mail: shebetenko@gmail.com

PSYCHOLOGICAL STUDIES OF THOUGHT: THOUGHTS ABOUT A CONCEPT OF THOUGHT

V.D. SHADRIKOV^a, S.S. KURGINYAN^a, O.V. MARTYNOVA^{a, b}

^a*National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

^b*Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of Russian Academy of Sciences, 5A Butlerova str., Moscow, 117485, Russian Federation*

Abstract

The concept of thought has always been central to understanding the nature of human thinking in psychological studies. However, the main question of what is thought still remains unanswered. The origins of the issue lie in the definition of the original unit of analysis, i.e. in the definition of what lies at the heart of image, belief, imagination, speech, consciousness, and thinking. Based on available studies, results of which were reflected in recent publications it was argued that thought should be such an original unit of analysis. This article explores the concept of thought based on cognitive constructs and the neurophysiological correlates of mental activity. The present study is addressed to discuss issues dealing with the nature of thought, its content and structure, and the relationships between indicators of substantial thought and the neurobiological correlates of the process of thinking. Structurally thought is based on needs, emotions and intensions, and as such, thought defines the substantive essence of an image and also represents consciousness. Coherence of thoughts and consciousness, their integrity reflect the connectivity of things from the external world in their entirety. Thus, the ability to generate thoughts and build relationships within the stream of consciousness characterizes the human mind. It is shown that thought as a cognitive substance emerges from desires and experiences, as well as from conscious perception. Taken together, the described psychological and neurophysiological assumptions open up new horizons for research into human mental activity, thinking abilities and consciousness.

Keywords: cognitive neuroscience, motivation, thinking, thought, thought generation.

Introduction

Aristotle considered thought as essential to the understanding of human nature. Moreover, he argued that all the virtues of soul are related either to temperament or to thought (Aristotle, ca. 350 BCE/1930). Over the next two millennia, the best minds

of humankind have been turning their attention to the question of thought nature. A sufficiently complete analysis of this matter is contained in the study of Zinchenko (2012) who attempted to pull together facts concerning the experience of thinking about thinking. However, the problems of thought were gradually left behind by psychology.

The study was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2015. The article was also granted by Russian Academic Excellence Project '5-100'.

Moreover, even the thinking process began to be viewed in isolation from the concept of thought.

Experimental and empirical data accumulated over the past half-century allows us to raise the question of the need to study human thought in various aspects, starting with its definition and structure. In support of the above we present an estimation of the dynamics of interests in psychology made by Rita L. Atkinson. She noted that over the past century the point that had been the focus of attention in psychology had made a full circle. After rejecting the experience of consciousness as the object of psychology because of being of little use for scientific analysis and turning to the study of external observable behaviors, psychology again returned to the construction of theories of hidden aspects of the mind, this time having better tools for scientific research (Atkinson, Smith, Bem, & Nolen-Hoeksema, 2000). It is safe to say that the same applies to a thought as an object of psychological investigation. Forgotten along with the psychology of consciousness thought shall once again become one of the most important research subjects in psychology.

New non-invasive neurocognitive technologies give hope for discovery of the relationship between brain activity and consciousness. However, despite a certain progress in finding brain mechanisms of cognitive actions, the essence of thinking mechanisms remains a mystery. It seems to us that origins of the issue lie in defining the original unit of analysis, in defining what is the basis of an image, idea, word, consciousness, and thinking. In our view, human *thought* should serve as such an original unit of analysis.

In the present research we rely on three methodological principles of psychological studies introduced by Sergey L. Rubinstein (1973). The first principle is *the principle of psychophysical unity* which has two aspects to it. One aspect is that the connection between mind and its substrate can be explained as the relationship between structure and function, whereas the other aspect is that the connection of consciousness is defined as a reflection and as knowledge with the object reflected in it. The second principle is *the principle of unity of consciousness and activity*. According to that principle, thought is always functional by nature and reflects motivation of an individual (who is seen as a subject of an activity). Finally, the third principle (used as a basis for our investigation), is *the principle of unity of knowledge and experience*. It assumes studying the connection between thoughts and experiences.

At first, let us examine the process of thought generation from the standpoint of neuropsychological knowledge using the principle of psychophysical unity. This issue was of interest to Ivan M. Sechenov, who studied the physiological mechanism of thought generation at the level of physiological beliefs of his time. In particular, he stated that separateness of objects corresponds to separateness of physiological perception responses and their traces in the neural organization; comparing them with each other corresponds to continuity of propagation of neural processes in acts of perception, while links (directions of comparison) correspond to partial similarity between successive perception responses and their traces in memory (Sechenov, 1938). While per-

ceiving the same object repeatedly in variable objective and subjective conditions of perception, an individual distinguishes some of the object's attributes and at the same time perceives it as a whole. Such simultaneous perception of an object and its attributes, as noted by Sechenov, is an actual *substantive* thought.

Contemporary neuropsychological studies allow us to turn to the examination of psychological functions and, in particular, processes of perception on the part of the brain processes which implement them. According to Karl Pribram, in the 1960s behavioral psychology appreciated the main idea of gestalt psychology that subjectively experienced consciousness is such an important part of the biological and conscious world that it shall not be ignored in the study of behavior (Pribram, 1971). Therefore, respectable psychologists proceeded to studying such processes as learning, thinking and attention. Pribram wrote that by the end of the sixties, the problems of image generation were discussed at meetings of psychologists openly and without risk. Two of the central issues of those studies were investigation of neuropsychological mechanisms of image creation and the problem of distinguishing image attributes. Studies conducted with microelectrodes showed the existence of neurons that responded only to a certain stimulus, i.e. a direction of movement, a slope of line, etc. According to Pribram, recognition of structures is a result of the extraction of attributes at the entry, which occurs due to individual neurons or small groups of neurons, and the perception of visual structures is carried out by a hierarchical system of such

attribute detectors. Another characteristic feature of attributes extraction is the fact that it occurs with the participation of memory neurons, and that perception system itself is self-adaptive and being controlled by its own history (Ibid.). Based on his own studies and other scientific data Pribram concludes that it is wrong to view perceptual processes as an imageless analysis of attributes. Attributes are always associated with a certain image and such *association with an image is a substantive thought*. This system of relations between image and its attributes is *the essence of learning process*. In addition, since the relationship between attribute and image is implemented through thought, *the essence of the learning process is determined by the relationships of thoughts*. Also assumptions set forth by Vekker (1976) should be noted that procedural dynamics of mechanism and integral characteristics of the results in a psychological act are attributed to different subjects: one to an organ, and the other to an object.

Significant factual material that sheds light on the neuropsychological basis of thought generation and operation can be found in the research carried out by Natalia P. Bekhtereva (1978). In her studies the inseparable relationship between emotional and mental activity was shown that served as an experimental confirmation of our assumption about the unity of intellectual, motivational and emotional components in thought. On the basis of numerous findings of the structural and functional organization of human brain, Bekhtereva suggested that mental activity was ensured by ensembles of both cortical and deep brain structures. She highlighted that it was necessary to

maintain a reasonable attitude towards the material basis of mental activity and to conduct a focused and increasingly deep search in its decoding. However to discover what is *ideal* we need to try to exceed the limits of materialism (Ibid.).

A similar opinion is expressed by Tatyana N. Ushakova in her research on the problem of relationship between speech and thought. She emphasizes that it is paradoxical that to this day given issue escapes from solution and remains rather mysterious (Ushakova, 2011). Giving an explanation of this situation, she points out that “its invincibility lies in the fact that it is necessary to trace the connection between the two seemingly disjoint areas of the human mind: the sphere of non-material consisting of human consciousness, thoughts and feelings, on the one hand, and physical and material phenomena of sounding or recorded speech – on the other” (Ibid., p. 210).

One of the interesting approaches to solving the problem of consciousness is contained in the theory of information synthesis by Ivanitskii (1997), according to which conscious perception occurs because of circulation of impulses with activation of memory centers, including hippocampus, and circulation of motivational structures with the subsequent return of excitation to the projection cortex. This mechanism makes it possible to compare and synthesize information on the physical and signaling properties of a stimulus, which we believe is the basis of objective thought about perceived images.

Modern brain research techniques such as direct detection of firing activity of neurons and neural populations, study of EEG, positron emission tomography (PET), functional mag-

netic resonance imaging (fMRI), steady pathological conditions, along with neurochemical methods, allowed to start a macro mapping of the brain for higher cognitive functions. For instance, various methods of fMRI signal processing make it possible to study visual perception from the sensory level to the higher associative level in the brain (Haxby, 2012). The other progressive line of research is devoted to speech perception mapping, including perception of individual speech sounds (Formisano, De Martino, Bonte, & Goebel, 2008; Maiorova, Martynova, Fedina, & Petrushevskii, 2013), as well as elements of the semantic analysis (Hagoort & Levelt, 2009). In addition to visual and verbal images decoding, fMRI allows under certain experimental paradigms to determine neural networks of higher brain functions such as a decision-making process (Klucharev, Hytönen, Rijpkema, Smidts, & Fernández, 2009) and the functional substrate of spatial and verbal thinking (Ivanitskii et al., 2013).

Although it is undeniable that thoughts have neural correlates, there is still a fundamental question of what the mapping of active brain regions really tells us about actual cognitive mechanisms and brain functioning in general. Even though definition of thought-specific structures and their interactions using brain mapping with noninvasive neuroimaging is an important tool, it is not sufficient for understanding of the process of thinking (especially since brain regions active at the time of different mental operations tend to overlap, while within more complex cognitive tasks more cortical regions can be active). This overlap of functions in different anatomical brain

regions is a counterargument for the majority of localization theories, that sways modern scholars towards systemic and dynamic concepts of the most complex cognitive mechanisms, including the objective thinking as well. In the Russian neuroscience principles of functional systems were offered by Anokhin (2013) in order to explain the work of individual neurons and neural ensembles, as well as of higher mental functions. The systemic view of the brain functioning, similarly to Cartesianism, borrows mechanistic or rather cybernetic principles. For instance, the concept of reverse afferentation offered by Anokhin intersects with the cybernetic concept of feedback offered by Wiener (1965). At the end of the 20th century the introduction of mathematical concepts into the theory of mind, consciousness and thinking found a greater response in neurophysiological and psychological studies. For instance, an American physicist and engineer Arthur S. Iberall became the founder of homeokinetics theory, physics of complex systems (Soodak & Iberall, 1978), the principles of which are also used to define mental activity, where dynamic thinking and general dynamic adaptive properties of neural system are explained by the physical concept of the system metastability. The meaning of metastability is based on the understanding of information-related self-organizing dynamic systems, such as brain and thinking. In coordination dynamics of metastability is the result of a broken symmetry of the system of combined (nonlinear) oscillations. According to dynamic functional organization certain parts of the brain tend to operate independently and at the same time

tend to operate in coordination with each other (Kelso, 2008). A number of researchers acknowledge that metastable dynamics of the brain module networks may be the basis of mechanisms of different cognitive functions, including consciousness (Edelman, 2003; Freeman & Holmes, 2005). How does the concept of the metastable dynamics help in understanding of mind? The contents of mind and the dynamics of thinking are inextricably linked. Thoughts are not static: as in the flow of a river they appear and disappear as patterns of a constantly changing dynamic system. The content of thoughts depends on activated neural structures. Thoughts arise from within, along with the activation of neural structures associated with memory and emotions, such as hippocampus and amygdala. Thoughts can be triggered from the outside by a familiar sound, touch, smell or visual object. A dynamic interplay of these structures occurs in accordance with the principles of metastability. However, much remains for understanding on what the content of consciousness is, which by nature depends on the context.

It seems to us that origins of the problem lie in the definition of the original unit of analysis, i.e. in the definition of what lies at the heart of image, belief, imagination, speech, consciousness, and thinking. Based on available studies, results of which were reflected in the recent publications (Shadrikov, 2013, 2014), we argue that *thought* shall be such an original unit of analysis.

Thought as a substantive being

Based on the above neurophysiological background for the process of

thought generation and the basic principles of psychological studies, we will try to answer the question: "What is thought?" For this purpose we shall start with a brief analysis of the function of psyche as a whole, as well as what kind of place is given to thought in it.

It is generally accepted that the psyche has evolved to ensure survival of living organisms, and increasing complexity of environment caused its development. However, what does *to ensure survival* mean? It means to avoid danger to life and find what is needed for feeding the organism and continuing the genus and species. What does this require? It requires the psyche to be able to provide the survival-related information about the outside world and organize behavior in accordance with the available information on the current state of environment and experience. In general, this means that the psyche controls the individual's relationship with the outside world in order to build behavior maintaining his *existence* or his life. First of all, an individual must *be an entity*. Beyond this entity all problems of human existence are gone. *To be* means to exist in the world; human life can be defined as existence in the outside world, from birth to death, through active interaction with the outside world, the cause of which lies in the human nature (Shadrikov & Cheremoshkina, 1990). The basis on the need of *being* is the most important methodological principle in the studying of human psyche.

Thus, the psyche always has a *functional* nature. A function of the psyche is to provide a person with information about environment and to build adaptive behavior.

We limit the following discussion only to the function of learning. What does it mean *to learn*? Firstly it means to be able to distinguish single objects (a thing as well as a phenomenon or occurrence) within environment, secondly to differentiate individual attributes of those objects, and thirdly to assign a meaning to those attributes to ensure survival and development. In the framework of psychological categories, differentiation of objects and their attributes is carried out within the processes of feeling and perception. Results of the process are *images of objects* and their attributes. Thus, the first function of psyche is to produce images and attributes of objects of the outside world. It is important to emphasize the unity of an object's image and its attributes. This is a key point because an image without attributes turns into a phantom. *The unity of an object's image and its attributes is expressed in thoughts*. As such, thought carries the link between image and its attributes.

Having examined the mechanism of integrating an object's image and thoughts about properties of that object we actually approached the problem of image *interpretation*. This means filling an image with thoughts and reflecting properties of the object represented in such an image. Image interpretation occurs within human behavior and activity, and has a functional nature, i.e. thought's properties detected in image (if any), which are important for actual behavior, are also important for problem solving within such behavior.

Examining the process of perception Myasishev (1960) noted its meaningfulness. In considering such meaning-

fulness he highlighted that perception content was of subjective importance to a perceiver rather than the relationship of individual objective components of perception. Here subjective is seen as something that is introduced by the subject, but not present in the perceived object. This is a very important point. Thought is always subjective, unlike information.

Defining thought content and structure

Having observed thought through the relationship between an object and its attributes, we found only one aspect of thought. It is important to note that perception, as has been already mentioned, has a functional nature, and attributes of a perceived object always have functional nature as well, i.e. they are directly related to an activity or act performed by the perceiver. Consequently, an object attribute is endowed with a certain meaning determined by the essence of performed activities. Thus, we can say that thought not only reflects relationship between an object and its attributes, but it is also endowed with a certain content, expressed in terms of the meaning of a perceived attribute. In other words, relationship between an attribute and image is ensured by thought which carries a certain functional content. In this case we are dealing with implementation of the psychophysical principle as interpreted by Rubinstein (1973). On the one hand, thought reflects the relationship between a neuropsychological substrate and psychological function, and on the other hand, the content of thought reflects its relationship with the perceived object.

Herewith the image content has functional nature, which shows the principle of unity of consciousness and activity in action.

Based on the points made we could examine the substantial characteristic of thought.

It has been noted that thought reflects the objective content. Every thought captures only one side of an object. Moreover, initially image is associated with thoughts related to the outer side of the object. Further, the content of these thoughts (external attributes) is disclosed. A person seeks to establish their *meaning and subjective significance*. This disclosure of the meaning of thoughts is the essence of the process of *intellectualization*. This process occurs within the human life activity. Image and its attributes expressed by thoughts (what may be called thought-attributes) become included into life where their semantics is established. Thus each "thought-attribute" gains a particular individually meaningful content (meaning) and therefore thought becomes enriched. Here it should be said that any thought-attribute included in various situations or various forms of life activities will be endowed with new content.

Thought is always subjective since it is produced by a "thinking individual". As such we are dealing with the process of thought subjectivation that, as already mentioned, has three stages. The first stage is the thinking individual's need objectivation within a thought. The second stage is the thought "wrapping" in moral statutes of the individual. The third stage is sociocultural subjectivation of thoughts. To the extent to which an individual is raised in a particular cul-

ture, they will perceive the external world in the context of such culture. For example, for someone the poppy is a flower and a plant with apotropaic properties, while for a Russian peasant it used to be an object which had some magic power and protected from evil. For a contemporary of ours the marten is an animal with valuable fur, while within folk culture it is an animal with female, marital, erotic and weaving symbolism. A doll may be seen as an attribute of children's games, while in folk beliefs it is an object for rituals and magic acts. The word "circle" in the modern sense means a mathematical figure, while in the traditional sense it is the most important mythological symbol that reflects the cyclical nature of time, division into "us and them", motion in circle has a special symbolic meaning. Details of different ethnolinguistic meanings of various concepts of Slavic culture can be found in the ethnolinguistic vocabulary (Tolstoy, 2005–2011).

People who have grown up in different cultures will endow the same objects with different (non-matching) meanings, and their thoughts arising therewith will be different. On this occasion, Spengler (1991) wrote that we were hardly even able to imagine how many great thoughts from other cultures found in us their destruction, because based on our thinking and its borders, we either were not able to assimilate them or believed that they were false, useless, and meaningless. Therefore, filling an image with thoughts will depend on socio-cultural factors.

Another factor that we have already touched upon is the dependence of thought on the moral statutes of an

individual. Above we quoted Aristotle's opinion that all the virtues of the soul are related either to temperament or to thought. Now we need to go further. Thought itself depends on human morality. Here we are dealing with conjunction rather than with disjunction. Bergson (1935) subtly noted that in human prehistory mind and morality existed in unity as a whole. Mind and morality are contained within each other. Moreover, when looking back into history, we can find morality closer to mind and mind closer to morality than in the modern world. The mind used to design moral requirements. Morality led societies and individual behaviors within societies. However, even nowadays mind is enmeshed and controlled by morality, and in morality we can see activities of mind. Morale directs perception and determines not only the perceived image of things (objects, phenomena, events), but also the content of these images and thoughts associated with them. Influence of morality requirements on thoughts and images can also be classified to the process of image intellectualization. It must be noted that usually image is understood as an image of a thing, but we have not made a mistake when we attribute image to phenomena and events. If we define image as a specific system of thoughts related therewith, then phenomena and events will also have their images.

Bernstein (1967) showed (perhaps with very few exceptions) that no movement could be coordinated by the leading level of movement scheme alone. At the beginning of shaping a new motor skill all corrections of movement are made by the "initiator level". The situation changes as each technical

aspect and detail of performed complex movements sooner or later find a specific level among the lower levels whose afferentations are most relevant to the given movement according to the provided sensory corrections. Therefore, a multilevel motor scheme develops gradually as a result of successive switches and leaps. The movement scheme is controlled by the leading level which is most relevant to the semantic structure of the motor act and which provides only the most basic, semantically decisive motor corrections. We assume that Bernstein's *leading level of corrections and separate parameters of motor acts* are reflected in certain thoughts. In general, movement (action) is perceived as an image of movement, while action alone is perceived as an image of a motor action filled with individual thoughts on the parameters of movement.

Finally, the process of thought intellectualization determined by the needs of *a thinking individual* should be examined. As shown by studies carried out in the school of Konstantin V. Sudakov, relevant needs related to a vital constant generate a motivational state that determines an active attitude towards stimuli of the outside world, triggers past experience and thereby contributes to a focused organization of behavior. It is shown that chemical selectivity of cortical mechanisms arises from dominant motivation, and selection of the outside world stimuli which are capable of meeting the relevant need takes place (Sudakov, 1993). It is important to note that motivational state associated with a relevant need is accompanied by emotions. Consequently, an objectified need in the form of qualities of items from the

external world is also followed by emotions. Therefore, thought that reflects the connection of need with qualities of items from the external world, which are capable of meeting the relevant need, is accompanied by *experience*.

Although we have used the terms "emotion" and "experience", at the level of neuropsychological mechanisms of behavior organization we speak about a neural substrate regulating the goal-oriented behavior and use the language of biological terms. On the psychological level of the problem analysis, we speak about desire, will, thought, image and experience. The neural substrate of emotions in this case acts as a system of biological detectors that transforms a signal about the need into a sensation (feeling) of pleasure-displeasure, under the influence of which the biological need is *experienced* as a psychological fact. Experience can be realized and not realized. There is a threshold of the experience awareness. Therefore, taking into account the functional nature of mind, thought as a reflection of certain qualities of an object, which can satisfy the relevant need, is accompanied by experience.

As a summary of the above stated it is possible to propose *the structure of thought*. It consists of three components: *content, need* and *experience*. The unity of these three components represents thought as a *living knowledge*. Because of the connection with needs and experiences thought is different from information which is characterized only by its content. We believe that unique characteristics of thought and, consequently, of image lie within such structure and are manifested in the fact that people think with thoughts. Thought is a *substance* based

on *needs, emotions* and *intentions* (conceptions formed by directing mind towards an object). As such, it enters an individual's inner world. In this form it is stored in the human memory: connected with objects of the external world and their qualities as well as human needs and experiences.

Having defined the thought's content and structure we have to introduce a further point for consideration. That is the relationship between thought and information.

A founder of cybernetics, Norbert Wiener, defined information as one's own content of themselves and their feelings obtained from the outside world in the process of adapting to it (Wiener, 1965). In this definition Wiener emphasizes that information is the content which deals with properties of objects from the external world and that information exists independently from the person who obtains it through mental processes. At the same time in this definition we see that there is a connection between information and a *learning* subject, although the line of reasoning on its conditionality by motives and feelings related to learning is not developed. In most studies of the use of information in technical devices this relationship is completely lost. Content as information characteristic of an object becomes dominant. In this case, the subject (person) deals with information models of the outside world. Content in these models is represented at the level of *meanings*, allowing different users, firstly human beings, to understand the information. Most frequently we use words "concept" and "conception" to express *meanings*. These words represent a specific code for transmitting

information from one human being (source) to another (recipient).

Thought not only contains information but also carries motivational and emotional components. A person generates a thought which becomes a part of the person's existence, and because of that this thought has a definite meaning to the person. For a particular person the outside world is represented in the content of consciousness, above all, in the form of a *semantic model* that reflects the content with its relevance to a particular human life. These semantic models form the content of an individual mind and its perceived part that is consciousness. In consciousness the outside world is represented by external information and semantic models that overlap but are not identical. Thus, an appeal to thought as an initial construct allows us to understand the relationships between thought and information, information models and semantic models.

Thought generation

Having examined the nature of thought and its representation within the human psyche we shall address an issue of *how thought is generated*. To answer this question, we should rely upon the methodological principle formulated above on the role of the psyche in ensuring human existence.

Traditionally, researchers look for an answer to the above mentioned issue in a cognitive sphere. It can be explained by the fact that they proceed from the concept of "information" and its role in the organization of behavior and activity. Relying on our understanding of thought as a need-emotion-intentional substance we would like to

state a hypothesis that *thought emerges from desires and experiences*. Desire directs search for an object and/or an action that can meet the relevant motive. As such desire creates a thought about the object that can meet the relevant need. *Desire* directs the search and *is shaped in the process of objectification into thought*, and the thought begins to act in unity with motivation and content related to the object that can meet the need. So desire can be related not only to an object, but also to *an action*, in that case there is a thought for a specific action. Transition from desire to thought has three stages. In the beginning the motive (need) appears as a wanting that can be realized or not realized (first stage), then wanting under certain conditions transforms into desire that is *objectified and expressed in a thought about the object of desire* (second stage), and finally the thought about the desirable object is implemented through a thought about an action. This is a process of thought generation that involves thinking. It works with the content of psyche, which reflects the substance of thought about objects that can satisfy the need, required actions and conditions of life activities. Thinking implements the decision-making function or choices such as what object and in what way can meet the relevant motive (discharge the motivational state). This can be exemplified in the situation that deals with student.

Let us say you are a student. A second or third lesson of the day is over. You start feeling hungry. You understand that you want to eat. Passing by the cafeteria, you walk in and depending on what is on the counter and how

much money you have, you decide to purchase a specific product (a salad, a patty, etc.) At this stage, your wanting transforms into a specific desire that is implemented in the act of purchase. Most purchases are made according to this scheme, and successful advertising works by translating your motive to be attractive into wanting to buy, and then into a desire to purchase a particular item. However, let us see how the above scheme looks from the side of the process of thought generation. Awareness of hunger produces the *thought* that it is time to eat something. This, in turn, produces the thought of how to do it. Perhaps you have a sandwich that you brought from home. If you have nothing, a thought is produced that it is necessary to go to a cafeteria; the perception of products in the cafeteria produces a thought of what you would like to eat. A desire of a particular item produces a thought of its cost and a thought of your financial capabilities. Next a thought of what you will buy is produced, which is then translated into a thought of what you should do. The process is completed with purchasing of an item that will be consumed by you as food. The process can continue, if you do not find that you have eaten enough or have doubts whether you have bought the right item, etc.

In this example it is important to emphasize that thought is produced out of desire. It deploys the thinking process associated with an assessment of factors that ensure satisfaction of desire. It should be pointed out that a motive (need) is reflected in every thought which leads to the production of such a thought. Every thought is accompanied by certain experiences related to the motivation which created

such a thought. The described process of thought generation superimposes processes of biological motivation (Sudakov, 1993) and through them acquires its ontological essence. The mechanism of behavior motivation conceals the process of producing the objective (substantial) thought. The central point of this mechanism is establishing the properties of an object from the external world which ensure meeting the needs and maintaining the existence of an individual. At the same time, object properties are associated with object and motivation. A link between property and object, as shown earlier, is expressed by thought which is associated with motivation producing such a thought in the first place. This is how the outside world is learned and transformed within the inner world into a semantic model.

On the psychological level, the process of thought generation in meeting relevant motivations includes past experiences, knowledge of thought attributes describing the individual objects and their subjective significance, conditions of satisfaction of the relevant motivation and consequences of such satisfaction. In short, every step of thought generation is described by a deployed decision-making process in which the thought plays a leading role. The content of the psyche associated with satisfaction of a motive within thinking processes leads to specific solutions reflected in respective thoughts. A set of thoughts related to meeting relevant motivation is integrated into a *mental semantic model* associated with a particular life activity. Such a model can switch from the current state into a potential state and can be actualized again when a similar

situation occurs. These transitions shape patterns of behavior and activity. Thus, understanding of the process of thought generation from needs and experiences can only be possible if thought is presented as a substance based on needs, emotions and intentions.

Let us consider another example that deals with *feelings* as a key point in understanding of *the process of thought generation*. An excellent example is given by a Roman philosopher Lucius Annaeus Seneca in his work "Moral letters to Lucilius" (Seneca, 2011). The author argues on who can consider themselves lucky. Here it should be noted that "consider themselves" can be understood here as "think of themselves as." Addressing to Epicurus Seneca says one who does not consider himself as the most blissful is unhappy even if he rules the world. Then he refutes his own statement in his dialogue with Lucilius by asking what would you say if one who has made a fortune dishonestly declares oneself blissful and can one become blissful upon one's own declaration?" For Seneca this is a rhetorical question because it doesn't matter what he thinks, as only what he feels is important and not something that he's feeling today but what he always feels (Ibid.). So, a person may *think* of himself as happy if he always *feels* happy. Therefore, a feeling is the basis of thought. In addition, this feeling mainly refers to moral well-being. In this respect, we can refer to the indicative argument of Henri Bergson about the relationship between emotion and feeling. He stated that there are emotions that create thought, for example, even invention (although it is an intellectual phenomenon) may have

emotional components. In keeping with this argumentation we see that emotion with respect to subsequent mental states is a cause and not a consequence. Emotion can create new ideas. It is super-intellectual (Bergson, 1935).

The premise is that the process of thought generation is determined by consciousness should be addressed to consideration. The content of consciousness is currently realized as a part of an individual mind. Here “current” means important at this time of life of a particular individual, passing from a potential content of mind into an active form. While studying the content of consciousness in psychology, we always deal with *personal* consciousness. By its nature, any thought is produced by the subject of life activities, therefore, *every thought carries with it* not only qualities of an object from the external world, but also *qualities of its generator*. Therefore, every thought is *personal*. In their unity and substantial integrity thoughts form part of the content of personal consciousness. Thoughts of different individuals in relation to the same object are not identical (we do not undertake now to discuss the question of the significance of these differences). On this occasion, even James (1892) stated that the worst that psychology could do was to begin to interpret the nature of personal consciousness, depriving it of individual value. In this case, under the personal consciousness James considers “related sequences of thoughts, created as such” (Ibid., p. 114).

Coherence of thoughts and consciousness, their integrity reflect the connectivity of things from the external world in their entirety. This con-

nectedness is our understanding of the outside world, since individual thoughts when produced have a functional nature. Violation of this integrity is the problem of misunderstanding, which is one of the central problems in educational psychology. It comes from the fact that the content of textbooks reflects thoughts of the authors, and we have noted that personal contents of consciousness are not identical. When we speak about producing a thought related to an object, we note that such a thought is related to the personal consciousness, to the subject who produces such a thought. However, this is only one side. The other is related to the situation in which there exists an object which is associated with thought. In light of this, we understand why our view on the same object changes in different periods of our lives and in different situations. Human consciousness constantly interprets subject environment (generates new thoughts). Ability to *generate thoughts* and *build relationships* within the stream of consciousness characterizes the human mind, or intelligence.

Conclusion

Theoretical searches based on interdisciplinary data allow us to make certain judgments about what is *thought* and how *thought* is generated. We assume that thought is created from needs and feelings. Moreover, to the same extent to which our needs and feelings cannot be recognized, we cannot recognize thoughts produced by such needs and feelings. Thus, since we are aware of only a small portion of our needs and feelings, we are not aware of a significant part of our thoughts. The

ontological essence of thought lies in the mechanism of thought generation from feelings and needs. Only at the level of awareness of “what I want and what I wish”, thoughts can be generated about “what I want and what I wish”, and this stage involves *substantive thought* on “what I want and what I wish”. In order to realize the fact of wanting there is a threshold of needs and experiences. Virtually everyone has experienced the state of vague wanting or feelings. It is shaped by unconscious thoughts about wanting. This desire or experience may not be objectified. In the beginning thought focuses on the need or feeling, and only at the stage of implementation of such a need there comes a thought about an

action or about an object for meeting the need or about a task related to a specific purpose. In terms of the metastable dynamic system of neural networks, neural mechanisms of the thought process tend to be a particular attractor (a possible object of thought), but if there is another strong enough factor, the dynamic system of brain switches to such another attractor. This mechanism explains the phenomenon of thoughts leaping, as well as the fact that many mental processes are unconscious. Taking together, the described psychological and neurophysiological assumptions open up new horizons for research into human mental activity, thinking abilities and consciousness.

References

- Anokhin, P. K. (2013). *International Series of Monographs in Cerebrovisceral and Behavioral Physiology and Conditioned Reflexes: Vol. 3. Biology and neurophysiology of the conditioned reflex and its role in adaptive behavior*. Elsevier Science.
- Aristotle. (1930). *De anima* [On the soul] (J. A. Smith, Trans.). In W. D. Ross (Ed.), *The works of Aristotle* (Vol. 3). Oxford: Clarendon Press. Retrieved from <http://psychclassics.yorku.ca/Aristotle/De-anima/index.htm>
- Atkinson, R. L., Smith, E. E., Bem, D. J., & Nolen-Hoeksema, S. (2000). *Hilgard's introduction to psychology* (13th ed.). Orlando, FL: Harcourt College Publishers.
- Bekhtereva, N. P. (1978). *The neurophysiological aspects of human mental activity* (2nd ed.). New York: Oxford University Press.
- Bergson, H. (1935). *The two sources of morality and religion*. New York: Henry Holt and Company.
- Bernstein, N. A. (1967). *The co-ordination and regulation of movements*. Oxford: Pergamon Press.
- Edelman, G. M. (2003). Naturalizing consciousness: A theoretical framework. *Proceedings of the National Academy of Science*, 100(9), 520–524. doi:10.1073/pnas.0931349100
- Formisano, E., De Martino, F., Bonte, M., & Goebel, R. (2008). “Who” is saying “what”? Brain-based decoding of human voice and speech. *Science*, 322(5903), 970–973. doi:10.1126/science.1164318
- Freeman, W. J., & Holmes, M. D. (2005). Metastability, instability, and state transition in neocortex. *Neural Networks*, 18, 497–504.
- Hagoort, P., & Levelt, W. J. (2009). Neuroscience. The speaking brain. *Science*, 326(5951), 372–373. doi:10.1126/science.1181675
- Haxby, J. V. (2012). Multivariate pattern analysis of fMRI: the early beginnings. *NeuroImage*, 62(2), 852–855. doi:10.1016/j.neuroimage.2012.03.016

- Ivanitskii, A. M. (1997). Sintez informacii v kljuchevyh otdelah kory kak osnova sub'ektivnyh perezhivaniy [Informational synthesis in crucial cortical area as the brain base of the subjective experience]. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatelnosti Imeni I.P. Pavlova*, 47(2), 209–225.
- Ivanitskii, A. M. Portnova, G. V., Martynova, O. V., Maiorova L. A., Fedina, O. N., & Petrushevskii, A. G. (2013). Kartirovanie mozga pri verbal'nom i prostranstvennom myshlenii [Brain mapping in verbal and spatial thinking]. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatelnosti Imeni I.P. Pavlova*, 63(6), 677–686.
- James, W. (1892). *Psychology: Brief course*. New York: Harper.
- Kelso, J. A. S. (2008). An essay on understanding the mind. *Ecological Psychology*, 20(2), 180–208. doi:10.1080/10407410801949297
- Klucharev, V., Hytönen, K., Rijpkema, M., Smidts, A., & Fernández, G. (2009). Reinforcement learning signal predicts social conformity. *Neuron*, 61(1), 140–151. doi:10.1016/j.neuron.2008.11.027
- Maiorova, L. A., Martynova, O. V., Fedina, O.N., & Petrushevskii, A.G. (2013). FMRI-study of speech perception impairment in post-stroke patients with sensory aphasia. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatelnosti Imeni I.P. Pavlova*, 63(3), 328–337.
- Myasishev, V. N. (1960). *Lichnost i nervozy* [Personality and neurosis]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta.
- Pribram, K. H. (1971). *Languages of the brain: Experimental paradoxes and principles in neuropsychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Rubinstein, S. L. (1973). *Osnovy obshchei psikhologii* [Issues of general psychology]. Moscow: Pedagogica.
- Sechenov, I. M. (1938). *Biographical sketch and essays*. North Stradford, NH: Ayer Co Pub.
- Seneca, L. A. (2011). *Moral letters to Lucilius – Letters from a stoic* (R.M. Gummere, Trans., Kindle ed.). Michael Hussey Publisher.
- Shadrikov, V. D. (2013). *Psikhologija dejatel'nosti cheloveka* [Psychology of human activity]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Shadrikov, V. D. (2014). Thought as an object for psychological study. *Psihologicheskii Zhurnal*, 4, 130–137.
- Shadrikov, V. D., & Cheremoshkina, L. V. (1990). *Mnemicheskie sposobnosti: razvitie i diagnostika* [Mnemonic abilities: development and diagnostics]. Moscow: Pedagogiy.
- Soodak, H., & Iberall, A. (1978). Homeokinetics: a physical science for complex systems. *Science*, 201(4356), 579–582.
- Spengler, O. (1991). *The decline of the West*. New York: Oxford University Press.
- Sudakov, K. V. (1993). Brain neuronal mechanisms of motivation and reinforcement: system organization of behavior. *Journal of Integrative Physiology and Behavioral Science*, 28(4), 396–407.
- Tolstoy, N. I. (Ed.). (2005–2011). *Slavjanskije drevnosti* [Slavic antiquities]. Moscow: Publishing House “International Relations”.
- Ushakova, T. N. (2011). *Rozhdenie slova: Problemy psikhologii rechi i psiholingvistiki* [The birth of a word. Problems of speech psychology and psycholinguistics]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Vekker, L. M. (1976). *Psihicheskie processy: Myshlenie i intellekt* [Mental process: Thinking and intellect] (Vol. 3). Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta.
- Wiener, N. (1965). *Cybernetics or Control and communication in the animal and the machine* (2nd ed.). Cambridge, MA: The MIT Press.

Zinchenko, V. P. (2012). An experience of thinking about thinking. In F. E. Vasilyuk, V. P. Zinchenko, B. G. Meshcheryakov, V. A. Petrovsky, B. I. Pruzhinin, & T. G. Shchedrin (Eds.), *Metodologija psichologii: problemy i perspektivy* [Methodology of psychology: issues and prospects] (pp. 207–230). Moscow/Saint Petersburg: Centr Gumanitarnyh Inicativ.

Vladimir D. Shadrikov — professor, academic supervisor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, D.Sc.

Research area: mental development, human abilities, intellectual operations, structural organization of human thought, process of thought generation.

E-mail: shadrikov@hse.ru

Sergey S. Kurginyan — associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, laboratory head, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, The Scientific-Educational Laboratory of Ability Psychology, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.

Research area: compensatory and adaptive mechanisms, mental resources, self-relation.

E-mail: skurginyan@hse.ru

Olga V. Martynova — head, Human higher nervous activity laboratory, Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology Russian Academy of Sciences; senior research fellow, Centre for Cognition & Decision Making, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.

Research area: cognitive neuroscience, consciousness and neuroimaging of cognitive functions.

E-mail: olmart@mail.ru, omartynova@hse.ru

Психологическое изучение мысли: Размышления о концепте «мысль»

В.Д. Шадриков^а, С.С. Кургинян^а, О.В. Мартынова^{а,б}

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

^б *Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, 117485, Россия, Москва, ул. Бутлерова, д. 5А*

Резюме

Мысль как один из конструктов психологического исследования всегда являлась ключевым понятием при изучении мышления человека. Тем не менее вопрос о том, что такое мысль человека, не являлся предметом исследования. Истоки этой проблемы коренятся в понимании «единицы анализа», т.е. того, что же составляет единицу анализа образа, убеждения, воображения, речи, сознания и мышления в целом. Опираясь на имеющиеся исследования, результаты которых обсуждаются в современных публикациях, высказывается и обосновывается утверждение, что единицей такого анализа должна выступать мысль. В настоящей статье рассматривается понимание мысли с опорой на когнитивные конструкты и нейрофизиологические корреляты ментальной активности человека. Данное исследование обращено к обсуждению вопросов, относящихся к сущности мысли, ее содержания и структуры, связи свойств предметной мысли с нейробиологическими коррелятами процесса мышления, мыслительной деятельности. Структурно мысль представлена как потребностно-эмоционально-содержательная субстанция, определяющая предметную сущность образа вещи (предмета), отраженного в сознании. Единство мыслей и сознания, их целостность представлены в связи вещей с внешним миром. Отсюда способность человека продуцировать мысли и устанавливать связи в потоке сознания будет характеризовать его ум. В настоящем исследовании было показано, что мысль, как когнитивная субстанция, возникает из потребностей и переживаний, так же как и осмысленного восприятия. Рассмотренные психологические и нейрофизиологические предпосылки открывают новые перспективы для исследования ментальной активности человека, его мыслительных способностей и сознания в целом.

Ключевые слова: когнитивная нейронаука, мотивация, мышление, мысль, порождение мысли.

Исследование подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ) в 2015 году. Статья представлена по проекту Russian Academic Excellence Project '5–100'.

Шадриков Владимир Дмитриевич — профессор, научный руководитель, факультет социальных наук, департамент психологии, научно-учебная лаборатория психологии способностей, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», академик РАО, доктор психологических наук.

Сфера научных интересов: психология деятельности, способностей и ментальных качеств человека, индивидуализация способностей человека, эволюция мысли (культурно-исторический аспект, онтология мысли, мысль и познание).

Контакты: shadrikov@hse.ru

Кургиян Сергей Сергеевич — заведующий лабораторией, факультет социальных наук, департамент психологии, научно-учебная лаборатория психологии способностей, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, MA in Human Relations, доцент.

Сфера научных интересов: компенсаторно-адаптивные механизмы, психические ресурсы, отношение личности к себе.

Контакты: skurginyan@hse.ru

Мартынова Ольга Владимировна — заведующий лабораторией, лаборатория высшей нервной деятельности человека, Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии Российской академии наук; старший научный сотрудник, Центр нейроэкономики и когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Ph.D.

Сфера научных интересов: мышление, сознание, речь.

Контакты: omartynova@hse.ru

Короткие сообщения

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СОТРУДНИКОВ КОНТАКТНОГО ЦЕНТРА

Е.Н. БОЧКАРЕВА^а

^аНовосибирский государственный технический университет, 630073, Россия, Новосибирск, просп. Карла Маркса, д. 20

Резюме

Контактный центр — это физическая локация, куда направляются звонки от клиентов компании. Основные ожидания от оператора контактного центра связаны с эффективностью его работы: устойчивостью к стрессу и профессиональному выгоранию, способностью сохранять эмоциональную стабильность и влиять на эмоции клиента. Эти способности связывают с компетенциями эмоционального интеллекта. Исследования показали, что высокий уровень эмоционального интеллекта снижает интенсивность негативных эмоций и уменьшает риск развития профессионального выгорания. Однако вопрос взаимосвязи эмоционального интеллекта и развития профессионального выгорания у операторов контактных центров остается малоизученным. Целью данного исследования стало изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта и синдрома профессионального выгорания у сотрудников контактного центра. Участники исследования — 185 человек, операторы контактного центра телекоммуникационной компании. Использованы следующие методики: опросник Профессиональное выгорание, опросник ЭмИн. Исследование показало, что компетенции эмоционального интеллекта и профессиональное выгорание взаимосвязаны. Так, межличностный эмоциональный интеллект связан со всеми компонентами профессионального выгорания. Внутрличностный интеллект, понимание эмоций и управление эмоциями — с эмоциональным истощением и редукцией профессиональных достижений. Установлено, что высокий уровень профессионального выгорания связан с низким уровнем всех компонентов эмоционального интеллекта. Исследование позволило расширить понимание взаимосвязи эмоционального интеллекта и профессионального выгорания у сотрудников контактного центра. Выдвинутая гипотеза подтвердилась: существует взаимосвязь эмоционального интеллекта и профессионального выгорания операторов. Дальнейшее направление исследования может быть направлено на понимание особенностей этой взаимосвязи, анализ ситуационных и личностных факторов, оказывающих влияние на компоненты эмоционального интеллекта сотрудников, а также на вероятность развития у них синдрома профессионального выгорания.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, эмоциональный интеллект, сервисные профессии, стаж работы оператора.

В последние годы в психологии активно разрабатывается проблема профессионального выгорания сотрудников. Проведено большое количество исследований, касающихся выгорания социальных работников, врачей и учителей (Мальцева, 2005; Adriaenssens et al., 2015; Кор et al., 1999), количество исследований особенностей выгорания операторов контактных центров ограничено. Операторы контактного центра — это категория специалистов, подверженная риску профессионального выгорания, сами операторы часто описывают свою работу как скучную, напряженную и совмещенную с высоким уровнем стресса (Chambel, Castanheira, 2012).

Контактный центр — это локация, куда направляются звонки от клиентов компании. Он обеспечивает продажи, маркетинг, клиентский сервис, техническую поддержку и другие специализированные направления бизнеса (Maeve Houlihan, 2001). Восприятие клиентом компании связано с качеством сервиса, который предоставляет контактный центр. Когда покупателям нравится обслуживание, они продолжают взаимодействие с организацией, что порождает конкуренцию между контактными центрами (Жеглова, 2007). Основные ожидания от оператора, связанные с эффективностью его работы, — это устойчивость к стрессу и профессиональному выгоранию, способность сохранять эмоциональную стабильность и влиять на эмоции клиента. Эти способности связывают с компетенциями эмоционального интеллекта (Гюлман, 2008; Люсин, 2004; Westman et al., 2005).

Синдром профессионального выгорания — состояние физического, эмоционального и умственного истощения личности, которое включает в себя три основных составляющих: *эмоциональную истощенность* (проявляется в пониженном эмоциональном фоне, равнодушии и эмоциональном перенасыщении), *деперсонализацию* (негативизм, циничное отношение к клиентам и коллегам) и *редукцию профессиональных достижений* (тенденция к негативной самооценке, занижение своих профессиональных результатов и успехов, преуменьшение собственного достоинства) (Leiter, Maslach, 1999). Сотрудник с высоким эмоциональным истощением, обесценивающий собственную работу и равнодушный к клиентам и коллегам, приносит компании убыток в нескольких областях: компания теряет клиентов, увольнение сотрудника вынуждает компанию тратить человеческие и финансовые ресурсы на поиск новых сотрудников и их обучение. Сам сотрудник перестает чувствовать удовлетворение от своего труда, у него снижается настроение, недовольство работой может влиять и на другие стороны его жизни, приводить к развитию психосоматических нарушений (Водопьянова, 2013; Leiter, Maslach, 1999, 2009; Maslach, 2003).

Как показывают исследования К. Маслач, П. Лейтера и др., уровень выгорания сотрудника зачастую является следствием внешних условий, таких как рабочая нагрузка, качество вознаграждения, отношения на рабочем месте, честность компании по отношению к клиентам и сотрудникам, совпадение ценностей

сотрудника с требованиями организации (Maslach, Leiter, 2008).

Обусловленность выгорания социальными факторами приводит к тому, что тренинги и консультации, направленные на снижение уровня выгорания, оказываются малоэффективными без системных изменений в организации (Maslach, 2003).

Тем не менее личностные особенности сотрудников также влияют на развитие у них профессионального выгорания. Так, исследования обнаруживают взаимосвязь между выгоранием и нейротизмом (Димова, 2010; Hills, Norvell, 1991; Zellars et al., 2000), люди с высоким уровнем нейротизма эмоционально нестабильны и склонны к дистрессу. Демографический анализ показал, что выгоранию в большей степени подвержены одинокие люди, чем состоящие в браке и молодые сотрудники. Кроме того, мужчины несколько больше склонны к деперсонализации, чем женщины (Leiter, Maslach, 2009).

По мнению ряда исследователей, эмоциональный интеллект может стать ресурсом преодоления синдрома профессионального выгорания (Солодкова, 2011). Эмоциональный интеллект (ЭИ) рассматривается как совокупность способностей, знаний, умений и навыков, позволяющих управлять собственными эмоциями и создавать благоприятную эмоциональную атмосферу коммуникации. Высокий уровень ЭИ, по мнению Р.Г. Макфарланда, позволяет снизить интенсивность негативных эмоций и предотвратить развитие эмоционального истощения, которое часто развивается в результате длительного переживания индивидом отрицательных эмоций (McFarland et al.,

2015). Способность управлять собственными эмоциями предполагает, что оператор с высоким ЭИ имеет возможность отключаться от особенно сильных эмоций в те моменты, когда они могут препятствовать решению задач, а значит, снизить влияние стрессовых факторов.

В. Дулевич утверждает, что более высокий уровень эмоционального интеллекта связан с более низким уровнем стресса (Dulewicz, Higgs, 2003). По мнению М. Муравен, существуют разные способы справиться со стрессом. Один из них — это повышение контроля за угрожающими стимулами. Для этого необходимо переопределить общую стратегию распределения внимания. Необходимость контроля увеличивается, если угроза непредсказуема или неуправляема (Muraven, Baumeister, 2000). Другой способ регулировать стресс — это угнетение или изменение негативных эмоций и возбуждения (Ibid.). Так, например, люди, которые отвечают на стрессовые ситуации угнетением, как правило, сообщают о меньшем уровне стресса (Derryberry, Rothbart, 1988). Остановка эмоций, переключение внимания в целом способствуют снижению уровня стресса (Muraven, Baumeister, 2000).

Люди с высоким уровнем эмоционального интеллекта могут лучше отстраняться от негативных эмоций, их оценка и переоценка являются более качественными, что позволяет им регулировать уровень стресса и помогает прервать эскалацию цикла стресса (McFarland et al., 2015).

Важно оценить особенности профессионального выгорания операторов контактных центров и возможности

использования эмоционального интеллекта как защитного фактора при развитии синдрома выгорания.

Целью данного исследования стало изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта (ЭИ) и синдрома профессионального выгорания (ПВ) у сотрудников контактного центра.

Основываясь на анализе литературы, мы предположили, что существует обратная линейная зависимость между показателями уровня профессионального выгорания и степенью развития компетенций эмоционального интеллекта, т.е. операторы с высоким уровнем эмоционального интеллекта имеют более низкий уровень профессионального выгорания. При этом компетенции эмоционального интеллекта, связанные с взаимодействием с другими, а также с управлением эмоцией, предположительно в большей степени могут быть отрицательно связаны с компонентами ПВ.

Методика

Участниками исследования стали 185 человек — сотрудников контактного центра телекоммуникационной компании (33 мужчин и 152 женщин) в возрасте от 20 до 50 лет. Выборка не согласована относительно пола сотрудников, это связано с тем, что большая часть операторов — женщины. Стаж работы в компании от 0 до 9 лет.

В исследовании использовались следующие методики: опросник Профессиональное выгорание, разработанный Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Страченковой на основе модели К. Маслач и С. Джексона, позволяю-

щий определить уровень профессионального выгорания сотрудников (Водопьянова, 2013), опросник ЭМИн Д.В. Люсина, выявляющий особенности развития внутриличностного и межличностного эмоционального интеллекта (Люсин, 2009).

Опросник Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Страченковой содержит 22 утверждения о чувствах и переживаниях, связанных с выполнением рабочей деятельности. Он состоит из трех субшкал: Эмоциональное истощение, Деперсонализация, Редукция профессиональных достижений. Ответы оцениваются по 7-балльной шкале и варьируют от «никогда» (0 баллов) до «всегда» (6 баллов). В исследовании использовалась версия опросника для коммерческого персонала (Водопьянова, 2013).

Опросник ЭМИн оценивает межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект, которые, в свою очередь, включают в себя два параметра: управление эмоциями и понимание эмоций. Таким образом, «Межличностный эмоциональный интеллект» (МЭИ) включает в себя понимание чужих эмоций и управление эмоциями других людей, в то время как «Внутриличностный эмоциональный интеллект» (ВЭИ) — понимание своих эмоций и управление ими. «Понимание эмоций» (ПЭ) — способность к пониманию своих и чужих эмоций. «Управление эмоциями» (УЭ) — способность к управлению как своими, так и чужими эмоциями (Люсин, 2009).

Результаты и их обсуждение

Коэффициенты внутренней согласованности (альфа Кронбаха)

составили 0.916 для методики «Эмоциональный интеллект» и 0.676 для методики «Профессиональное выгорание», что позволяет рассматривать результаты исследования как достоверные.

Средние значения, стандартное отклонение показателей каждого из компонентов профессионального выгорания, а также компетенций эмоционального интеллекта и стажа работы операторов приведены в таблице 1.

По критерию Колмогорова—Смирнова не отличаются от нормального распределения показатели внутриличностного эмоционального интеллекта, понимания эмоций, управления эмоциями и редукции профессиональных достижений. Распределение показателей межличностного эмоционального интеллекта, эмоционального истощения и деперсонализации отличается от нормального.

Профессиональное выгорание сотрудников

На рисунке 1 представлен процент сотрудников с высоким уровнем развития компонента. 24% опрошенных сотрудников имеют высокий уровень эмоционального истощения, 18% — высокий уровень редукции профессиональных достижений, только 16% операторов, участвующих в исследовании, имеют высокий уровень деперсонализации.

Эмоциональный интеллект

На рисунке 2 представлены результаты исследования компетенций эмоционального интеллекта (опросник Д.В. Люсина).

В таблице 2 представлены взаимосвязи субшкал ПВ с компонентами ЭИ и стажем работы оператора. Из таблицы 2 видно, что эмоциональное истощение отрицательно

Таблица 1

Описательная статистика переменных исследования

Показатель	М	SD
Компоненты выгорания		
Эмоциональное истощение	17.3	9.6
Деперсонализация	5.36	5.01
Редукция профессиональных достижений	36.02	6.1
Компетенции эмоционального интеллекта		
Межличностный ЭИ	43.48	7.23
Внутриличностный ЭИ	45.99	8.89
Понимание эмоций	43.47	7.77
Управление эмоциями	46	7.62
Стаж работы		
Общий стаж работы оператором (мес.)	30.88	24.67

Рисунок 1

Сотрудники с высоким уровнем компонентов ПВ (%)

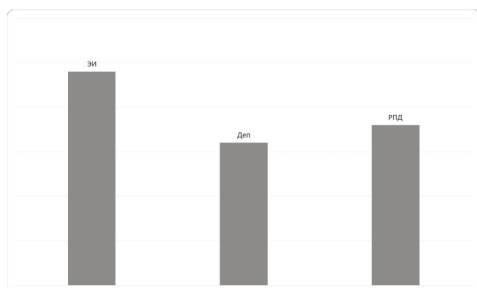

Рисунок 2

Сотрудники с высоким уровнем компонента эмоционального интеллекта (%)

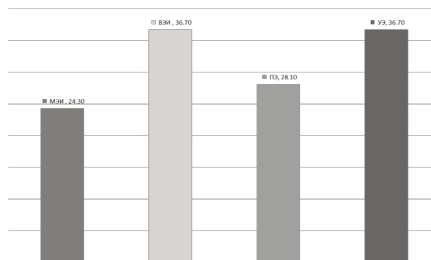

Таблица 2

Корреляции субшкал эмоционального интеллекта с показателями профессионального выгорания (коэффициент ранговой корреляции Спирмена)

Субшкалы эмоционального интеллекта	Показатели профессионального выгорания			Стаж
	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция профессиональных достижений	
МЭИ	-0.370**	-0.299**	0.375**	-
ВЭИ	-0.327**	-	0.288**	-
ПЭ	-0.328**	-0.185*	0.322**	-
УЭ	-0.395**	-0.264**	0.353**	-
Стаж	-	0.231*	0.186*	-

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

связано со всеми субшкалами эмоционального интеллекта: МЭИ ($r = -0.37$), ВЭИ ($r = -0.327$), ПЭ ($r = -0.328$), УЭ ($r = -0.395$), $p < 0.01$.

В то же время деперсонализация отрицательно взаимосвязана с межличностным эмоциональным интеллектом ($r = -0.299$, $p < 0.01$), управлением эмоциями ($r = -0.264$, $p < 0.01$) и незначительно связана с пониманием эмоций, ($r = -0.185$, $p < 0.05$).

Редукция профессиональных достижений положительно связана со всеми компонентами эмоционально-

го интеллекта: с МЭИ ($r = 0.375$), ВЭИ ($r = 0.288$), ПЭ ($r = 0.322$) и УЭ ($r = 0.353$), $p < 0.01$. Так как этот компонент профессионального выгорания в опроснике К. Маслач является обратным, полученные данные подтверждают общую тенденцию результатов исследования: существует обратная взаимосвязь между компетенциями эмоционального интеллекта и профессионального выгорания.

Стаж работы оператора положительно связан с уровнем развития деперсонализации ($r = 0.231$, $p < 0.05$)

и редукцией профессиональных достижений ($r = 0.186$, $p < 0.05$). Полученные данные не соответствуют результатам, полученным К. Жегловой. В ее исследовании определена отрицательная взаимосвязь между стажем работы оператора и редукцией профессиональных достижений (Жеглова, 2007), что свидетельствует об ограниченности взаимосвязи компонентов профессионального выгорания и стажа.

Выводы

Анализ профессионального выгорания сотрудников и руководителей контактного центра показал, что эмоциональное истощение — это компонент выгорания, который в сравнении с другими компонентами эмоционального интеллекта выражен наиболее сильно. Это соответствует пониманию истощения как базовой реакции на стресс, которая возникает при увеличении нагрузки. Аналогичные результаты были получены в исследованиях отечественных и зарубежных авторов (Жеглова, 2007; Leiter, Maslach, 2009). Деперсонализация, которую часто определяют как попытку сотрудника отстраниться от работы, чтобы снизить собственный уровень стресса, и редукция профессиональных достижений распространены в меньшей степени.

Таким образом, профилактика эмоционального выгорания должна быть в первую очередь направлена на коррекцию эмоционального истощения и предотвращение роста деперсонализации и редукции профессиональных достижений.

Компетенция эмоционального интеллекта и профессиональное вы-

горание взаимосвязаны. Так, межличностный эмоциональный интеллект связан со всеми компонентами профессионального выгорания. Внутриличностный интеллект, понимание эмоций и управление эмоциями — с эмоциональным истощением и редукцией профессиональных достижений.

Такой результат может иметь следующие причины.

1. Эмоциональный интеллект является защитным фактором в хронической стрессовой ситуации; качественное понимание эмоций и возможность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей препятствуют развитию компонентов выгорания. При этом различные компетенции ЭИ имеют разный эффект, так, МЭИ воздействует на все компоненты выгорания, ВЭИ — на истощение и редукцию профессиональных достижений, не сказываясь на отношении сотрудника к клиентам и коллегам. Открытым остается вопрос о возможности развития эмоционального интеллекта сотрудника в краткосрочной перспективе, так как часть исследований показывает, что тренинги лишь незначительно изменяют уровень развития ЭИ участников (Cocoran, Tormey, 2012).

2. И эмоциональный интеллект, и уровень профессионального выгорания сотрудников подвержены общим ситуативным факторам, изменение которых сказывается как на способности человека ориентироваться в эмоциях и управлять ими, так и на степени его вовлеченности в работу организации. Данное предположение косвенно подтверждается исследованиями Р.Г. Макфарланд (McFarland et al., 2015), который говорит о ситуативных факторах, воздействующих

на уровень эмоционального интеллекта, а также исследованиями К. Маслач и П. Лейтера, посвященными изучению организационных факторов, способных ускорить развитие выгорания сотрудников (Leiter, Maslach, 1999). При этом необходимо исследование возможных факторов, способствующих снижению эмоционального интеллекта и роста выгорания сотрудников.

3. Профессиональное выгорание оказывает влияние на уровень эмоционального интеллекта. Так, рост эмоционального истощения снижает способность сотрудника к пониманию своих эмоций и эмоций клиентов. В этом случае также ставится вопрос о наличии связи ситуативных и системных факторов, особенностей личности с уровнем ЭИ. Для провер-

ки данной гипотезы требуется применение иных статистических методов обработки.

Исследование позволило расширить понимание взаимосвязи эмоционального интеллекта и профессионального выгорания у сотрудников контактного центра. Выдвинутая гипотеза подтвердилась: существует отрицательная взаимосвязь эмоционального интеллекта и профессионального выгорания операторов. Дальнейшие линии исследований могут быть направлены на понимание особенностей этой взаимосвязи, анализ ситуационных и личностных факторов, оказывающих влияние на компоненты эмоционального интеллекта сотрудников, а также на вероятность развития у них синдрома профессионального выгорания.

Литература

- Водопьянова, Н. Е. (2013). *Психодиагностика стресса*. СПб.: Питер.
- Гоулман, Д. (2008). *Эмоциональный интеллект: почему он может значить больше, чем IQ*. М.: АСТ.
- Димова, В. Н. (2010). *Личностные детерминанты и организационные факторы развития психического выгорания личности в профессиях «субъект-объектного» типа* (Кандидатская диссертация, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль).
- Жеглова, К. Ю. (2007). *Особенности динамики формирования психического выгорания в профессии оператора телекоммуникационной связи* (Кандидатская диссертация, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль).
- Люсин, Д. В. (2004). Современные представления об эмоциональном интеллекте. В кн. Д. В. Люсин и Д. В. Ушаков (ред.), *Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования* (с. 29–36). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Люсин, Д. В. (2009). Опросник на эмоциональный интеллект ЭИИ: новые психометрические данные. В кн. Д. В. Люсин и Д. В. Ушаков (ред.), *Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям* (с. 264–278). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Мальцева, Н. В. (2005). *Проявления синдрома психического выгорания в процессе профессионализации учителя в зависимости от возраста и стажа работы* (Кандидатская диссертация, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург).
- Солодкова, Т. И. (2011). *Эмоциональный интеллект как личностный ресурс преодоления синдрома выгорания и его развитие у педагогов* (Автореферат кандидатской диссертации, Восточно-Сибирская государственная академия образования, Иркутск).

- Adriaenssens, J., De Gucht, V., & Maes, S. (2015). Determinants and prevalence of burnout in emergency nurses: A systematic review of 25 years of research. *International Journal of Nursing Studies*, 52(2), 649–661. <http://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2014.11.004>
- Chambel, M. J., & Castanheira, F. (2012). Training opportunities and employee exhaustion in call centres: mediation by psychological contract fulfilment. *International Journal of Training and Development*, 16(2), 107–117.
- Corcoran, R. P., & Tormey, R. (2012). Assessing emotional intelligence and its impact in caring professions: The value of a mixed-methods approach in emotional intelligence work with teachers. In A. Di Fabio (Ed.), *Emotional intelligence — new perspectives and applications* (pp. 215–238). Rijeka, Croatia: InTech.
- Derryberry, D., & Rothbart, M. K. (1988). Arousal, affect, and attention as components of temperament. *Journal of Personality and Social Psychology*, 55(6), 958.
- Dulewicz, V., & Higgs, M. (2003). Leadership at the top: the need for emotional intelligence in organizations. *The International Journal of Organizational Analysis*, 11(3), 193–210. <http://doi.org/10.1108/eb028971>
- Hills, H., & Norvell, N. (1991). An examination of hardiness and neuroticism as potential moderators of stress outcomes. *Behavioral Medicine*, 17(1), 31–38.
- Kop, N., Euwema, M., & Schaufeli, W. (1999). Burnout, job stress and violent behaviour among Dutch police officers. *Work & Stress*, 13(4), 326–340. <http://doi.org/10.1080/02678379950019789>
- Leiter, M. P., & Maslach, C. (1999). Six areas of worklife: a model of the organizational context of burnout. *Journal of Health and Human Services Administration*, 21(4), 472–489.
- Leiter, M. P., & Maslach, C. (2009). Burnout and workplace injuries: a longitudinal analysis. In A. M. Rossi, J. C. Quick, & P. L. Perrewé (Eds.), *Stress and Quality of Working Life: The Positive and the Negative* (pp. 3–18). Charlotte, NC: IAP.
- Maeve Houlihan. (2001). Managing to manage? Stories from the call centre floor. *Journal of European Industrial Training*, 25(2/3/4), 208–220. <http://doi.org/10.1108/03090590110395816>
- Maslach, C. (2003). Job burnout new directions in research and intervention. *Current Directions in Psychological Science*, 12(5), 189–192.
- McFarland, R. G., Rode, J. C., & Shervani, T. A. (2015). A contingency model of emotional intelligence in professional selling. *Journal of the Academy of Marketing Science*. Advance on-line publication. <http://doi.org/10.1007/s11747-015-0435-8>
- Muraven, M., & Baumeister, R. F. (2000). Self-regulation and depletion of limited resources: Does self-control resemble a muscle? *Psychological Bulletin*, 126(2), 247–259. <http://doi.org/10.1037/0033-2909.126.2.247>
- Westman, M., Hobfoll, S. E., Chen, S., Davidson, O. B., & Laski, S. (2005). Organizational stress through the lens of conservation of resources (COR) theory. *Research in Occupational Stress and Well-Being*, 4, 167–220.
- Zellars, K. L., Perrewe, P. L., & Hochwarter, W. A. (2000). Burnout in health care: The role of the five factors of personality. *Journal of Applied Social Psychology*, 30(8), 1570–1598.

The Interrelation of Burnout and Emotional Intelligence in Call-Centre Workers

Ekaterina N. Bochkareva^a

^aNovosibirsk State Technical University, 20 K. Marksa prospect, Novosibirsk, 630073, Russian Federation

Abstract

Call-centre is a physical location that receives calls from the company's clients. The main expectations from a call-centre operator are associated with effectiveness of his/her work – it includes stress tolerance and resistance to burnout, ability to maintain emotional stability and influence client's emotions. These abilities are associated with emotional intelligence competences. The research shows that higher level of emotional intelligence lowers intensity of negative emotions and lessens the risk of professional burnout. But the question of interrelation of emotional intelligence and development of professional burnout in call-centre workers remains understudied. The objective of the present research is to study the interrelation of emotional intelligence and professional burnout syndrome in call-centre workers. The sample consists of 198 participants, the workers of the contact centre of a telecommunication company, 188 operators and 10 team leaders. The following questionnaires were used: Professional Burnout and EmIn. The study showed that the emotional intelligence competences and professional burnout are interrelated. Interpersonal emotional intelligence is connected to all components of professional burnout. Intrapersonal intelligence, understanding of emotions and regulation of emotions are connected to emotional exhaustion and reduction of professional achievements. It is shown that higher level of professional burnout is linked to lower level of all components of emotional intelligence. The study helps to widen the understanding of interrelation of emotional intelligence and professional burnout in call-centre workers. The hypothesis was confirmed: there is an interrelation between emotional intelligence and professional burnout of operators. Further studies may be focused on clarification of the character of this interrelation, analysis of situational and personal factors that influence the components of emotional intelligence of employees, as well as on probability of development of professional burnout syndrome in the target group.

Keywords: burnout, emotional intelligence, contact centre, stress.

References

- Adriaenssens, J., De Gucht, V., & Maes, S. (2015). Determinants and prevalence of burnout in emergency nurses: A systematic review of 25 years of research. *International Journal of Nursing Studies*, 52(2), 649–661. <http://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2014.11.004>
- Chambel, M. J., & Castanheira, F. (2012). Training opportunities and employee exhaustion in call centres: mediation by psychological contract fulfilment. *International Journal of Training and Development*, 16(2), 107–117.
- Corcoran, R. P., & Tormey, R. (2012). Assessing emotional intelligence and its impact in caring professions: The value of a mixed-methods approach in emotional intelligence work with teachers. In

- A. Di Fabio (Ed.), *Emotional intelligence – new perspectives and applications* (pp. 215–238). Rijeka, Croatia: InTech.
- Derryberry, D., & Rothbart, M. K. (1988). Arousal, affect, and attention as components of temperament. *Journal of Personality and Social Psychology*, 55(6), 958.
- Dimova, V. N. (2010). *Lichnostnye determinanty i organizatsionnye faktory razvitiya psikhicheskogo vygoraniya lichnosti v professiyakh "sub"ekt-ob"ektnogo" tipa* [Personal determinants and organizational factors of development of psychic burnout of personality in subject-object type of professions] (Ph.D. dissertation, Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation).
- Dulewicz, V., & Higgs, M. (2003). Leadership at the top: the need for emotional intelligence in organizations. *The International Journal of Organizational Analysis*, 11(3), 193–210. <http://doi.org/10.1108/eb028971>
- Goleman, D. (2008). *Emotsional'nyi intellekt: pochemu on mozhetznachit' bol'she, chem IQ* [Emotional intelligence: Why it can matter more than IQ]. Moscow: AST. (Transl. of: Goleman, D. (1995). *Emotional intelligence: Why it can matter more than IQ*. New York: Bantam Books).
- Hills, H., & Norvell, N. (1991). An examination of hardiness and neuroticism as potential moderators of stress outcomes. *Behavioral Medicine*, 17(1), 31–38.
- Kop, N., Euwema, M., & Schaufeli, W. (1999). Burnout, job stress and violent behaviour among Dutch police officers. *Work & Stress*, 13(4), 326–340. <http://doi.org/10.1080/02678379950019789>
- Leiter, M. P., & Maslach, C. (1999). Six areas of worklife: a model of the organizational context of burnout. *Journal of Health and Human Services Administration*, 21(4), 472–489.
- Leiter, M. P., & Maslach, C. (2009). Burnout and workplace injuries: a longitudinal analysis. In A. M. Rossi, J. C. Quick, & P. L. Perrewé (Eds.), *Stress and Quality of Working Life: The Positive and the Negative* (pp. 3–18). Charlotte, NC: IAP.
- Lyusin, D. V. (2004). Sovremennyye predstavleniya obemotsional'nom intellekte [Modern conceptions of emotional intelligence]. In D. V. Lyusin & D. V. Ushakov (Eds.), *Sotsial'nyiintellekt: Teoriya, izmerenie, issledovaniya* [Social intelligence: Theory, measurement, research] (pp. 29–36). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Lyusin, D. V. (2009). Oprosnik na emotsional'nyi intellekt EmIn: novye psikhometricheskie dannye [Questionnaire on emotional intelligence EmIn: New psychometric data]. In D. V. Lyusin & D. V. Ushakov (Eds.), *Sotsial'nyiemotsional'nyiintellekt: otmodelei k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From models to measurements] (pp. 264–278). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Maeve Houlihan. (2001). Managing to manage? Stories from the call centre floor. *Journal of European Industrial Training*, 25(2/3/4), 208–220. <http://doi.org/10.1108/03090590110395816>
- Maltseva, N. V. (2005). *Proyavleniya sindroma psikhicheskogo vygoraniya v protsesseprofessionalizatsii uchitelya v zavisimosti ot vozrasta i stazharaboty* [Manifestations of psychic burnout syndrome in the process of professionalization of teacher depending on his/her age and work experience] (Ph.D. dissertation, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation).
- Maslach, C. (2003). Job burnout new directions in research and intervention. *Current Directions in Psychological Science*, 12(5), 189–192.
- McFarland, R. G., Rode, J. C., & Shervani, T. A. (2015). A contingency model of emotional intelligence in professional selling. *Journal of the Academy of Marketing Science*. Advance on-line publication. <http://doi.org/10.1007/s11747-015-0435-8>

- Muraven, M., & Baumeister, R. F. (2000). Self-regulation and depletion of limited resources: Does self-control resemble a muscle? *Psychological Bulletin*, 126(2), 247–259. <http://doi.org/10.1037/0033-2909.126.2.247>
- Solodkova, T. I. (2011). *Emotsional'nyi intellekt kak lichnostnyi resurs preodoleniya sindroma vygoraniyai ego razvitie u pedagogov* [Emotional intelligence as a personality resource for coping with burnout syndrome] (Extended abstract of Ph.D. dissertation, Irkutsk State Teacher Training University, Irkutsk, Russian Federation).
- Vodopyanova, N. E. (2013). *Psikhodiagnostika stressa* [The psychological diagnostics of stress]. Saint Petersburg: Piter.
- Westman, M., Hobfoll, S. E., Chen, S., Davidson, O. B., & Laski, S. (2005). Organizational stress through the lens of conservation of resources (COR) theory. *Research in Occupational Stress and Well-Being*, 4, 167–220.
- Zheglova, K. Yu. (2007). *Osobennosti dinamiki formirovaniya psikhicheskogo vygoraniya v professii operatora telekommunikatsionnoi svyazi* [Characteristics of the dynamics of psychic burnout development in profession of wireless communications operator] (Ph.D. dissertation, Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation).
- Zellars, K. L., Perrewé, P. L., & Hochwarter, W. A. (2000). Burnout in health care: The role of the five factors of personality. *Journal of Applied Social Psychology*, 30(8), 1570–1598.

Ekaterina N. Bochkareva — assistant, Department of Psychology and Pedagogy, Novosibirsk State Technical University.
E-mail: ekaterina.bochkareva@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И ДИСПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ РАДОСТИ НА СКОРОСТЬ РАСПОЗНАВАНИЯ ЭМОЦИЙ ПО ВЫРАЖЕНИЮ ЛИЦА

В.В. ОВСЯННИКОВА^а

^аНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Резюме

В предыдущих работах автора было показано, что может быть получен эффект конгруэнтности настроения или эффект конгруэнтности черты. В настоящем исследовании изучалось влияние эмоционального состояния и диспозициональной радости на эффективность распознавания эмоций по выражению лица. Проведено экспериментальное исследование с участием двух групп испытуемых. Общую выборку составили 39 человек. Эмоциональное состояние участников измерялось с помощью самоотчетной методики (ШПАНА). Воздействие на текущее настроение проводилось с помощью процедуры индукции эмоций, которая включала показ испытуемому видеоролика с «радостной» или «нейтральной» эмоциональной окраской. Для измерения скорости переработки эмоциональной информации использовалась компьютерная методика, в которой участник выполнял задание на распознавание эмоций по выражению лица. В работе проверялась гипотеза о наличии эффекта конгруэнтности при переработке положительно окрашенной информации. Предполагалось, что положительное эмоциональное состояние и диспозициональная радость повышают скорость переработки положительно окрашенного материала и не оказывают влияния на переработку стимулов с негативной эмоциональной окраской. Проверка эффективности процедуры индукции эмоций показала, что она оказалась частично успешной. Был получен эффект конгруэнтности для диспозициональной радости: обнаружены связи высокой выраженности этой черты с повышением скорости распознавания эмоции радости на изображениях лиц. Влияние положительного эмоционального состояния заключалось в уменьшении скорости распознавания экспрессии радости. Результаты показали, что эффект конгруэнтности проявляется по-разному для черты по сравнению с эмоциональным состоянием. В целом проведенное исследование дает информацию о механизмах распознавания эмоций.

Ключевые слова: распознавание эмоций, эмоциональное состояние, индукция эмоций, конгруэнтность.

Значительное число современных исследований в области изучения эмоций посвящено вопросу о том, каким образом происходит переработка эмоционально окрашенного материала. Преимущественно они руководствуются представлениями об эмоциональной конгруэнтности, согласно которым люди более эффективно воспринимают, запоминают, обращают внимание на тот материал, эмоциональная окраска которого соответствует их текущему эмоциональному состоянию. Так, находясь в радостном настроении, человек будет лучше запоминать позитивные аспекты ситуации, интерпретировать события в положительном ключе, в то время как тот, кто грустит, будет придавать своим оценкам негативную окраску.

Возникновение эффекта конгруэнтности с позиции модели ассоциативной сети обосновал Г. Бауэр (Bower, 1981), описывая эффекты влияния эмоций на память. Он предположил, что в семантической сети есть эмоциональные узлы, активация которых усиливается в момент переживания человеком соответствующих эмоций. Это делает более доступной для переработки всю информацию, связанную с этими узлами (например, воспоминание о каком-то событии). Эффекты конгруэнтности настроения были получены не только на примере памяти, но для процессов вынесения суждений, внимания, восприятия и др.

Идея конгруэнтности касается не только роли состояний и настроений в переработке информации, но позже стала распространяться также на устойчивые эмоциональные характеристики — личностные черты. В этом

случае индивидуальные различия в переработке эмоциональной информации объясняются тем, что люди склонны реагировать способом, конгруэнтным содержанию черты. Так, у человека, который имеет высокую выраженность какой-либо негативно окрашенной черты (например, агрессивности), преимущество в переработке будет получать негативно окрашенный материал.

Исследователи отмечают, что, помимо изучения независимо друг от друга роли эмоциональных состояний и черт в переработке эмоциональных стимулов, важно принимать в расчет их совместное влияние. Сочетания тех или иных личностных характеристик и эмоциональных состояний могут способствовать или препятствовать возникновению эффектов конгруэнтности. Ш. Растинг предлагает два подхода к анализу взаимосвязей этих переменных, которые описывают возникновение эффектов конгруэнтности. В рамках первого подхода предполагается, что если у человека выражены те или иные устойчивые эмоциональные черты, то он предрасположен переживать определенные эмоции и настроения, которые, в свою очередь, оказывают влияние на переработку эмоциональной информации. Согласно другому подходу, эффекты конгруэнтности текущего состояния и эмоциональной окраски материала зависят от индивидуальных различий в личностных чертах (Rusting, 1998).

В поиске эффектов совместного влияния устойчивых и изменчивых эмоциональных характеристик на переработку эмоциональной информации проведено большое количество исследований (Tamir et al., 2002;

Rafienia et al., 2008; Edwards, 2014). Их результаты зачастую мало согласуются между собой, с трудом поддаются обобщению как по причине разнообразия методик, которые авторы используют для измерения эмоциональных характеристик и особенностей переработки, так и из-за того, что искомые эффекты слабо выражены и неустойчивы. В качестве примера одного из недавних исследований, в котором получены данные о совместном влиянии состояний и черт, можно привести исследование Т. Кварто с соавт. (Quarto et al., 2014). В этой работе изучалось влияние тревожности и различных эмоциональных состояний на имплицитную переработку экспрессии. Задача испытуемых состояла в том, чтобы определить пол человека по изображению лица. При этом предъявляемые лица выражали различные эмоции (радость, гнев, нейтральное выражение). Выполнение этого задания имело акустическое сопровождение: участники слушали либо успокаивающие «терапевтические» звуки, либо нервующий шум, либо посторонние звуки отсутствовали.

Оказалось, что испытуемые быстрее реагировали на лица с экспрессией радости, прослушивая успокаивающие звуки, по сравнению со временем их реакции на лица с экспрессией гнева при прослушивании шума. Авторы объясняют этот результат тем, что вызванное прослушиванием шума негативное эмоциональное состояние влияло на имплицитную переработку выражений лиц, приводя к переключению внимания в сторону «злых» лиц, что выражалось в замедлении времени реакции

при определении пола. Наоборот, переработка лиц, выражающих радость, при прослушивании успокаивающей музыки требовала меньше когнитивных ресурсов.

Также результаты показали наличие совместного влияния состояний и черт. По сравнению с условием отсутствия звукового сопровождения высоко тревожные испытуемые реагировали быстрее при прослушивании успокаивающей музыки, а у испытуемых с низкой тревожностью время реакции было больше при прослушивании раздражающего шума. Авторы интерпретируют этот результат как различия людей с высокой и низкой личностной тревожностью в отношении чувствительности к эффектам индукции настроения. Высоко тревожные испытуемые лучше поддаются успокаивающему воздействию приятных звуков по сравнению с низкотревожными испытуемыми. В то же время люди с низкой тревожностью сильнее подвержены влиянию раздражающих звуков. Таким образом, исследование показало, что на переработку эмоциональной информации влияют как состояния, так и эмоциональные черты.

В настоящем исследовании предпринята попытка изучить совместное влияние двух эмоциональных характеристик на эффективность распознавания эмоций по выражению лица. Проведен эксперимент с участием двух групп испытуемых, эмоциональное состояние которых изменялось с помощью процедуры индукции эмоций. У одной группы вызывалось положительное эмоциональное состояние, у другой группы поддерживалось нейтральное состояние. В качестве

стабильной личностной характеристики измерялась диспозициональная радость. В исследовании проверялась гипотеза о том, что положительное эмоциональное состояние и диспозициональная радость повышают скорость переработки положительно окрашенного материала и не оказывают влияния на переработку стимулов с негативной эмоциональной окраской.

Методика

Испытуемые

В исследовании приняли участие 39 испытуемых (из них 82% женского пола) в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 18.6$, $SD = 1.0$), студенты гуманитарного вуза.

Материалы

Скорость переработки эмоционально окрашенной информации измерялась с помощью специально разработанной компьютерной методики, в качестве стимулов использовались изображения лица, выражающие четыре категории эмоций (гнев, радость, страх, печаль) и нейтральное состояние.

Изображения лиц были выбраны из базы ADFES (Van der Schalk et al., 2011). В данном исследовании использовался набор эмоциональных лиц, который применялся ранее в работе Ю.А. Кожуховой (Кожухова, 2016). Каждая эмоциональная категория представлена четырьмя изображениями мужского и женского лица, выражающими соответствующую эмоцию. Также было отобрано по четыре мужских и женских лица, не выражающих эмоций (нейтраль-

ное выражение). Таким образом, использовалось восемь эмоциональных и восемь нейтральных изображений лиц.

Для предъявления стимулов, инструкций и регистрации ответов участников использовалась программа OGAMA v. 5.0. Изображения размером 14 см на 21 см, представленные в градациях серого цвета, предъявлялись в центре экрана на мониторе с диагональю 15”.

Данное исследование включало процедуру индукции эмоционального состояния, которая состоит в показе испытуемому короткого видеоролика с положительной или нейтральной эмоциональной окраской. Этот метод широко применяется в современных исследованиях для индукции эмоций в лабораторных условиях (Westermann et al., 1996). Испытуемым экспериментальной группы для индукции положительных эмоций показывали «веселый» мультфильм, в котором по сюжету два осьминога попадают в различные забавные ситуации («Oktapodi», продолжительность — 2 мин 25 сек). Участники контрольной группы смотрели «нейтральный» видеоролик, в котором показаны движущиеся в различных направлениях цветные линии («Палочки», продолжительность — 2 мин 50 сек). Эффективность индукции эмоций с помощью данного видеоматериала была проверена в рамках пилотажного этапа кросс-культурного исследования Ю.Е. Ченцовой-Даттон и Д.В. Люсина. Результаты показали, что после просмотра видеороликов состояние испытуемых изменялось согласно их эмоциональной окраске (Chentsova Dutton et al., 2013).

Для измерения текущего эмоционального состояния использовалась методика ШПАНА (русскоязычная адаптация методики PANAS; Осин, 2012). Методика состоит из 20 прилагательных, посредством которых испытуемый должен оценить свое текущее состояние, дав балльную оценку по шкале от 1 (почти или совсем нет) до 5 (очень сильно). Методика позволяет оценить эмоциональное состояние по двум шкалам — Позитивный аффект и Негативный аффект.

Для измерения диспозициональной радости использовались русские адаптации двух методик — Шкалы субъективного счастья С. Любомирски и Шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера (Осин, Леонтьев, 2008). Шкала субъективного счастья состоит из четырех утверждений, касающихся радости и счастья в жизни, каждое из которых нужно оценить по шкале от 1 до 7. Шкала удовлетворенности жизнью содержит пять утверждений про восприятие своей жизни, по каждому из которых нужно выразить степень согласия по шкале от 1 до 7. Баллы по шкалам удовлетворенности жизнью и субъективного счастья суммировались. Полученный итоговый результат рассматривался как показатель диспозициональной радости.

Процедура

Процедура исследования выполнялась в несколько этапов. На первом этапе участник заполнял опросник ШПАНА для оценки своего текущего эмоционального состояния перед началом исследования. После

этого он проходил тренировочную серию компьютерной методики, измеряющую время реакции при распознавании эмоций по выражению лица. Она включала пять проб, после каждой из которых испытуемым сообщалось, насколько быстро и правильно они ответили. Стимулы из тренировочных серий не использовались в основных.

На следующем этапе испытуемый переходил к просмотру одного из двух видеороликов — «веселого» или «нейтрального» в зависимости от принадлежности к экспериментальной или контрольной группе. С помощью «веселого» ролика индуцировалось положительное эмоциональное состояние (экспериментальная группа); посредством «нейтрального» ролика поддерживалось условно нейтральное состояние (контрольная группа).

Сразу после просмотра видеоролика участник выполнял основную серию компьютерной методики на измерение времени реакции. Его задача заключалась в том, чтобы как можно быстрее и точнее ответить, нажав на заданную клавишу, выражает ли лицо на фотографии какие-либо эмоции. О появлении изображения лица предупреждал фиксационный крест (1.5 сек), после изображения лица на 2 сек появлялось маскирующее изображение. Все 16 фотографий лиц предъявлялись в фиксированной последовательности два раза (всего 32 пробы).

На последнем этапе испытуемый повторно оценивал свое эмоциональное состояние с помощью методики ШПАНА. Кроме этого, он заполнял опросники на эмоциональные лич-

ностные черты (в данной работе анализируется только диспозициональная радость).

Работа с каждым испытуемым проводилась индивидуально, полная процедура занимала в среднем 40 мин.

Результаты

Из обработки результатов методики распознавания эмоций по выражению лица были исключены пробы, в которых испытуемые ответили неверно (5% всех проб). Также исключались пробы, в которых время реакции выходило за рамки трех стандартных отклонений от среднего времени реакции ответов каждого участника (3% всех проб).

Для каждого испытуемого был посчитан показатель времени реакции — среднее арифметическое времени реакции для каждого типа эмоционально окрашенных лиц, для нейтральных лиц, а также для всех негативно окрашенных лиц (выражающих гнев, страх, печаль).

В первую очередь была проведена оценка эффективности процедуры

индукции положительного эмоционального состояния у испытуемых экспериментальной группы. В случае успешной индукции оценки Позитивного аффекта во втором замере (после выполнения методики распознавания эмоций по выражению лица) должны быть выше, чем оценки по этой шкале в первом замере (до выполнения методики); значения Негативного аффекта, наоборот, должны снизиться или остаться без изменения. Описательные статистики оценок эмоционального состояния в двух замерах у участников двух групп представлены в таблице 1.

Таблица показывает, что у группы с индукцией положительных эмоций оценка Позитивного аффекта незначительно возросла от первого измерения ко второму, а оценка Негативного аффекта снизилась. У «нейтральной» группы значения по обеим шкалам снизились. Критерий Вилкоксона показал, что различия в средних значениях являются статистически значимыми только у испытуемых экспериментальной группы по шкале Негативного аффекта ($Z = -2.305$

Таблица 1

Описательные статистики двух измерений эмоционального состояния у контрольной и экспериментальной групп

Измерение эмоционального состояния	Группа с индукцией положительного эмоционального состояния		Группа с поддержанием нейтрального эмоционального состояния (контрольная группа)	
	Позитивный аффект	Негативный аффект	Позитивный аффект	Негативный аффект
№ 1	31.40 (5.13)	12.70 (2.83)	31.47 (6.03)	13.00 (2.89)
№ 2	31.65 (8.21)	12.00 (2.41)	31.26 (6.67)	11.68 (2.16)

Примечание. В ячейках таблицы указаны средние арифметические значения, в скобках приведены стандартные отклонения.

при $p = 0.021$). Таким образом, в силу того, что оценки Негативного аффекта в этой группе значительно снизились, а оценка Позитивного аффекта возросла (хотя различия и не достигли уровня значимости), индукцию положительного эмоционального состояния можно рассматривать как частично успешную.

Для проверки гипотезы о влиянии диспозициональной радости и эмоционального состояния на скорость распознавания эмоций был проведен двухфакторный дисперсионный анализ 2×2 , в котором зависимой переменной выступало время реакции при распознавании радости по выражению лица, а фиксированными факторами являлись тип эмоционального состояния (положительное/нейтральное) и выраженность диспозициональной радости (высокая/низкая).

Нужно отметить, что общая выборка испытуемых была разделена на две группы с высокой и низкой диспозициональной радостью на основании медианного критерия. Значения выше медианы составили

группу с высокой выраженностью диспозициональной радости, значения ниже медианы — группу с низкой выраженностью диспозициональной радости. Описательные статистики значений времени реакции в сравниваемых подгруппах представлены в таблице 2.

Таблица показывает, что если принимать во внимание отдельно влияние фактора эмоционального состояния, то время реакции распознавания эмоции радости по выражению лица у испытуемых в положительном эмоциональном состоянии больше, чем время реакции у участников в нейтральном состоянии (830.63 и 734.32 соответственно). Основной эффект фактора текущего эмоционального состояния является статистически значимым: $F(1,32) = 4.89$, $\eta^2 = 0.0036$, $p = 0.034$.

Средние значения времени реакции распознавания радости у группы с высокой выраженностью диспозициональной радости ниже по сравнению со временем реакции у группы с низким уровнем этой черты (735.92 и 829.03 соответственно). Основной

Таблица 2

Описательные статистики значений времени реакции при распознавании радости в подгруппах испытуемых с высокой и низкой диспозициональной радостью и разным типом эмоционального состояния

		Диспозициональная радость			
		Высокий уровень		Низкий уровень	
		М (SD)	N	М (SD)	N
Эмоциональное состояние	Положительное эмоциональное состояние	767.70 (116.50)	10	893.56 (161.60)	9
	Нейтральное эмоциональное состояние	704.14 (123.37)	7	764.50 (111.58)	10
	Общее среднее арифм. (стандартное отклонение)	735.92 (119.94)	17	829.03 (136.60)	19

эффект фактора диспозициональной радости также является статистически значимым: $F(1,32) = 4.57$, $\eta^2 = 0.0033$, $p = 0.040$.

Взаимодействие факторов состояния и черты не достигло уровня статистической значимости ($p > 0.05$).

Чтобы проверить, что искомые эффекты положительного эмоционального состояния и диспозициональная радость характеризуют именно переработку «радостных» выражений лица и не специфичны для переработки негативно окрашенных стимулов, был проведен двухфакторный дисперсионный анализ 2×2 , в котором зависимой переменной выступало время реакции при распознавании негативных эмоций по выражению лица. Это время реакции вычислялось для каждого испытуемого как среднее арифметическое значений времени реакции при восприятии лиц, выражающих гнев, страх и печаль. Межгрупповые факторы остались те же — тип эмоционального состояния (положительное/нейтральное) и выраженность диспозициональной радости (высокая/низкая). Описательные статисти-

стики значений времени реакции в сравниваемых подгруппах представлены в таблице 3.

Таблица 3 показывает, что среднее время реакции распознавания негативных эмоций у испытуемых в положительном эмоциональном состоянии равно 886.79, а у испытуемых в нейтральном состоянии оно меньше и составляет 788.90. У группы с низким уровнем диспозициональной радости среднее время реакции больше, чем у группы с высоким уровнем этой характеристики, — 891.11 и 784.57 соответственно. В данном случае не получено статистически значимых основных эффектов факторов текущего эмоционального состояния и черты, а также их взаимодействия ($p > 0.05$).

Обсуждение результатов

В работе проверялась гипотеза о том, что положительное эмоциональное состояние и диспозициональная радость повышают скорость переработки положительно окрашенного материала (в данном случае изображений лица) и не оказывают влияния

Таблица 3

Описательные статистики значений времени реакции при распознавании негативных эмоций в подгруппах испытуемых с высокой и низкой диспозициональной радостью и разным типом эмоционального состояния

		Диспозициональная радость			
		Высокий уровень		Низкий уровень	
		М (SD)	N	М (SD)	N
Эмоциональное состояние	Положительное эмоциональное состояние	840.85 (136.65)	10	932.72 (223.26)	9
	Нейтральное эмоциональное состояние	728.29 (105.76)	7	849.50 (215.45)	10

на переработку стимулов с негативной эмоциональной окраской.

В проведенном исследовании было показано наличие влияния на переработку эмоционально окрашенного материала обеих изучаемых характеристик — эмоционального состояния и диспозициональной радости. Однако высокая выраженность диспозициональной радости по сравнению с ее низким уровнем сопровождалась ускорением распознавания эмоций на «радостных» лицах, в то время как положительное эмоциональное состояние привело к замедлению скорости их распознавания. Полученные данные соответствуют «чистому» эффекту конгруэнтности между выраженностью диспозициональной радости и временем переработки положительно окрашенной информации, при котором переработка радости выполнялась быстрее тогда, когда испытуемые переживали положительные эмоции. В случае эмоционального состояния эффект конгруэнтности оказал противоположное действие, увеличивалось время ответа, влияние на восприятие экспрессии радости. Нужно отметить, что если не учитывать текущее эмоциональное состояние, то этот результат противоречит полученному в других работах, в которых показано, что происходит ускорение переработки положительно окрашенных стимулов (например: Calvo et al., 2010).

Как уже отмечалось во вводной части, не во всех представленных в литературе исследованиях удается получить результаты, характеризующие как эффекты конгруэнтности для отдельных черт или состояний в переработке информации, так и

взаимодействие изучаемых эмоциональных характеристик. Зачастую авторы объясняют это возможным влиянием других факторов на искомые эффекты. В качестве таковых рассматриваются, например, различия в форматах ответов в заданиях на распознавание эмоций (Schmid, Schmid Mast, 2010), этапы переработки информации (Люсин, Кожухова, 2016).

Возможно, полученные данные могут объясняться особенностями применения процедуры индукции эмоций в данной работе. Хотя были получены «нужные» сдвиги в оценках по шкалам позитивного и негативного аффекта, нужно отметить, что особенности индукции находятся в сильной зависимости от выборки участников исследования. В данном случае ее составили молодые люди — студенты, преимущественно женского пола, у которых исходные оценки позитивного аффекта уже были достаточно высоки. Следовательно, даже если эмоциональное состояние испытуемых стало еще более «радостным», то это привело к небольшому сдвигу в оценках позитивного аффекта во втором замере по сравнению с первым. Вследствие этого эффект конгруэнтности не получил сильной выраженности. Также нужно отметить, что шкала позитивного аффекта методики ШПАНА объединяет положительную валентность и эмоциональное возбуждение (arousal). В связи с этим процедура индукции положительного эмоционального состояния, которая применялась в исследовании, вероятнее всего, приводила как к смещению в оценках валентности состояния, так и к повышению уровня эмоционального воз-

буждения (arousal). Поэтому остается открытым вопрос, объясняется ли полученный эффект настроения его валентностью или общим повышением активации.

В целом соотнесение результатов разных исследований, посвященных изучению эффекта конгруэнтности в распознавании эмоций, представляется трудным, так как в работах анализируются разные показатели распознавания (преимущественно

точность), применяются разные способы индукции эмоций и проверки их эффективности. Проведенное исследование вносит вклад в изучение эффекта конгруэнтности в связи с анализом распознавания различных категорий эмоций. Неожиданный результат о замедлении распознавания радости по выражению лица требует дальнейшей эмпирической проверки и теоретического анализа других возможных факторов.

Литература

- Кожухова Ю.А. (2016). Переработка аффективно окрашенной информации (на примере антисаккадной задачи). В кн. *Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов* (с. 323–325). Светлогорск.
- Осин, Е. Н. (2012). Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(4), 91–110.
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2008). Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. В кн. *Материалы III Всероссийского социологического конгресса*. М.: Институт социологии РАН/Российское общество социологов. Режим доступа: <http://publications.hse.ru/en/chapters/78753840>.
- Bower, G. H. (1981). Mood and memory. *American Psychologist*, 36, 129–148.
- Calvo, M. G., Nummenmaa, L., & Avero, P. (2010). Recognition advantage of happy faces in extrafoveal vision: Featural and affective processing. *Visual Cognition*, 18(9), 1274–1297.
- Chentsova Dutton, Y. E., Parrott, G., & Lyusin, D. (2013). *Culture and perceived functions of sadness*. Paper presented at the 14th Annual Meeting of the Society for Personality and Social Psychology, New Orleans, Louisiana, USA.
- Chepenik, L. G., Cornew, L. A., & Farah, M. J. (2007). The influence of sad mood on cognition. *Emotion*, 7, 802–811.
- Edwards, M. S. (2014). Attentional biases in processing emotional facial expressions: Effects of state anxiety, trait anxiety and awareness. *International Journal of Psychological Studies*, 6(4), 41–55.
- Quarto, T., Blasi, G., Pallesen, K. J., Bertolino, A., & Brattico, E. (2014). Implicit processing of visual emotions is affected by sound-induced affective states and individual affective traits. *PLoS ONE*, 9(7), e103278. doi:10.1371/journal.pone.0103278
- Rafienia, P., Azadfallah, P., Fathi-Ashtiani, A., & Rasoulzadeh-Tabatabaie, K. (2008). The role of extraversion, neuroticism and positive and negative mood in emotional information processing. *Personality and Individual Differences*, 44, 392–402.
- Rusting, C. L. (1998). Personality, mood, and cognitive processing of emotional information: three conceptual frameworks. *Psychological Bulletin*, 124, 165–196.

- Schmid, P. C., & Schmid Mast, M. (2010). Mood effects on emotion recognition. *Motivation and Emotion, 34*, 288–292.
- Tamir, M., Robinson, M. D., & Clore, G. L. (2002). The epistemic benefits of trait-consistent mood states: An analysis of extraversion and mood. *Journal of Personality and Social Psychology, 83*(3), 663–677.
- Van der Schalk, J., Hawk, S. T., Fischer, A. H., & Doosje, B. J. (2011). Moving faces, looking places: The Amsterdam Dynamic Facial Expressions Set (ADFES). *Emotion, 11*, 907–920.
- Westermann, R., Spies, K., Stahl, G., & Hesse, F. W. (1996). Relative effectiveness and validity of mood induction procedures: A meta-analysis. *European Journal of Social Psychology, 26*, 557–580.

Овсянникова Виктория Владимировна — старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Контакты: v.ovsyannikova@gmail.com

The Effect of Emotional State and Dispositional Joy on the Speed of Emotion Recognition from Facial Expression

V.V. Ovsyannikova^a

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnikskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

Previous works show that mood congruence effect or trait congruence effect can be achieved (Chepenik et al., 2007; Rusting, 1998). The present study explores the effect of emotional state and dispositional joy on effectiveness of emotion recognition from facial expression. The experimental study was conducted in two groups of subjects. The general sample consisted of 39 participants. Participants' emotional state was measured with the self-report questionnaire PANAS. The participants' current mood was manipulated with the emotion induction procedure, which involved screening video with "joyful" or "neutral" emotional coloring. To measure the speed of emotional information processing a computer technique was used, in which a participant performed the task on emotion recognition from facial expression. The hypothesis was tested whether there is an effect of congruency in positive information processing. It was supposed that positive emotional state and dispositional joy heighten the speed of positive information processing and don't influence processing of the stimuli with negative emotional coloring. Testing of the emotion induction procedure proved it to be partially successful. Congruency effect for dispositional joy was achieved: we found an interrelation of higher manifestation of this trait with higher speed in joy recognition from facial expressions. The influence of positive emotional state was manifested in lower speed in recognition of joy. In sum, the results show that the congruency effect is expressed differently for trait and emotional state. Overall, the results of the conducted study provide information on the mechanisms of emotion recognition.

Keywords: emotion recognition, emotional state, emotion induction, congruence.

References

- Bower, G. H. (1981). Mood and memory. *American Psychologist*, *36*, 129–148.
- Calvo, M. G., Nummenmaa, L., & Avero, P. (2010). Recognition advantage of happy faces in extrafoveal vision: Featural and affective processing. *Visual Cognition*, *18*(9), 1274–1297.
- Chentsova Dutton, Y. E., Parrott, G., & Lyusin, D. (2013). *Culture and perceived functions of sadness*. Paper presented at the 14th Annual Meeting of the Society for Personality and Social Psychology, New Orleans, Louisiana, USA.
- Chepenik, L. G., Cornew, L. A., & Farah, M. J. (2007). The influence of sad mood on cognition. *Emotion*, *7*, 802–811.
- Edwards, M. S. (2014). Attentional biases in processing emotional facial expressions: Effects of state anxiety, trait anxiety and awareness. *International Journal of Psychological Studies*, *6*(4), 41–55.
- Kozhukhova, Yu. A., & Lyusin, D. V. (2016). Rol' emotsional'nykh chert nablyudatelya pri vospriyatii emotsional'nykh lits na rannem etape pererabotki informatsii [The role of observer's emotional traits in perception of emotional faces at the early stage of information processing]. Manuscript in preparation.
- Osin, E. N. (2012). Measuring Positive and Negative Affect: Development of a Russian-language Analogue of PANAS. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, *9*(4), 91–110. (in Russian)
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2008). Aprobatsiya russkoyazychnykh versii dvukh shkal ekspressotsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya [Approbation of the Russian versions of two scales for express-evaluation of subjective well-being]. In *Materialy III Vserossiiskogo Sotsiologicheskogo Kongressa* [Proceedings of the III All-Russian Sociological Congress]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences / Russian Society of Sociologists. Retrieved from <http://publications.hse.ru/en/chapters/78753840>
- Quarto, T., Blasi, G., Pallesen, K. J., Bertolino, A., & Brattico, E. (2014). Implicit processing of visual emotions is affected by sound-induced affective states and individual affective traits. *PLoS ONE*, *9*(7), e103278. doi:10.1371/journal.pone.0103278
- Rafienia, P., Azadfallah, P., Fathi-Ashtiani, A., & Rasoulzadeh-Tabatabaie, K. (2008). The role of extraversion, neuroticism and positive and negative mood in emotional information processing. *Personality and Individual Differences*, *44*, 392–402.
- Rusting, C. L. (1998). Personality, mood, and cognitive processing of emotional information: three conceptual frameworks. *Psychological Bulletin*, *124*, 165–196.
- Schmid, P. C., & Schmid Mast, M. (2010). Mood effects on emotion recognition. *Motivation and Emotion*, *34*, 288–292.
- Tamir, M., Robinson, M. D., & Clore, G. L. (2002). The epistemic benefits of trait-consistent mood states: An analysis of extraversion and mood. *Journal of Personality and Social Psychology*, *83*(3), 663–677.
- Van der Schalk, J., Hawk, S. T., Fischer, A. H., & Doosje, B. J. (2011). Moving faces, looking places: The Amsterdam Dynamic Facial Expressions Set (ADFES). *Emotion*, *11*, 907–920.
- Westermann, R., Spies, K., Stahl, G., & Hesse, F. W. (1996). Relative effectiveness and validity of mood induction procedures: A meta-analysis. *European Journal of Social Psychology*, *26*, 557–580.

Victoria V. Ovsyannikova — senior researcher, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.

E-mail: v.ovsyannikova@gmail.com

Reviews

THIRD-PARTY INTERVENTION STRATEGIES IN SOLVING INTERPERSONAL CONFLICTS: A REVIEW OF RUSSIAN AND FOREIGN STUDIES

M.R. KHACHATUROVA^a

^a*National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnikskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Abstract

Comparative analysis of psychological research on the role of the third party in conflicts in Russian and foreign traditions is presented in this article. The author's classification of the third party's intervention strategies in a conflict based on two criteria is discussed. The first criterion is a degree of the third party's activity in a conflict. The second criterion is the aspect which third party emphasizes in the process of solving a conflict – the relations between disputants and their emotions, or the result of a conflict. Hence, a classification of the third party's intervention strategies in solving interpersonal conflicts can be presented. For example, when a third party's activity is high and the third party emphasizes the relations between disputants and their emotions in the process of solving a conflict, the third party's intervention strategies are facilitative, evaluative, transformative, as well as mediation strategies. When the third party's activity is high and the third party emphasizes the outcome of a conflict, the third party's intervention strategies are pressing, directive, arbitration, problem-solving, and deal-making. Then, when the third party's activity is low and the third party emphasizes the relations between disputants and their emotions in the process of solving conflicts, the third party's intervention strategies are differentiated, narrative, storytelling, and understanding-based. Finally, when third party's activity is low and the third party emphasizes the result of a conflict, the third party's intervention strategies are analytic, neutral, strategic, pragmatic, as well as orchestration strategies. Different strategies of third-party intervention in a conflict and their efficiency are analyzed.

Keywords: third party intervention; interpersonal conflict; efficiency of strategies.

Third-party intervention plays a large role in solving interpersonal conflicts. A third party in a conflict is an individual who is external to a conflict situation between two or more dis-

putants, and who is involved in solving the conflict.

Conflicts can often be resolved more rapidly, more economically, and at an earlier stage with the help of a third

party. Third parties may be limited to advising disputants, or they may also be able to make binding decisions for the parties. They may intervene in conflicts between individuals or between groups.

Researchers and practitioners have paid considerable attention to the role of third-party intervention in conflict resolution, the choice of intervention strategies, and their effects for the last two decades. They noted that the literature on third-party intervention in various arenas focuses mostly on four areas: describing intervention, its effects and value, advice to third parties, and the determinants of third-party intervention (McGuigan & Popp, 2007; Wall & Chan-Serafin, 2010).

Scholars assumed that third-party intervention will influence the ability of a disputant to resolve future conflicts. They emphasized that the process of third-party intervention can develop skills that increase the disputants' efficacy. Disputants gain a better understanding of their own and others' interests during the conflict solving process, which can have positive lasting effects on the relations disputants have with each other and with others (Charkoudian, Ritis, Buck, & Wilson, 2009; Pincock, 2013).

To achieve their goals third parties have to exercise a measure of control, authority, influence, and trust between a third party and disputants (Gerami, 2009; Stimec & Poitras, 2009). The stronger the trust between them, the higher the probability of finding a satisfactory solution (Poitras, 2013).

Also researches mentioned such attributes as effort, credibility, confidence, knowledge, authority, originali-

ty of ideas, rapport, intelligence, and a sense of humor (Kolb, 1983; Bercovitch & Houston, 1993).

Third-party intervention strategies in solving interpersonal conflicts: Russian traditions

There are five forms of third-party intervention in solving interpersonal conflicts traditionally present in Russian studies. They differ in the degree of the third party's control over a decision disputants should make. These forms are arbitrator, mediator, facilitator, observer, and consultant (Dmitriev, Kudryavtsev, & Kudryavtsev, 1993; Emelyanov, 2000; Gromova, 2001; Khasan & Sergomanov, 2004; Antsupov & Shipilov, 2008; Grishina, 2008).

Each form of intervention has its own specificity that exerts an effect on a conflict solving process.

Third parties are the most powerful in cases of arbitration. An *arbitrator* is a judge; they discuss the conflict with disputants, and then dictate an obligatory solution to the parties.

Hence, arbitration may produce more rapid concessions than mediation (Antsupov & Shipilov, 2008). Arbitration is a binding formal method of conflict management.

A *mediator* does not have the power to force the parties to make a binding decision; they can only assist in finding an acceptable solution. The disputants make the final decision independently. A mediator is interested in a favorable solving of a conflict that would satisfy both disputants (Grishina, 2008).

One of the most non-authoritarian intervention roles is a *facilitator* aimed mainly at facilitating the process without

getting involved in a discussion and conflict solving (Gromova, 2008).

An *observer* can prevent disputants from mutual aggression or violation of existing agreements and solutions (Emelyanov, 2000).

A *consultant* is a qualified and impartial expert acting as a third party. He or she must be a scholar-practitioner or an expert. Consulting is an innovative form of intervention in a conflict. A consultant should define a conflict subject, figure out if the disputants have already solved similar conflicts, and help them find an acceptable solution in a conflict (Antsupov & Shipilov, 2008).

Third-party intervention strategies in solving interpersonal conflicts: Foreign approach

Thus, the review of Russian studies shows that authors traditionally consider only from four to five third-party intervention strategies in solving conflicts while foreign scholars have categorized third-party intervention into different types of strategies that may be used in the relationship with the conflict parties (Bercovitch & Houston, 1993). Approximately twenty have been reported, such as analytic (Birke, 2000), evaluative (Riskin, 1996; Lande, 2000; Della Noce, 2009; Wall & Chan-Serafin, 2014), pressing (Carnevale & Pruitt, 1992; Lee, Gelfand, & Kashima, 2014; Wall & Chan-Serafin, 2014), neutral (Kydd, 2003; Wall & Chan-Serafin, 2014), facilitative (Riskin, 1996; Gabel, 2003; Kressel, 2007), differentiated (Regina, 2000), narrative (Bannink, 2007; Hardy, 2008), evaluative-directive (Abramson, 2004), mediation-arbitration (Ross & Conlon,

2000), problem-solving (Harper, 2006; Bannink, 2007), strategic (Kressel & Gadlin, 2009), pragmatic (Alberstein, 2007), storytelling (Pinto, 2000), transformative (Bush & Folger, 1994; Bannink, 2007; Kressel, 2007), understanding-based (Friedman & Himmelstein, 2006), dealmaking and orchestration strategies (Kolb, 1985).

I assume that these third party intervention strategies can be considered based on two criteria. The first criterion is the degree of the third party's activity. The second criterion is the aspects emphasized by the third party in the process of solving a conflict - the relations between disputants and their emotions, or the result of a conflict. I suggest that some third parties focus on the substance of a conflict, while others focus on improving the conflict process and the relations between disputants. Hence, a classification of the third party's intervention strategies in solving interpersonal conflicts can be presented (Figure 1).

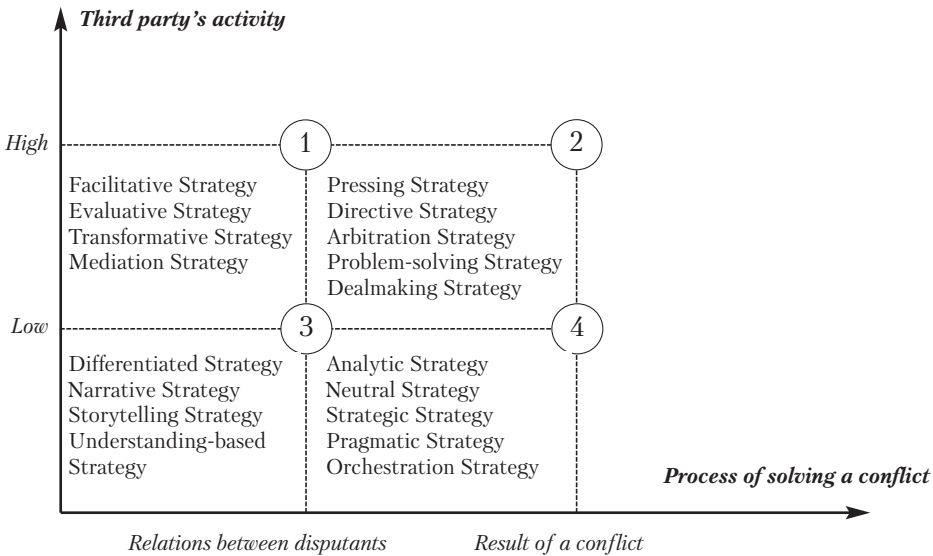
Comparing the strategies to each other it can be noticed, for instance, that a *neutral* third party may be not too much involved in the process of negotiation, playing the passive role of the "*Orchestrator*" in D. Kolb's taxonomy or using *analytic* strategy in R. Birke's classification.

Different third-party intervention strategies should be specified. J. Wall and S. Chan-Serafin (2014) categorized a third party behavior into **pressing**, **evaluative**, and **neutral** strategies.

Using *evaluative strategy* is typically adopted by a third party to analyze the cases in a balanced manner, point out the strengths and weaknesses to each side, give opinions, and discuss

Figure 1

The classification of the third party’s intervention strategies in solving interpersonal conflicts

positive or negative aspects of each side’s case.

Neutral strategies enable a third party to be impartial, not to evaluate or attempt to move either side off positions, to keep both sides talking, have no interest in the outcome, and not to tell the parties what to do. Using a neutral strategy a third party does not take part in a conflict process but mainly performs the role of an observer.

Pressing strategies constitute the most active form of intervention. A third party attempts to move disputants off current positions pressing one or both sides. A third party tends to be direct and persistent (Wall & Chan-Serafin 2014). The pressing strategy describes a third party’s behavior as criticizing the conflicting parties and making them do what he or she wants them to do.

J. Wall, T. Dunne, and S. Chan-Serafin (2011) mentioned that the two

assertive strategies – evaluative and pressing – produce significantly more agreements than a neutral strategy.

K. Kressel (2007) classified a third party’s behavior in terms of **facilitative, evaluative, strategic, and transformative** strategies.

In the *facilitative* strategy a third party focuses primarily on helping the parties identify and express their interests and needs, find a constructive and structured format for dialogue and problem solving.

In the *evaluative* strategy a third party attempts to provide the parties with a realistic assessment of their negotiating positions.

In the *strategic* style a third party adopts to address the underlying dysfunction that is fueling the conflict.

In the *transformative* strategy a third party’s attention and activity aim at ascertaining whether there is an

underlying or latent cause that has fueled the parties' conflict and, if so, they attempt to interest the parties in addressing it (Kressel, 2007, p. 252).

D. Kolb (1994) observed a great number of third parties using various strategies and divided these strategies into two groups named "**Dealmakers**" and "**Orchestrators**".

The "Dealmakers" often offer their opinions and make independent suggestions or recommendations. They attempt to control the process and content of negotiations, and to provide additional motivation for the parties to "make the deal".

By contrast, *the "Orchestrators"* tend to take a more passive role in a conflict preferring that the parties handle the conflict situation themselves with only limited help from the third party (Baker & Ross, 1992).

Generally, the preference of a third party's intervention strategy is determined by the personal features of the conflicting parties, by reasons that have provoked conflict interactions, and the conflicting parties' behavior. It is important to mention that a third party is always interested in the favorable outcome of conflicts meeting both disputants' wishes.

The effectiveness of the third party's intervention strategies in solving interpersonal conflicts

The problem of the effectiveness of the third party's intervention strategies in solving interpersonal conflicts is an important area for scholars.

A number of studies (Carnevale & Pruitt, 1992; Carment & Rowlands, 1998; Nugent & Broedling, 2002; De Dreu & Carnevale, 2003; Loschelder &

Trotschel, 2010) have mentioned the importance of the third-party's intervention effect in solving interpersonal conflicts.

The third-party's intervention should provide valuable results for the disputants and third parties. The major outcome for the disputants is agreement (Kressel & Pruitt, 1989; Wall, Stark, & Standifer, 2001; Hedeem, 2004; Kay, 2009).

Efficacy of a third party's intervention depends on a great number of conditions. One of the ways to evaluate the effectiveness of a third party is to look at the intervention process itself. The disputants come to a conflict solving process with a stunningly diverse array of issues, meanings, experiences, and expectations (McGuigan & Popp, 2007). The efficacy of a third party may be affected by their choice of intervention strategy.

For instance, a number of studies established that *the pressing, directive, and arbitration strategies* of a third party more often lead to agreements than *the neutral, analytic, and orchestration strategies* (Kochan & Jick, 1978; Carnevale & Peggnetter, 1985; Hiltrop, 1985; Kressel & Pruitt, 1989; Wall & Rude, 1991; Bercovitch & Houston, 1993; De Dreu & Carnevale, 2003; Wall et al., 2011).

The pressing, directive, and arbitration strategies are most efficient in a conflict situation when disputants do not have enough time to solve the conflict and are forced to find an immediate solution, and also when disputants know weaknesses and strengths of each other and have no opportunity to find an acceptable solution. These types of strategy are also efficient when disputants are too emotional and aggressive.

It is possible to use less authoritarian strategies after disputants have calmed down (Grishina, 2008).

By contrast, other researchers found the use of *facilitative*, *narrative*, and *mediation strategies* to be more effective (Burton, 1969; Wissler, 2002; Siqueira, 2003; Mareschal, 2005).

For instance, J. Burton (1969) emphasized the importance of facilitative strategies in overcoming perceptual barriers and contributing to solving a conflict. Likewise, J. Wall and S. Chan-Serafin (2014) mentioned that individuals prefer to have control over their actions and have a negative emotional reaction when someone attempts to constrain their personal freedom, and puts pressure on them.

Hence, it is doubtful whether there will ever be a third party's intervention strategy that is effective in all kinds of situations. D. Kolb reported the determinative influence of circumstances on a third party's stylistic behavior (Kolb, 1983).

Thus, the issue of the effectiveness of a third party's intervention in a conflict remains rather disputable.

Conclusion

In summary, it can be noted that the variety of third-party intervention strategies need to be categorized. I suggest two criteria for classification – the degree of the third party's activity and aspects that third party emphasizes in the process of solving a conflict. One of the *limitations* of my review can be in the fact that there are other criteria that can be used for the categorization such as effectiveness of the third-party's intervention, the degree of disputants' activity, and others.

I suppose that these findings could be extended in *further research* by focusing on additional contexts of the third-party's intervention context – domestic, organizational, or international. It will also allow a possibility of generalizing these findings.

References

- Abramson, H. I. (2004). Problem-solving advocacy in mediations. *Dispute Resolution Journal*, 59, 56–64.
- Alberstein, M. (2007). Forms of mediation and law: cultures of dispute resolution. *Ohio State Journal on Dispute Resolution*, 22, 321.
- Antsupov, A. Y., & Shipilov, A. I. (2008). *Konfliktologiya* [Conflictology]. Saint Petersburg: Piter.
- Baker, C., & Ross, W. H. (1992). Mediation control techniques: a test of Kolb's "orchestrators" vs. "dealmaker" model. *The International Journal of Conflict Management*, 3(4), 319–341.
- Bannink, F. P. (2007). Solution-focused brief therapy. *Journal of Contemporary Psychotherapy*, 37(2), 87–94.
- Bercovitch, J., & Houston, A. (1993). Influence of mediator characteristics and behavior on the success of mediation in international relations. *International Journal of Conflict Management*, 4(4), 97–321.
- Birke, R. (2000). Evaluation and facilitation: moving past either/or. *Journal of Dispute Resolution*, 55(2), 247–293.
- Burton, J. W. (1969). *Conflict and communication*. London: Macmillan.
- Bush, R. A., & Folger, J. P. (1994). *The promise of mediation*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Carment, D., & Rowlands, D. (1998). Three's company: evaluating third-party intervention in intrastate conflict. *The Journal of Conflict Resolution*, 42, 572–599.

- Carnevale, P. J., & Peggnetter, R. (1985). The selection of mediation tactics in public-sector disputes: a contingency analysis. *Journal of Social Issues, 41*, 65–81.
- Carnevale, P. J., & Pruitt, D. G. (1992). Negotiation and mediation. *Annual Review of Psychology, 43*, 111–133.
- Charkoudian, L., Ritis, C., Buck, R. & Wilson, C. L. (2009). Mediation by any other name would smell as sweet or would it? The struggles to define mediation and its various approaches. *Conflict Resolution Quarterly, 26*(3), 293–316.
- De Dreu, C., & Carnevale, P. J. (2003). Motivational bases of information processing and strategy in negotiation and social conflict. *Advances in Experimental Social Psychology, 35*, 235–291.
- Della Noce, D. J. (2009). Evaluative mediation: in search of practice competencies. *Conflict Resolution Quarterly, 27*(2), 193–214.
- Dmitriev, L. I., Kudryavtsev, V. N., & Kudryavtsev, N. V. (1993). *Vvedenie v obshchuyu teoriyu konfliktov* [Introduction to general theory of conflicts]. Moscow: Russian Academy of Sciences.
- Emelyanov, S. M. (2000). *Praktikum po konfliktologii* [Practical work in conflictology]. Saint Petersburg: Piter.
- Friedman, G., & Himmelstein, J. (2006). Resolving conflict together: the understanding-based model of mediation. *Journal of Dispute Resolution, 2*, 523–554.
- Gabel, S. (2003). Mediation and psychotherapy: two sides of the same coin? *Negotiation Journal, 19*, 315–328.
- Gerami, A. (2009). Bridging the theory-and-practice gap: mediator power in practice. *Conflict Resolution Quarterly, 26*(4), 433–451.
- Grishina, N. V. (2008). *Psikhologiya konflikta* [Psychology of a conflict]. Saint Petersburg: Piter.
- Gromova, O. N. (2001). *Konfliktologiya* [Conflictology]. Moscow: Tandem.
- Hardy, S. (2008). Mediation and genre. *Negotiation Journal, 24*, 247–268.
- Harper, C. (2006). Mediator as peacemaker: the case for activist transformative-narrative mediation. *Journal of Dispute Resolution, 2*, 595.
- Hedeen, T. (2004). The evolution and evaluation of community mediation: limited research suggests unlimited progress. *Conflict Resolution Quarterly, 22*, 101–133.
- Hiltrop, J. M. (1985). Mediator behavior and the settlement of collective bargaining disputes in Britain. *Journal of Social Issues, 41*, 83–99.
- Kay, J. (2009). Home settling: foreclosure mediation grows, but some wonder if it's the best. *ABA Journal, 95*, 14–17.
- Khasan, B. I., & Sergomanov, P. A. (2004). *Psikhologiya konflikta i peregovory* [Psychology of conflicts and negotiations]. Moscow: Academia.
- Kochan, T. A., & Jick, T. (1978). The public sector mediation process. *Journal of Conflict Resolution, 22*, 209–240.
- Kolb, D. M. (1983). *The mediators*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Kolb, D. M. (1985). To be a mediator: expressive tactics in mediation. *Journal of Social Issues, 41*, 1–25.
- Kolb, D. M. (1994). *When talk works: Profiles of mediators*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Kressel, K. (2007). The strategic style of mediation. *Conflict Resolution Quarterly, 24*, 251–283.
- Kressel, K., & Gadlin, H. (2009). Mediating among scientists: a mental model of expert practice. *Negotiation and Conflict Management Research, 2*, 308–343.
- Kressel, K., & Pruitt, D. G. (1989). *Mediation research*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Kydd, A. (2003). Which side are you on? Bias, credibility, and mediation. *American Journal of Political Science, 47*, 597–611.

- Lande, J. (2000). Toward more sophisticated mediation theory. *Journal of Dispute Resolution*, 2, 321–333.
- Lee, T. L., Gelfand, M. J., & Kashima, Y. (2014). The serial reproduction of conflict: third parties escalate conflict through communication biases. *Journal of Experimental Social Psychology*, 54(1), 68–72.
- Loschelder, D., & Trotschel, R. (2010). Overcoming the competitiveness of an intergroup context: third-party intervention in intergroup negotiations. *Group Processes and Intergroup Relations*, 13, 795–815.
- Mareschal, P. M. (2005). What makes mediation work? Mediators' perspectives on resolving disputes. *Industrial Relations*, 44, 509–517.
- McGuigan, R., & Popp, N. (2007). The self in conflict: the evolution of mediation. *Conflict Resolution Quarterly*, 25(2), 221–238.
- Nugent, P., & Broedling, L. (2002). Managing conflict: third-party interventions for managers. *The Academy of Management Executive*, 16, 139–155.
- Pincock, H. (2013). Does mediation make us better? Exploring the capacity-building potential of community mediation. *Conflict Resolution Quarterly*, 31(1), 3–30.
- Pinto, J. (2000). Peacemaking as ceremony: the mediation model of the Navajo nation. *International Journal of Conflict Management*, 11(3), 267–286.
- Poitras, J. (2013). The strategic use of caucus to facilitate parties' trust in mediators. *International Journal of Conflict Management*, 24(1), 23–39.
- Regina, W. (2000). Bowen systems theory and mediation. *Conflict Resolution Quarterly*, 18, 111–128.
- Riskin, L. L. (1996). Understanding mediators' orientations, strategies, and techniques: a grid for the perplexed. *Harvard Negotiation Law Review*, 1, 7–51.
- Ross, W. H., & Conlon, D. E. (2000). Hybrid forms of third-party dispute resolution: theoretical implication of combining mediation and arbitration. *Academy of Management Review*, 25, 416–427.
- Siqueira, K. (2003). Conflict and third-party intervention. *Defense and Peace Economics*, 14(6), 389–400.
- Stimec, A., & Poitras, J. (2009). Building trust with parties: are mediators overdoing it? *Conflict Resolution Quarterly*, 26(3), 317–331.
- Wall, J. A., & Chan-Serafin, S. (2010). Do mediators walk their talk in civil cases? *Conflict Resolution Quarterly*, 28(1), 3–21.
- Wall, J. A., & Chan-Serafin, S. (2014). Friendly persuasion in civil case mediations. *Conflict Resolution Quarterly*, 31(3), 285–303.
- Wall, J. A., Dunne, T. C., & Chan-Serafin, S. (2011). The effects of neutral, evaluative, and pressing mediator strategies. *Conflict Resolution Quarterly*, 29(2), 127–150.
- Wall, J. A., & Rude, E. D. (1991). The judge as a mediator. *Journal of Applied Psychology*, 76, 54–59.
- Wall, J. A., Stark, J. B., & Standifer, R. L. (2001). Mediation: a current review and theory development. *Journal of Conflict Resolution*, 45, 370–391.
- Wissler, R. L. (2002). Court-connected mediation in general civil cases: what we know from empirical research. *Ohio State Journal on Dispute Resolution*, 17, 641–680.

Milana R. Khachaturova — associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, Department of General and Experimental Psychology and academic director of post-graduate school in psychology, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.

E-mail: mhachaturova@hse.ru

Стратегии вмешательства третьей стороны в разрешение межличностных конфликтов: обзор российских и зарубежных исследований

М.Р. Хачатурова^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

В статье представлен сравнительно-психологический анализ отечественных и зарубежных исследований роли третьей стороны в разрешении конфликтов. Обсуждается авторская классификация стратегий вмешательства третьей стороны в конфликт, основанная на двух критериях. Первый критерий — это степень активности третьей стороны в конфликте. Вторым критерием — аспект, подчеркиваемый третьей стороной в процессе решения конфликта, — отношения между участниками конфликта и их эмоции или результат конфликта. Таким образом, может быть представлена классификация стратегий вмешательства третьей стороны в процесс разрешения межличностного конфликта. Например, когда активность третьей стороны высока и третья сторона акцентирует свое внимание на отношениях между конфликтующими сторонами и их эмоциями в процессе решения конфликта, стратегиями вмешательства третьей стороны являются фасилитативная, оценочная, трансформирующая стратегии и стратегия посредничества. Когда активность третьей стороны высока, но третья сторона ориентируется на результат конфликта, стратегиями вмешательства третьей стороны могут быть — директивная стратегия, стратегии прессинга, арбитража, решения проблем и стратегия активного вмешательства в конфликт («dealmaking» в классификации Д. Колба). Далее, когда активность третьей стороны низка и третья сторона подчеркивает отношения между конфликтующими сторонами и их эмоции в процессе разрешения конфликта, стратегиями вмешательства третьей стороны являются дифференцирующая, нарративная, описывающая стратегии и стратегия, основанная на понимании ситуации. Наконец, когда активность третьей стороны низкая и третья сторона подчеркивает результат конфликта, стратегиями вмешательства третьей стороны могут быть аналитическая, нейтральная, стратегическая, прагматичная стратегии и стратегия пассивного наблюдения («orchestration» в классификации Д. Колба). В статье также проанализирована эффективность различных стратегий вмешательства третьей стороны в конфликт.

Ключевые слова: вмешательство третьей стороны, межличностный конфликт, эффективность стратегий.

Хачатурова Милана Радионовна — доцент, факультет социальных наук, департамент психологии, кафедра общей и экспериментальной психологии, академический директор аспирантской школы по психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Контакты: mhachaturova@hse.ru

В.А. Лефевру — 80

Магия круглых чисел завораживает. Поэтому мы так охотно откликаемся на юбилеи, идет ли речь о выдающихся ученых или обычных людях. 22 сентября этого года исполнилось 80 лет математику и психологу Владимиру Александровичу Лефевру.

Начинал Владимир Александрович так. В середине 1960-х гг. занимался моделированием стратегических конфликтов. Для описания процессов принятия решений в конфликте В.А. Лефевр ввел понятия *рефлексивная система* и *рефлексивное управление*, существенно обогатив тем самым теоретико-игровые методы исследования конфликтных ситуаций. Взаимодействие сторон в конфликте стало возможно описывать на куда более содержательном уровне, чем в традиционной теории игр. Представив поведение конфликтующих сторон на символическом языке в виде *рефлексивных многочленов*, В.А. Лефевр наделил субъекта, принимающего решение, способностью к осознанию (построению образов себя и других), что привело ко многим весьма привлекательным психологическим интерпретациям принятия решений в конфликтных ситуациях. Тогда же была впервые сформулирована идея рефлексивного управления как процесса передачи оснований для принятия решений

одним из противников другому. Его первая книга «Конфликтующие структуры» быстро завоевала широкое признание.

В дальнейшем способность В.А. Лефевра виртуозно оперировать символическими структурами в совокупности с талантом строить глубоко и точно отражающие суть дела, но далеко не очевидные модели позволила ему прийти к выдающимся достижениям: развернуть понятие рефлексии, придать ему новый смысл, построить формальную модель внутреннего мира человека, никак не связанную с его биологической природой, обосновать действия людей в ситуации морального выбора между добром и злом и, наконец, перенести этого субъекта, обладающего человеческой моралью, в просторы Вселенной («Космический субъект»).

В этой яркой и занимательной книге В.А. Лефевр писал:

«Мы верим, что не одиноки во Вселенной. Мы допускаем, что в космическом пространстве обитают подобные нам существа. Мы предполагаем, что их присутствие может быть обнаружено объективными методами. Ключевыми в предыдущем абзаце являются слова “подобные нам”. Каков их смысл? Казалось бы, ответ на этот вопрос несложен. Эти существа, как и мы, должны

быть способны изучать окружающий мир и самих себя, должны создавать совершенную технологию и перемещаться в космическом пространстве. Однако все это, в принципе, может быть доступно и существам, более похожим на насекомых, чем на человека. *Наша специфическая особенность состоит не столько в том, что мы очень умны, сколько в том, что мы обладаем совестью».*

В своей, видимо, главной книге «Алгебра совести» В.А. Лефевр дал рефлексивное описание ситуации морального выбора между добром и злом. Несмотря на то что различия между позитивным («добро») и негативным («зло») полюсами (альтернативами) определить намного сложнее, чем значения функции полезности, исчисляемые при взвешивании альтернативных решений, В.А. Лефевр показал, что для бескорыстного субъекта менее полезная альтернатива может играть роль позитивного полюса. В общем, построив правдоподобную модель неадаптивного, альтруистического поведения, ему удалось объяснить одну из самых драматических коллизий в истории человечества – коллизию между индивидуально оцениваемой пользой и социально оцениваемым добром.

Наша совесть, доказывает В.А. Лефевр в «Алгебре совести», порождается особым внутренним «процессором», автоматически контролирующим как наше поведение, так и сопутствующие этому поведению переживания. Принципы работы этого процессора могут быть описаны математически. Рассмотрение совести как феномена, порождаемого особым внутренним процессором,

имеет не только чисто познавательный интерес, но и прогностическую силу. В.А. построил модель, которая предсказывает существование вполне определенных паттернов поведения, которые должны проявлять себя в ситуациях морального выбора.

Последняя на сегодняшний день книга Владимира Александровича «Что такое одушевленность» (2013), по моему мнению, подводит итог разнообразным экспериментально-психологическим исследованиям автора и придает их результатам единое теоретическое обоснование. В известном смысле такое обоснование завершает его многолетний анализ внутреннего мира субъекта, можно сказать, сооружение естественно-научной платформы сознания.

В данном случае не приходится натужно вспоминать, чем же прославился В.А. Лефевр. Он оказался на редкость современным и «технологичным» автором, со своей подвижницей-женой Викториной (более полувека вместе) он создал сайт, на котором на русском и английском языках доступны его основные труды. Вот адреса сайтов:

algebrasovesti.us — материалы на русском языке;

algebraofconscience.us — материалы на английском языке.

В правом верхнем углу находятся: флаг для перехода с одного языка на другой и кнопки для перехода на отделы сайта.

В.А. Лефевр говорил, что вехи его жизни неразрывно связаны с выходом его книг. Вот их перечень в обратном хронологическом порядке:

- Что такое одушевленность? Когито-Центр, 2013.

- Лекции по теории рефлексивных игр. Когито-Центр, 2009.

- Алгебра совести. Когито-Центр, 2003 (расширенный перевод второго английского издания книги: Algebra of Conscience, 2001).

- Рефлексия. Когито-Центр, 2003.

- Космический субъект. Ин-кварти, 1996.

- Формула человека. Прогресс, 1991.

- Конфликтующие структуры. Советское радио, 1967, 1973.

- Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Алгебра конфликта, 1968.

А вот перечень, книг, опубликованных на английском языке:

- What are Consciousness, Animacy, Mental Activity and the Like? 2014

- The Lectures on the Reflexive Game Theory (translation from Russian), 2010

- Research on Bipolarity and Reflexivity, 2006.

- The Cosmic Subject, with a Foreword by Karl Popper (translation from Russian), 1997.

- Algebra of Conscience, 2nd enlarged edition (with a new second part, “Moral Choice”), 2001.

- Algebra of Conscience, 1st edition (with subtitle, “A Comparative Analysis of Western and Soviet Ethical Systems”), 1982.

- A Psychological Theory of Bipolarity and Reflexivity, 1992.

- The Structure of Awareness: Toward a Symbolic Language of Human Reflexion, 1977.

На сайте также представлены 32 научные статьи и 17 публицистических статей и интервью (на русском языке) и 47 научных статей на английском, 28 из которых не были опубликованы на русском.

Г.Л. Смолян

Смолян Георгий Львович — главный научный сотрудник, Институт системного анализа РАН, доктор философских наук.

Сфера научных интересов: социальные и психологические проблемы автоматизации управления, рефлексивное управление.

Контакты: smolyan2013@mail.ru

ГАУДИ В ПСИХОЛОГИИ

В.А. ПЕТРОВСКИЙ^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Два открывателя новизны, два мыслителя, один в науке, другой в искусстве — Владимир Лефевр и Антонио Гауди — обнаруживают глубинное персональное сходство: нестандартность решений, многообразие компетенций, пронизательность интуиции, эстетику мысли, смелость фантазии — все это «их общее». Архитектор новаторской рефлексивной теории, В.А. Лефевр перебросил мост между двумя реальностями — по ту и по сю сторону Я человека. Теоретики-предшественники имели дело с переходами «внешнее — внутреннее». Но именно Лефевр построил модель, которая не только описывает, но и прогнозирует характер переходов между поведением и сознанием. Автор статьи предлагает некоторые интерпретации, позволяющие осмыслить элементы математического аппарата, используемого Лефевром, извлекая их психологический смысл (подобно тому как в естественных науках открывается «физический смысл» математических символов). С этих позиций в статье интерпретируются: внутриличностные транзакции между берновскими Родителем, Взрослым и Ребенком в момент принятия решений; факты несоответствия модели «принятия риска» Дж. Аткинсона эмпирическим данным (и предлагается модель, устраняющая несоответствие); феномены активной неадаптивности («бескорыстный риск», постановка «надситуативных» задач в познании, парадокс Эдипа); «субъектные сборки» во внутреннем пространстве личности, позволяющие ее целям воплощаться в ожидаемые результаты; феномены внутренней коммуникации «Я — другое Я», генерируемые посредством рекурсии, и др.

Ключевые слова: «внешнее — внутреннее», материальная импликация, «золотое сечение», внутренние транзакции, выбор риска, интенциональные выборы, психофеноменология.

Это посвящение В.А. Лефевру я пишу в Барселоне, городе А. Гауди. Я не первый раз тут, но «адаптация» к чуду не наступает. Потому что именно Гауди, фантастическая мощь которого прорастает вверх сквозь время все еще не законченным храмом Святого семейства, не дает ощущения завершенности на фоне величия.

Я пишу о Лефевре и ощущаю присутствие Гауди. Время от времени повторяю про себя три слова: «Гауди в психологии». В какой-то момент понимаю, что это название моей будущей статьи.

Изобретатель рефлексивной теории В.А. Лефевр строго математически показал, что субъект сам о себе

не может сказать: «Я — святой». Есть такие черты личности, которые существуют за пределами индивидуального самосознания человека (я называю такие черты «метаиндивидуальными»). Человек не может сказать о себе: «Я — герой», «Я — душевный», «Я — гений». Только другие такое могут — о нем¹. Тем более великому человеку (художнику, ученому, писателю) и в голову не придет сравнивать себя с другим, великим. Мог ли Л.С. Выготский сам сказать о себе: «Знаете ли, я — Моцарт в психологии!» Конечно, нет! Но британский философ Стивен Тулмин именно так писал о Выготском.

Разумеется, не мне судить о святости или героизме человека, изменившего мое представление о психологии. Но то, что Лефевр — выдающийся архитектор психологии субъектности, «архитектор от бога» (так говорят о Гауди), для меня очевидно.

Современная психология, как и вся предшествующая психология, начиная с XX в. и далее вниз, по ступенькам истории, традиционно расколота надвое: интроспективная психология (феноменологическая психология — в величии ее разновидностей) и поведенческая психология (бихевиоризм во всех его оттенках и переливах). Россиянин, возможно, добавит: «культурно-деятельностный подход» (обязанный своим появлением Л.С. Выготскому, А.Н. Леонтьеву и уж, конечно, их пожизненному и бессмертному оппоненту, С.Л. Рубинштейну); однако оставим на время это важное уточнение, мы вернемся к нему ниже и ограничимся исторически сложив-

шейся парой «интроспекционизм — бихевиоризм».

Владимир Лефевр предложил *теорию* (выделим это слово!), способную преодолеть эту дихотомию. Его модель «готовности к биполярному выбору» связывает воедино субъективные и объективные аспекты активности. Изящная формула, неожиданное место в которой отводится оператору материальной импликации « \rightarrow », в два шага связывает мир внутренний, субъективный, существующий по сю сторону Я, и мир внешний, объективный, по ту сторону Я. В этой формуле всего четыре символа: a_1 — «давление среды», a_2 — «образ давления среды», a_3 — «интенции» и A — «готовность к биполярному выбору»:

$$A = (a_3 \rightarrow a_2) \rightarrow a_1, a_i \text{ принимает значения } 0 \text{ или } 1.$$

Два из этих символов, a_3 и a_2 (интенции и образ давления среды), относятся к миру внутреннему, а два других, a_1 и A (давление среды и итоговая готовность к выбору), — к миру внешнему. Смотрим на эту, казалось бы, очень простую формулу (далеко не все, но *кое-что* гениальное действительно просто) и видим, что в ней спрятана, а точнее, вполне наглядно выявлена связь между мирами по обе стороны Я, или, скажем так, идея отраженности внешних контактов индивидуума со средой во внутреннем пространстве его бытия: одно как бы свернуто в другом. Впрочем, эта пружинная свертка «умеет» разворачиваться вовне, порождая готовность к действию.

¹ Сочтем ли мы «душевным» того, кто сам о себе говорит: «Я — душевный»?!

Мы видим, как элементы субъективного мира, a_3 (интенции) и a_2 (образ давления среды), вступая в контакт друг с другом (все та же несколько загадочная импликация « \rightarrow »), «обращены» вовне и в контакте с элементом объективного мира a_1 , порождают объективную готовность к выбору того или иного полюса из возможных.

Нам, таким образом, открывается возможность перейти от общеметодологических размышлений, которые при всей их серьезности еще не образуют крепь теории (например, о «внешнем через внутреннее» или «внутреннем через внешнее» как принципах понимания психического, по Рубинштейну versus Леонтьев).

Символ « \rightarrow » в составе рефлексивной теории — в некотором роде, повторяю, загадка! Ведь ничего общего с интуитивным «если... то...» (теперь такое понимание материальной импликации успешно усваивают пятиклассники в российских школах, и оно в общем соответствует общепризнанному). Вьедливый читатель в недоумении: как Лефевру пришло в голову столь нестандартно обойтись с символом импликации, внедрив его в формулу, где никакое «если... то...» неуместно?! По-видимому, если отшучиваться, то ответ здесь был бы один: «В гениальную голову приходит и не такое!»² И вот что замечательно: базовая импlicative модель выбора Лефевра, напоминающая о себе в разных построениях теоретика, прекрасно работает, предсказывая результаты эмпирических исследований и наблюдений (его собственных и сторонних). Постулат, кажущийся столь

необычным, полностью себя оправдывает (чем не знак красоты и состоятельности теории?).

Гауди, как известно, порой «с места», интуитивно, руками, создавал то, что потом еще долго интриговало последователей корпеть над вопросами «что стоит за этим?» и «как такое возможно?». К счастью, эти вопросы мы имеем возможность сегодня напрямую обсуждать с творцом рефлексивной теории (Петровский, 2013б). В Барселоне, на фоне храма Гауди, к этим вопросам мы еще на минуту-другую вернемся.

Формула биполярного выбора и ее «непрерывная» модификация,

$$A = a_1 + (1 - a_1)(1 - a_2)a_3, \text{ при } 0 \leq a_i \leq 1,$$

позволяют интерпретировать и прогнозировать нетривиальные феномены, обнаруживаемые в экспериментах. В слово «нетривиальное» я вкладываю особый смысл: насколько результаты исследования (факты, полученные эмпирически) отличаются от прогнозов независимых экспертов, осведомленных об условиях испытания.

Взять хотя бы такой нетривиальный факт, имеющий под собой нетривиальную объяснительно-прогностическую модель Лефевра (конечно, читатели, знакомые с его теорией, заранее знают ответ, поэтому вопрос, который я бы хотел задать экспертам, явно не к знатокам).

Испытуемый раскладывает на две кучки «правильные» и «неправильные» фасолинки; они на самом деле все «правильные» (практически одинаковые по форме), о чем испытуемый

² На молодежном сленге это звучало бы: «Слом башки».

не знает. Как вы думаете, как распределяются фасолинки по кучкам, какой величины образуются горки «правильных» и «неправильных» зернышек? Возьму на себя смелость «от себя» резюмировать ответ тысяч «независимых экспертов»: кучки должны быть почти равны, $\approx 50\%$ «правильных», $\approx 50\%$ «неправильных» фасолинок. Теперь внимание — правильный ответ: в одной кучке $\approx 62\%$, в другой $\approx 38\%$ (не так уж существенно, сколько в какой «правильных», сколько «неправильных», но чаще всего больше кучка «правильных» фасолинок). Модель готовности субъекта к биполярному выбору предсказывает такой результат!

Итак, нам открываются не только неожиданные (нетривиальные) результаты исследования, но и неожиданная возможность их математически предсказать. Добавим: соотношение $62\% \div 38\%$ — хорошо известное с античных времен «золотое сечение» — характеристика совершенно-

го отношения между величинами, образующими целое: $0.62 + 0.38 = 0.62 + 0.62^2 = 1$. В.А. Лефевру удается не просто эмпирически «уловить» («заметить», «пронаблюдать») присутствие «золотого сечения», но и раскрыть логику его соучастия в процессах выбора. Таковы неочевидные следствия объединения в одной модели феноменологических и поведенческих аспектов активности.

Скромная на вид имплицативная форма, связывающая субъективный и объективный миры, позволяет Лефевру создавать изящные, легкие, прочные логические конструкции. Ассоциация с Гауди напрашивается. Взять хотя бы ветвистые, уходящие ввысь, раскидистые деревья-опоры множественных исходов-выборов в «Космическом субъекте» (Лефевр, 1996) и в подкупольной «Алгебре совести» (Лефевр, 2004) (приведу без комментариев только три рисунка из многих лефевровских (рисунок 1).

На рисунках мы не находим стрелочки импликации « \rightarrow ». Она здесь

Рисунок 1

Рисунки В.А. Лефевра

$$\frac{a+b}{a} + \frac{\bar{b} + \bar{a}}{b}$$

Рис. 1. А и В находятся в конфликте. Оба отражают этот факт корректно. У А корректные образы и себя, и В. У В некорректные образы и себя, и А.

$$X_1 = x_1 x_2 x_3^* z y_3^* y_2$$

Рис. 2. Субъект, обладающий моделью группы; x_3 - модель себя, y_3 - модель другого, z^* - модель отношений

$$X_1^{(0)} = x_1 x_2 x_1 x_2 x_1 x_2 \dots$$

Рис.3. Реалист, совершивший n актов осознания

замещается степенью, в которую математически корректно возводятся переменные — «несущие» элементы конструкции (переход от импlicative к степенной форме — также впечатляющая находка архитектора-теоретика!). Разгадать «стрелочку» импликации и основанные на них «степенную» и непрерывную формы записи — подарок, великодушно предоставленный автором рефлексивной теории своим последователям.

Будем считать, что X — это запрос субъекта на приобретение дополнительных внешних ресурсов Y , компенсирующих дефицит потенциальных внутренних ресурсов субъекта, равный, соответственно, $1 - X$ (здесь 1 символизирует весь потенциал внутренних ресурсов субъекта); в булевой записи — $\neg X$ («не- X »). Логично допустить, что внешний ресурс Y присваивается субъектом не полностью, не «целиком», но в меру заинтересованности субъекта в присвоении, чему соответствует произведение XY , или, в булевой записи, $X \wedge Y$ (« X и Y »). Объединив потенциальный ресурс, нуждающийся в восполнении, и новоприобретенный ресурс, получаем то, что может быть названо состоятельностью субъекта (все то, что вслед за В.А. Лефевром может быть названо также статусом: этическим (Лефевр, 2004), логиче-

ским (Петровский, 2013а), «возможностным» etc). Таким образом, имеем: $X \rightarrow Y = 1 - X + XY$, а в булевой форме, с использованием знака дизъюнкции « \vee » («или»), это: $\neg X \vee X \wedge Y$ (потенциальный внутренний ресурс вместе с присвоенным внешним ресурсом). Стрелочка « \rightarrow » в этом случае интерпретируется как оператор восполнения дефицита внутреннего ресурса, реализуемого с опорой на внешний ресурс (отсюда и направленность стрелочки-запроса).

Опираясь на подобное понимание, можно видеть, как работают булева модель Лефевра и ее модификации с использованием аппарата решеток — модель «нормативного поведения» (Таран, 2000, 2001) в контексте психологии личности. В поле зрения исследователей-персонологов оказываются:

— внутренние транзакции личности; в транзактном анализе Э. Берна различные «части» личности (эго-состояния Родитель, Взрослый, Ребенок) могут придерживаться различных устремлений; интерпретируя их взаимоотношения в терминах булевой модели Лефевра и модели нормативного поведения, Т.А. Таран удается предсказать, при каком соотношении интересов личность совершит разумный выбор³;

— «выбор риска» в модели Дж. Аткинсона (Atkinson, 1957, 1964;

³ Думаю, мои коллеги — транзактные аналитики, преодолев предубеждение перед формулами, испытали бы некоторое удивление, узнав, что лефевровский логико-математический аппарат может быть эффективно использован для описания внутренних транзакций между эго-состояниями Взрослый, Родитель, Ребенок в динамике личности. Например, если Ребенок, т.е. детская часть личности, чего-то не хочет, от чего-то активно отказывается («не хочу!», «не буду!»), то Взрослый может добиться желаемого, используя рациональные аргументы («ты мог бы», «есть смысл попробовать»); однако такое возможно только тогда, когда Родитель уходит в сторону, не

Хекхаузен, 2003) и мультисубъектной модели готовности личности (Петровский, 2013а) к выбору в развитии модели Лефевра (удается интерпретировать несоответствие модели Аткинсона эмпирическим данным и предложить интерпретацию, устраняющую несоответствие) (Петровский, 2006);

— феномены активной неадаптивности («бескорыстный риск», постановка «надситуативных» задач в познании, парадокс Эдипа⁴) (Петровский, 2013а);

— «субъектные сборки» во внутреннем пространстве личности, позволяющие ее целям воплощаться в ожидаемые результаты (что соответствует «интециональным выборам» В. Лефевра и при этом расходится с законом «гетерогении целей» В. Вундта) (Петровский, 2008а, 2013а);

— феномены внутренней коммуникации «Я — другое Я», генерируемые посредством рекурсии — многократного удвоения Я в роли опоры при разрешении проблемных ситуаций (на основе эксплораторного факторного анализа было эмпирически показано, что при этом актуализируется представление о себе в качестве «иного» Я, отличающегося от наличного Я предприимчивостью, креативностью, успешностью, — см.: Евченко, 2015);

— феномены «рефлексивной возгонки» и «рефлексивной редукции» влечений (Петровский, 2013а; Чернышкова, 2012).

Математические модели Лефевра охватывают всю сферу психического, включая в себе двусторонние переходы субъективного и объективного друг в друга. Неслучайно автор рефлексивной теории называет свои разработки «исчисляемой психофеноменологией». Его теория — отнюдь не колеблется «на качелях между душой и телом» (так называется одна из интересных книг недавнего времени под редакцией В.П. Зинченко). Его теория связывает работу души и действия тела, соотнося «реальное», «знаемое», «осознанное».

Беру на себя смелость сказать, что часто мы смешиваем эти понятия либо разводим их чисто словесно. Но именно Лефевр показал, что такие «разводы», такое смешение недопустимы. И в рефлексивных играх, и в перцепции, и в принятии человеком этических решений налицо интригующее несовпадение внешнего и внутреннего, противоречивые отношения между реальным, знаемым, осознанным.

Вот еще один пример, непосредственно относящийся к сказанному: это поразительная находка Лефевра, описанная в «Алгебре совести».

оказывая давления («должен!»). Если же и Родитель объединится со Взрослым, «помогая» ему убедить Ребенка, то это — медвежья услуга: побеждает капризный Ребенок. Эти закономерности мы учитываем, ведя психотерапевтическую работу с клиентами, совместно «перенацеливая» их на новые решения.

⁴ «Парадокс Эдипа» известен в социологии как эффект влияния прогноза на прогнозируемые события. В психологии мы исследовали этот парадокс, предъявляя испытуемым предсказания, касающиеся их ответов на вопросы личностных опросников, что вело к заметному изменению ожидаемых, хорошо предсказуемых, ответов (использовались параллельные формы опросников).

Автор постулирует (и эмпирически обосновывает) существование двух этических систем: для представителей первой из них компромисс между добром и злом есть зло, а для представителей второй этической такой компромисс системы — добро. «Для первой системы характерен запрет зла, например: “не лги”, для второй — призыв к добру: “будь правдив”» (Лефевр, 2002). И вот тут-то шокирующий «перевертыш» — некая рефлексивная инверсия: первые проявляют тенденцию к компромиссу с людьми — они на деле терпимы и толерантны, стремятся разрешить конфликты; вторые склонны к борьбе до победы с конкретными людьми, к эскалации конфликта⁵.

Факты несовпадения и в то же время связи «субъективного» и объективного, «феноменологического» и «поведенческого», «сознания и деятельности», «рефлексивного» и «дорефлексивного», разных уровней «внутреннего» и «внешнего» — капитальное открытие *психолога* Лефевра. Подчеркиваю — психолога, так как Лефевр не только психолог (сам о себе он сказал мне доверительно: «Я — астроном»). В этих заметках я

почти не затрагиваю другие ипостаси авторства уникального ученого-теоретика⁶. Достаточно «одной» психологии, чтобы со временем оценить выдающийся вклад Лефевра в науку⁷.

Психология, согласно Б.М. Кедрову, занимает в системе наук центральное место, соприкасаясь с естественными и гуманитарными науками. Кедров писал о зависимости психологии от наук о природе, обществе и культуры, а Ж. Пиаже, приветствуя подход Кедрова, подчеркивал обратную зависимость, говоря о вкладе психологии в гуманитарное и естественно-научное знание. «Исчисляемая *психофеноменология*», занимая центральное место в «науке Лефевра», соприкасается вполне непосредственно с другими *исчисляемыми феноменологиями*; обозначим их соответственно:

— *социальная феноменология* («Конфликтующие структуры» — см.: Лефевр, 1973; более поздние работы, посвященные «рефлексивным играм», и — «ничуть не игровым» — военным и политическим решениям⁸);

— *этическая феноменология* («Алгебра совести»);

⁵ Эти наблюдения и выводы из теории двух этических систем должны были бы вызвать смтение в головах тех исследователей, которые судят об общественных настроениях и настроениях людей, исходя из их (респондентов) мнений о себе и окружающих, правда, далеко не всем социологам по сердцу расшифровывать странные, бегущие вверх формулы вдогонку за мыслями автора.

⁶ Более полно о других аспектах рефлексивной теории речь идет в интервью «Космизм рефлексии Лефевра» (Петровский, 2013б).

⁷ Насколько психологи, авторы учебников психологии, смогли оценить этот вклад — отразить его в своих учебниках? К сожалению, до сих пор разработки В.А. Лефевра не получили подобающего освещения в психологической литературе вообще и в учебной литературе по психологии в частности. Но это, конечно, особый вопрос, я думаю он будет решен со временем (может быть, к моменту завершения храма Святого семейства?).

⁸ Недавно узнал: В.А. Лефевр в настоящее время работает с мозговым центром CADs по проблемам, связанным с «войной с терроризмом»; «руководство этой организации утверждает, что

— *герменевтическая* феноменология (язык изображений для описания внутреннего мира человека, в том числе литературных персонажей);

— *астрофизическая* феноменология («Космический субъект», «Что значит одушевленность?»).

Замечательное открытие, сделанное В.А. Лефевром, описывает связь между силой внешнего (физического) стимула и интенсивностью его субъективного переживания. Отталкиваясь от формальной модели субъекта и интерпретируя осознание как «вид существования термодинамических характеристик нейронных сетей, проводящих вычислительные процессы», В.А. Лефевр предлагает термодинамическую модель субъекта, позволяющую вывести из нее психофизические законы Фехнера и Стивенса.

«Исчисленные» Лефевром понятия свободы, свободы воли, совести, веры, конфликта, субъектности, самой души — исключительное завоевание ученого, который на своем опыте показал, что не только в естествознании, как писал И. Кант, но и в гуманитарных науках, прежде всего в психологии, по-видимому, есть лишь столько настоящей науки, сколько в ней математики (это положение оспаривается сегодня многими, но, я думаю, чаще из страха и от бессилия перед ней, чем по иным соображениям). Все эти понятия служат преодолению пропасти между двумя пониманиями мира, двумя парадигмами — есте-

ственно-научной и гуманитарной; в психологии это противостояние «объяснительной» и «описательной», «феноменологической» и «поведенческой» психологии, «психологии сознания» и «психологии поведения».

Продолжая тему, поднятую Л.С. Выготским в конце 1920-х гг. о кризисе методологических основ психологии, С.Л. Рубинштейн писал, что сущность этого кризиса состоит в поляризации психологии сознания и бихевиоризма (Рубинштейн, 2000).

Работы Лефевра намечают выход из этого кризиса.

...Нет, пожалуй, «намечают» — это не точно сказано! Они не столько «намечают» выход из кризиса, сколько *выводят* из него; в работах создателя рефлексивных моделей активности показано, чего можно достичь «по ту сторону» кризиса — и нового понимания, и новых фактов, и новых практик. Разработки В.А. Лефевра возвышают роль психологии как науки, способной сделать себя своим собственным предметом, обратить результаты психологических исследований, проведенных на испытуемых, в источник их собственных представлений о себе, встроить психологическое знание в движение жизни, увидеть в земном человеке черты космического субъекта.

Все построения Лефевра, конструктора новой «формулы человека» — методолога, философа, герменевтика, математика, астрофизика, психолога, — в конечном счете, устремлены вверх, за пределы земного.

Все построения Гауди, «конструктора XX в.» (Л. Корбузье) — строителя, скульптора, художника, архитектора, человека, сопровождавшего «все свои действия практикой христианских добродетелей», убежденного, «что без них нравственность поведения невозможна» (С. Мартинелл), — устремлены вверх, во Вселенское запределье.

Нестандартность решений, многообразие компетенций, проницательность интуиции, эстетика мысли, смелость фантазии — все это «их общее». И еще главное, сущностное: опыт воплощения идеи добра, сводя-

щий вместе мысль, интуицию, знание, красоту, смелость (оба — первоходцы).

...Гауди не поднял свой храм выше окружающих гор. Он полагал, что творение рук человеческих не может быть выше творенья Божьего — высшей точки горы. Но если вровень с природой, то можно.

Тех же принципов, мне думается, придерживается В.А. Лефевр.

Как истинный ученый, он скромный. Строит здание своей теории вровень с космосом, не выше.

Литература

- Лефевр, В. А. (1973). *Конфликтующие структуры* (2-е изд., перераб. и доп.). М.: Советское радио.
- Лефевр, В. А. (1996). *Космический субъект*. М.: Ин-квартио.
- Лефевр, В. А. (2002). Стратегические решения и мораль. *Рефлексивные процессы и управление*, 2(1), 24–26.
- Лефевр, В. А. (2004). *Алгебра совести*. М.: Когито-Центр.
- Евченко, Н. А. (2015). Внутренняя коммуникация «Я – другое Я» в динамике субъектных проявлений личности (Автореферат кандидатской диссертации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва).
- Петровский, В. А. (2006). Уровень трудности задачи: метаимпликативная модель мотивации выбора. *Психологический журнал*, 27(1), 6–23.
- Петровский, В. А. (2008а). Индивидуальность, саморегуляция, гармония. *Консультативная психология и психотерапия*, 1, 60–90.
- Петровский, В. А. (2008б). Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 5(1), 77–100.
- Петровский, В. А. (2013а). «Я» в персонологической перспективе. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Петровский, В. А. (2013б). Космизм рефлексии Лефевра. Беседа с В.А. Лефевром. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(2), 27–23.
- Рубинштейн, С. Л. (2000). Кризис методологических основ психологии. В кн. С. Л. Рубинштейн, *Основы общей психологии*. СПб.: Питер.
- Таран, Т. А. (2000). Многозначные булевы модели рефлексивного выбора. В кн. В. Е. Лепский (ред.), *Рефлексивное управление. Сборник статей* (с. 122–132). М.: Институт психологии РАН.

- Таран, Т. А. (2001). Булевы модели рефлексивного управления в ситуации выбора. *Автоматика и телемеханика*, 10, 103–117.
- Хекхаузен, Х. (2003). *Мотивация и деятельность* (2-е изд.). СПб./М.: Питер/Смысл.
- Чернышкова, Е. Ю. (2012). *Рефлексия как условие динамики фрустрационного реагирования* (Автореферат кандидатской диссертации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва).
- Atkinson, J. W. (1957). Motivational determinants of risk-taking behavior. *Psychological Review*, 64, 359–372.
- Atkinson, J. W. (1964). *An introduction to motivation*. Princeton, NJ: Van Nostrand.

Петровский Вадим Артурович — ординарный профессор, профессор, кафедра психологии личности, факультет социальных наук, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», член-корреспондент РАО, профессор, доктор психологических наук.
Контакты: petrowskiy@mail.ru

Gaudi in Psychology

V.A. Petrovsky^a

^a *National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitckaya str., Moscow 101000 Russian Federation*

Abstract

There are two path-breakers, two thinkers, one in science and the other in art – Vladimir Lefevr and Antonio Gaudi – that have a deep personal kinship: out-of-the-box decisions, diverse competences, incisive intuitions, aesthetics of thought, bold imagination – they have all these “in common”. An architect of a ground-breaking reflexive theory, V.A. Lefevr built a bridge between two realiae – on this and on the other side of a human self. The theoreticians-predecessors dealt with transitions “inner – outer”. But it is Lefevr, who built a model, which not only describes, but also predicts the pattern of transitions between consciousness and behavior. The author of this article offers some interpretations that will allow comprehending the elements of mathematical analysis that Lefevr uses, deriving their psychological meaning (as “physical meaning” of mathematical symbols is revealed in natural sciences). From this standpoint the article interprets intrapersonal transactions between Berne’s Parent, Adult and Child in the moments of decision-making; facts of disagreement of the J. Atkinson’s model of “decision-making” with the empirical data (and offers the model that corrects non-conformances); phenomena of active inadaptability (“altruistic risk”, statement of the “above-situational” tasks in cognition, Oedipus paradox); “subjective assemblage points” in the inner space of personality, which help realize its goals in the anticipated results; phenomena of inner communications “me – the other me”, generated by means of recursion, etc.

Keywords: intrinsic – extrinsic, material implication, golden ratio, inner transactions, choice of risk, intentional choices, psychophenomenology.

References

- Lefebvre, V. A. (1973). *Konfliktuyushchie struktury* [Conflicting structures] (2nd ed.). Moscow: Sovetskoe radio.
- Lefebvre, V. A. (1996). *Kosmicheskii sub'ekt* [The cosmic subject]. Moscow: In-kvarto.
- Lefebvre, V. A. (2002). Strategicheskie resheniya i moral' [Strategic decisions and morality]. *Refleksivnye Protssesy i Upravlenie*, 2(1), 24–26.
- Lefebvre, V. A. (2004). *Algebra sovesti* [The algebra of conscience]. Moscow: Kogito-Tsentr.
- Evchenko, N. A. (2015). *Vnutrennyaya kommunikatsiya "Ya – drugoe Ya" v dinamike sub'ektnykh proyavlenii lichnosti* [Inner communication "Me – the other Me"] (Extended abstract of Ph.D. dissertation, National Research University "Higher School of Economics", Moscow).
- Petrovsky, V. A. (2006). Task difficulty level: Metaimplicative model of motivation of choice. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 27(1), 6–23. (in Russian)
- Petrovskiy, V. A. (2008a). Individual'nost', samoregulyatsiya, garmoniya [Individuality, self-regulation, harmony]. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya*, 1, 60–90.
- Petrovskiy, V. A. (2008b). Opulence and reflection: Four resources model. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 5(1), 77–100. (in Russian)
- Petrovskiy, V. A. (2013a). "Ya" v personologicheskoi perspektive [Self in the personological perspective]. Moscow: HSE Publishing House.
- Petrovsky, V. A. (2013b). The cosmism of Lefebvre's reflection. Interview with V.A. Lefebvre. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 10(2), 7–23. (in Russian)
- Rubinstein, S. L. (2000). Krizis metodologicheskikh osnov psikhologii [The crisis of methodological principles of psychology]. In S. L. Rubinstein, *Osnovy obshchei psikhologii* [The principles of general psychology]. Saint Petersburg: Piter.
- Heckhausen, H. (2003). *Motivatsiya i deyatel'nost'* [Motivation and activity] (2nd ed.). Saint Petersburg/Moscow: Piter/Smysl. (Transl. of: Heckhausen, H. (1980). *Motivation und Handeln. Lehrbuch der Motivationspsychologie*. Berlin: Springer. (in German))
- Taran, T. A. (2000). *Mnogoznachnyye bulevy modeli refleksivnogo vybora* [Multivalued Boolean models of reflexive choice]. In V. E. Lepskii (Ed.), *Refleksivnoe upravlenie. Sbornik statei* [Reflexive management. Collected papers] (pp. 122–132). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Taran, T. A. (2001). Boolean models of reflexive control under choice conditions. *Avtomatika i Telemekhanika*, 10, 103–117. (in Russian)
- Chernyshkova, E. Yu. (2012). *Refleksiya kak uslovie dinamiki frustratsionnogo reagirovaniya* [Reflection as a condition for dynamics of frustration response] (Extended abstract of Ph.D. dissertation, National Research University "Higher School of Economics", Moscow).
- Atkinson, J. W. (1957). Motivational determinants of risk-taking behavior. *Psychological Review*, 64, 359–372.
- Atkinson, J. W. (1964). *An introduction to motivation*. Princeton, NJ: Van Nostrand.

Vadim A. Petrovskiy – professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, D. Sc.
E-mail: petrowskiy@mail.ru

XVIII Апрельская международная научная конференция

«Модернизация экономики и общества»

11–14 апреля 2017 г. в Москве состоится XVIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при участии Всемирного банка. Председателем Программного комитета конференции является научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е.Г. Ясин.

Пленарные заседания конференции и специальные круглые столы будут посвящены наиболее актуальным проблемам экономического и социального развития страны. После пленарных заседаний и в течение последующих дней будут проводиться академические сессии с представлением научных докладов.

С основными тематическими направлениями конференции можно ознакомиться на официальном сайте: <http://conf.hse.ru>. Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарные и ряд секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом. Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует подавать в режиме онлайн по адресу: <http://conf.hse.ru/> с **11 сентября 2016 г. до 13 ноября 2016 г.** Решение Программного комитета о включении докладов в программу конференции будет принято до **25 января 2017 г.**

Доклады, включенные в Программу конференции, после дополнительного рецензирования и рассмотрения редакциями могут быть приняты к публикации в ведущие российские научные журналы по экономике, социологии, менеджменту, государственному управлению, которые индексируются Scopus и/или Web of Science, входят в список ВАК и редакторы которых участвуют в работе Программного комитета конференции.

Участникам из стран СНГ и Восточной Европы, приглашенным выступить с докладами, может быть предоставлен грант Представительством Всемирного банка в Москве с целью компенсации расходов по участию в конференции. Заявки на получение гранта должны быть направлены до **13 февраля 2017 г.** по адресу interconf@hse.ru.

В рамках конференции планируется организовать серию семинаров для докторантов и аспирантов (с возможностью предоставления грантов на проезд и проживание для отобранных докладчиков). Информация об условиях участия в этих семинарах будет доступна на официальном сайте <http://conf.hse.ru/>

Заявки на участие в конференции без доклада принимаются в режиме онлайн с **14 ноября 2016 г. до 18 марта 2017 г.** по адресу: <http://conf.hse.ru/>. Информация о размерах и возможностях оплаты организационных взносов доступна на официальном сайте по адресу <http://conf.hse.ru/>.

С программами и материалами I–XVII международных научных конференций (2000–2016 гг.) можно ознакомиться на сайте: <http://conf.hse.ru/2015/history>.

Оргкомитет конференции

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-59803 от 7 ноября 2014 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 115230 Москва, Варшавское ш., д. 44а, оф. 405а,

Издательский дом НИУ ВШЭ

Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел. (499) 611-15-08, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 350 экз. Печ. л. 12